

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1

№ 5 (126) / 2023

ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),
А. А. Романовская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, З. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Бюмена А. А., Кучура С. С.</i> Провокативные тактики в телевизионном интервью.....	7
<i>Ду Цзюань.</i> Производные существительные-полисеманты с синкретичным лексико-грамматическим значением и их словообразовательный потенциал.....	17
<i>Иванов Е. Е.</i> Возможности тезаурусного моделирования терминосистемы «Экономика».....	26
<i>Марцынкевіч В. І.</i> Дзіця як аб’ект намінацыі ў аспекце лінгвасэнсарных даследаванняў.....	33
<i>Щукина С. К.</i> Семантика и прагматика вербальной ремарки в письменном поликодовом тексте фортепианных пьес Клода Дебюсси	42

Романское и германское языкознание

<i>Глазко П. П.</i> Параметры модуса эмотивности в новых медиа США и Беларуси	53
<i>Дорофеенко М. Л.</i> Структура внутриселенческой топонимии (на материале ономастических единиц Беларуси и Франции).....	62
<i>Петракова Ю. И., Чигак А. А.</i> Средства лексической репрезентации страха в немецком языке	68

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Сидоревич-Стахнова О. В.</i> Экология общения, этика, кооперация. К постановке проблемы.....	76
<i>Старасценка Т. Я.</i> Тэарэтычны аспект мастацкай камунікацыі.....	86

Исследования славянских языков

<i>Папейко А. А.</i> Метафорическое осмысление жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: глагольные конструкции со значением субъекта	93
---	----

Литературоведение

<i>Бурдзялёва І. А.</i> Трансфармацыя рэалістычнай традыцыі ў прозе Ф. Сіўко	101
<i>Кудрявцева И. К.</i> “A Walled Garden” by P. Taylor from the Perspective of Feminist Literary Criticism.....	109
<i>Леська Л. П.</i> Аспекты візуальнага ў вершаваных казках В. Віткі	115
<i>Макаревич Ю. С., Кудрявцева И. К.</i> Особенности функционирования интертекста в романах Аманды Кросс.....	123
<i>Хмяльніцкі М. М.</i> Імагалагічныя даследаванні С. П. Мусяенка: беларуска-польскі вектар.....	129
<i>Чарота У. І.</i> Цытаты з літаратурнай спадчыны Франчэска Петраркі ў “Фрынасе” М. Смятрыцкага	138

CONTENTS

General and Typological Linguistics

- Biyumena A., Kuchura S.* Provocative Tactics in the TV Interview..... 7
- Du Juan.* Derivative Abstract Nouns-Polysemants with Syncretic Meaning
and Their Word-Forming Potential..... 17
- Ivanov E.* Possibilities of Thesaurus Modeling
of the Terminological System “Economy” 26
- Martsynkevich V.* Child as an Object of Nomination in the Aspect
of Linguosensoric Research 33
- Schukina S.* Semantics and Pragmatics
of Verbal Remarks in Written Polycode Text
of Piano Pieces by Claude Debussy 42

Romance and Germanic Linguistics

- Hlazko P.* Parameters of Emotiveness in the New Media of the USA and Belarus..... 53
- Darafeyenka M.* Structure of Intersettlement Toponymy
(by the material of Onomastic Units of Belarus and France) 62
- Petrakova J., Chyhak A.* Means of Lexical Representation of Fear in German 68

Problems of Applied Linguistics

- Sidarevich-Stakhnova O.* Ecology of Communication, Ethics, Cooperation.
To the Problem Statement..... 76
- Starastsenka T.* Theoretical Aspect of Literary Communication..... 86

Studies of Slavic Languages

- Papeiko A.* Metaphorical Understanding
of Life in the Poetic Discourse of M.I. Tsvetaeva:
Verb Constructions with the Meaning of Subject..... 93

Literary Studies

<i>Burdzialova I.</i> Transformation of Realistic Tradition in F. Siuko's Prose	101
<i>Kudriavtseva I.</i> "A Walled Garden" by P. Taylor from the Perspective of Feminist Literary Criticism.....	109
<i>Leska L.</i> Aspects of the Visual in Poetic Fairy Tales by V. Vitka.....	115
<i>Makarevich Yu., Kudriavtseva I.</i> Peculiarities of the Functioning of Intertext in the Novels of Amanda Cross.....	123
<i>Khmielnitski M.</i> Imagological Research of S. P. Musienka: Belarusian-Polish Vector.....	129
<i>Charota U.</i> The Quotations from the Literary Heritage of Francesco Petrarca in "Threnos" by M. Smatrycki	138

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1'42

Биюмена Анна Александровна
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
речеведения и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Biyumena
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speechology and Theory
of Communication
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a_mesyats@mail.ru

Кучура Софья Сергеевна
студентка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Sofiya Kuchura
student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sofiya57963@gmail.com

ПРОВОКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ИНТЕРВЬЮ

PROVOCATIVE TACTICS IN THE TV INTERVIEW

В статье рассматриваются провокативные тактики и средства их реализации в интервью на российском и белорусском телевидении. Описаны две основные группы провокативных тактик: тактики выведывания информации и эмоционально дестабилизирующие тактики. Отмечено, что использование интервьюером провокативных речевых тактик является эффективным инструментом получения информации, а также позволяет добиться эмоциональной реакции интервьюируемого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиадискурс; провокация; интервьюер; телеинтервью; языковые средства; журналистика.

The article considers provocative tactics and means of their implementation in interviews on Russian and Belarusian television. Two main groups of provocative tactics have been described: information-seeking tactics and emotionally destabilizing tactics. It is noted that the interviewer's use of provocative speech tactics is an effective tool for obtaining information. It also allows to get an emotional reaction from the interviewee.

К e y w o r d s: media discourse; provocation; interviewer; television interview; language means; journalism.

Медиадискурс как «совокупность процессов и результатов речевой деятельности массовой коммуникации, которая образует сложную взаимосвязанную структуру» [1, с.12], представляет собой многогранный феномен, постоянно развивающийся под воздействием различных экстралин-

гвистических факторов и отражающий языковые изменения в обществе. Телевизионный дискурс – это разновидность медиадискурса, которая выделяется в соответствии с каналом передачи информации. Как пишет М. Е. Фролов, телевизионный дискурс создает единый комплекс вербальных и визуальных средств в определенном социальном пространстве, является своеобразным «произведением искусства», а любая телепрограмма сообщает информацию и оказывает влияние на аудиторию [2, л. 45].

Современный телевизионный дискурс отличается широким спектром жанров, каждый из которых имеет собственные черты, влияющие на речевое поведение участников коммуникации. Одним из самых популярных жанров в телепространстве становится интервью, где в процессе обмена вопросами и ответами ведущий узнает у гостя определенную информацию и делится ей с телеаудиторией. По мнению В. И. Карасика, интервью можно отнести к типу дискурса, которому свойственно общение, где люди могут не знать друг друга, но ведут беседу в соответствии с социальными нормами, используя определенные клише и соблюдая определенные границы [3, с. 208]. Тем не менее жанр интервью в настоящее время подвергается значительным трансформациям, и журналисты могут переходить черту в общении с интервьюируемыми. Подобная особенность предоставляет возможность применять в том числе речевые провокации.

По определению Е. Н. Зарецкой, речевая провокация – это «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо дестабилизацию его эмоционального состояния» (цит. по [4, с. 13]). В социуме использование провокаций не одобряется, так как это противоречит нормам этики и правилам поведения. В то же время в трактовке современной лингвистики провокация не подразумевает резко негативную коннотацию и рассматривается как искусственное возбуждение, усиление каких-либо явлений или признаков [5, с. 138].

Цель данной статьи состоит в выявлении репертуара *провокативных тактик* и языковых средств их реализации в российских и белорусских телевизионных интервью. В качестве материала для анализа были использованы телепередачи, наиболее точно передающие современный взгляд на «околоклассическое» интервью (согласно классификации Е. Б. Сахновой), формат которых предполагает не только вопросы представителя СМИ и ответы интервьюируемого, но и обмен мнениями, что позволяет повсеместно применять провокативные тактики [6, с. 101], – программы российского телевидения «Познер», «Наедине со всеми» и белорусская передача «Марков. Ничего личного».

Российский филолог О. С. Иссерс выделяет две основные категории провокативных тактик: тактики *выведывания информации* и *эмоционально дестабилизирующие тактики* [7, с. 100].

Использование провокативных тактик **выведывания информации** предполагает, что ведущий либо косвенно подводит интервьюируемого к выдаче информации, либо напрямую запрашивает подробности об интересующем его объекте. Выделяют следующие провокативные тактики данного типа: тактика *игры по правилам*, тактика *частичного запроса*, тактика *установления связей и отношений*, тактика *наведения темы*, тактика *принуждения через обвинение*, тактика *апелляции к слухам*, тактика *комплимента*.

Речевая тактика *игры по правилам* применяется чаще всего по отношению к людям, чья профессиональная деятельность налагает некоторые ограничения на выдачу информации, связанные с этикой или секретностью данных. Поэтому от журналиста требуется умение выведать ее, не нарушая общие правила и договоренности ведения беседы.

Рассмотрим пример применения речевой тактики *игры по правилам* в интервью Владимира Познера с Сергеем Мироновым, лидером партии «Справедливая Россия». Речь зашла о том, как политика «выгнали» из партии «Единая Россия»:

• В. Познер – С. Миронову: *Но Сергей Михайлович, вы же не сказали, как в свое время Ельцин: «Все, я отсюда у-хо-жу». И Ельцин так сделал с выходом из партии. Все-таки, вас ушли. Как-то не получается также. Или нет?*

С. Миронов – В. Познеру: *Владимир Владимирович, я сказал как раз на том заседании Законодательного собрания 18 мая. Я выступил с речью, где я все сказал, назвав вещи своими именами. Видимо, многие хотели, чтобы я сам написал заявление.*

Несомненно, упоминание профессиональных неудач может быть сильным ударом по репутации для политика, поэтому данная ситуация является потенциально конфликтной. Тем не менее В. Познер тактично подводит собеседника к основному вопросу. Он заинтересован в выведывании информации о том, выгнали политика или он ушел сам, поэтому для усиления эмоциональности он применяет членение в слове *у-хо-жу*, побуждая собеседника либо резко опровергнуть это, либо подтвердить. Поскольку профессия С. Миронова требует соблюдения особых этических норм в интервью, интервьюер не задает резких неудобных вопросов напрямую и даже шутливо обходит их – это заметно в коллокации с намеренным нарушением грамматических норм *вас ушли*, а также в использовании смягчающей частицы *все-таки* и наречия *как-то*. Помимо этого, В. Познер даже предлагает политику способ самому выбрать удобный для него ответ, заканчивая высказывание альтернативным вопросом.

Речевая тактика *частичного запроса* подразумевает переход от частного к целому посредством использования определенных фреймов и ответов на вопросы, которые косвенно приближают к основной проблеме. Таким образом журналисту удастся получить интересующую его информацию опосредованно, не задавая вопрос напрямую.

Рассмотрим применение речевой тактики частичного запроса в интервью Ю. Меньшовой с актрисой Валентиной Титовой, в котором речь идет о семейных отношениях интервьюируемой:

• Ю. Меньшова – В. Титовой: *Почему «железная»? Пришлось сцепить зубы и не очень показывать, какая вы есть: напуганная, неуверенная?*

В. Титова – Ю. Меньшовой: *Нет, почему сцепить зубы? Нет. Во-первых, с мужем я всегда была на равных...*

Тема разговора является потенциально конфликтной, поскольку затрагивает достаточно тяжелые и неприятные факты о семейной жизни актрисы, которую мужа часто называли «железной женщиной». Интервьюер выбирает для реализации речевой тактики частичный диктальный вопрос, который предполагает незнание отдельного аспекта и необходимость получения сведений об уже упомянутой в предложении информации. Помимо этого, на провокацию указывают и другие языковые средства, например, разговорный экспрессивный фразеологизм *сцепить зубы*. На то, чтобы вызвать эмоциональную реакцию у собеседника, спровоцировать его на опровержение или подтверждение фактов и выдачу большего количества сведений, направлены и негативные эпитеты *напуганная* и *неуверенная*. Можно сделать вывод, что речевая провокация была применена успешно, поскольку актриса В. Титова дала достаточно развернутый ответ и рассказала интервьюеру нужную информацию.

Речевая тактика установления связей и отношений нацелена на соотнесение речи с каким-либо предметом интереса, чтобы затем постепенно перейти к более подробным расспросам интервьюируемого. Этот прием основан на когнитивном отождествлении по конкретному признаку.

Юлия Меньшова применяла данную речевую тактику в диалоге с российской актрисой Людмилой Максаковой:

• Л. Максакова – Ю. Меньшовой: *Что Вы называете светом?*

Ю. Меньшова – Л. Максаковой: *Светом я называю мероприятия, с которых публикуются фотографии в гляцевых журналах, где можно увидеть, например, вашу дочь Машу, или вашего внука Петю, или своего супруга даже...*

Л. Максакова – Ю. Меньшовой: *Но не меня.*

Ю. Меньшова – Л. Максаковой: *Да. Почему?*

Л. Максакова – Ю. Меньшовой: *Каждый выбирает какую-то дорогу, и он по ней идет.*

Интервью изначально становится напряженным, поскольку интервьюируемый не желает отвечать на вопросы прямо, и это побуждает Ю. Меньшову использовать речевую провокацию. Она устанавливает связь актрисы с фотографиями в гляцевых журналах, на которых можно увидеть ее родственников, чтобы впоследствии узнать причину отсутствия на светских мероприятиях ее самой. Коллокация *гляцевые журналы* указывает на дороговизну изданий и, соответственно, приравнивает появление в них

к принадлежности к высшему обществу. Ведущая выбирает исключительно гипокористические имена *Маши*, *Петя*, чтобы сделать акцент на близкой родственной связи перечисленных людей с интервьюируемым и создать более душевную атмосферу без излишнего формализма. Тем не менее Л. Максакова не намерена выдавать информацию и отвечает обобщенно, без конкретных данных.

В речевой тактике наведения темы благодаря использованию фреймов и сценариев интервьюер сближает определенные темы, провоцируя приглашенных гостей через ассоциации перейти от малозначимых к действительно интересующим журналиста вопросам.

В качестве примера можно привести интервью В. Познера с председателем Центрального комитета КП РФ Г. Зюгановым:

• В. Познер – Г. Зюганову: *Я не знаю, правда это или нет, но вы мне сейчас скажете. Есть такая газета «Твой день». Никогда не читали? От 14 октября.*

Г. Зюганов – В. Познеру: *Я не думал, что вы желтую грязную прессу тоже читаете.*

В. Познер – Г. Зюганову: *Говорится, что вы там заказали какие-то туфли, которые стоят 75 тысяч рублей. Врут небось, да?*

Как можно заметить, сначала журналист предпочитает поговорить о газете, которая на первый взгляд почти не связана с интервьюируемым. Более того, В. Познер дает возможность политику самому построить нарратив и рассказать свою правду, нарочито представляя себя неосведомленным (*я не знаю*). Наводящий вопрос *Никогда не читали?* и указание точной даты выпуска газеты постепенно устанавливает отношение Г. Зюганова к изданию. Он распознает провокацию и пытается изменить ход беседы, одновременно снижая ценность источника любой последующей информации, называя прессу *грязной* и *желтой*. Однако интервьюер в итоге все равно переходит к главному вопросу, в достаточно сдержанной манере стараясь вывести информацию о дороговизне гардероба политического деятеля. Это проявляется в применении местоименного наречия *там*, просторечном слове *небось*, а также в умалении ценности туфель с помощью неопределенного местоимения *какие-то*. Все эти языковые средства создают комфортную атмосферу для интервьюируемого, вынуждая его поделиться скрываемой информацией.

Достаточно распространенной является провокативная тактика принуждения через обвинение. Стоит отметить, что данный прием носит явно выраженный провокационный характер, и зачастую вопрос с его применением требует мгновенной реакции от гостя в виде оправданий либо объяснений. В основе принуждения через обвинение лежит привнесение в ситуацию несуществующих в ней событий и фактов, а также искажение истины.

Рассмотрим пример применения этой речевой тактики в интервью Ю. Меньшовой в общении с российской певицей Л. Милявской, когда речь зашла о ее страсти к азартным играм и о том, как это негативно повлияло на семейную жизнь артистки:

- Ю. Меньшова – Л. Милявской: *Ты и в казино поигрывала. Деньги спускала, долги делала. Вы и так жили небогато, скрывала. Я увидела в программе «Пока все дома» 93-го года, там ты весело тоненьким голосом рассказывала, как ты скрывала долги от Сашеньки, что у тебя есть в казино.*

Л. Милявская – Ю. Меньшовой: *Ну, не такие там, во-первых, долги были... Чуть-чуть надо было оттянуться иногда.*

Ситуацию изначально можно назвать непростой, поскольку затрагиваются личные вредные привычки гостя, на которые открыто указывает журналистка: *деньги спускала, долги делала*. Интервьюер также делает акцент на материальном неблагополучии собеседника, используя наречие *небогато*, и это ставит Л. Милявскую в неудобное положение. Уменьшительно-ласкательные слова *тоненький*, *Сашенька* можно считать уничижительными в данном контексте. На наш взгляд, применение тактики принуждения через обвинение в описанном примере не достигло запланированного прагматического эффекта, поскольку интервьюируемая эмоционально «закрылась» и весьма сдержанно реагировала на последующие вопросы журналистки.

Речевая тактика апелляции к слухам выражает сомнения по поводу известных данных, полученных от третьих лиц. Это может быть как прямой вопрос, так и предположение. Цель тактики – выведать информацию и заменить ненадежный источник высказываний на надежный.

Рассмотрим пример применения речевой тактики в интервью М. Маркова с Ольгой Политико, депутатом Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь. Речь зашла о ее заработной плате:

- М. Марков – О. Политико: *Есть еще миф о зарплате депутата. Не буду повторять свою ошибку, не буду спрашивать, сколько. Миф соответствует действительности?*

Поскольку тема денег и заработной платы в обществе табуирована, необходима грамотная формулировка вопроса. Стоит отметить, что интервьюер уже пытался узнавать о размере финансов напрямую, но безуспешно, о чем говорит фраза *не буду повторять свою ошибку*. В этот раз ведущий старается выведать информацию опосредованно, ссылаясь на определенный миф, без указания на источник или конкретные цифры. Более того, М. Марков заранее снимает с себя ответственность за свои слова, поскольку создает иллюзию честности через высказывание *не буду спрашивать, сколько*. В своем вопросе журналист не ставит собеседника в неловкое положение, поскольку не использует слово *деньги* и лишь ссылается на неопределенные догадки других людей.

Речевая провокативная тактика комплимента представляет собой способ опосредованного влияния на собеседника с применением речевых средств, которые на первый взгляд кажутся абсолютно безобидными.

Данная речевая провокация была использована в ходе беседы Ю. Меньшовой с шоуменом Александром Реввой:

• Ю. Меньшова – А. Ревве: *Ваша цифра – «один», если по наблюдениям со стороны. «Первый»!*

А. Ревва – Ю. Меньшовой: *Вы думаете?*

Ю. Меньшова – А. Ревве: *Да! Слушайте, Александр, значит сорок лет не пугало вас... Праздновали?*

Применение такой провокативной тактики обосновано тем, что в обществе тема возраста табуирована, поэтому потребовался переход с неприкрытого комплимента об абсолютном превосходстве гостя до разговора о дне рождения. Восклицательные фразы интервьюера показывают ее активное участие в разговоре, усиливают эмоциональность и создают дружескую атмосферу, что должно побудить А. Ревву открыто вести беседу и давать честные ответы на вопросы. Тем не менее интервьюируемый распознал провокацию и отреагировал на комплимент достаточно скептически.

Тактики выведывания информации могут быть применены при обсуждении разных тем и в телепередачах разных форматов. Вместе с этим нельзя выделить универсальные языковые средства, обязательные для реализации данной группы речевых тактик, но наиболее частотными являются эпитеты, просторечные слова и местоимения.

Эмоционально дестабилизирующие провокативные тактики включают в себя следующие тактики: тактика *прямого и косвенного обвинения*, тактика *обвинения чужими устами*, тактика *выражения недоверия* и тактика *насмешки*. Они направлены на психологическое воздействие и провоцируют приглашенного гостя на неконтролируемые реакции.

Наиболее распространенной среди них является тактика *прямого и косвенного обвинения*. В отличие от прямого оскорбления данная тактика подразумевает негативную оценку слов или действий собеседника. Несмотря на не слишком враждебный характер провокации, она является достаточно эффективной, потому что требует развернутого ответа и защитной реакции интервьюируемого. Для примера рассмотрим интервью М. Маркова в диалоге с Первым секретарем Центрального комитета БРСМ Александром Лукьяновым:

• М. Марков – А. Лукьянову: *Я буду жестким. 2020 год БРСМ проспали, на мой взгляд, протесты. <...> Часть молодежи поплыла первой, вы это знаете. Они стали движущей силой таких моментов на улице, и президент критиковал вашу организацию тоже. Но терпеливо дал шанс. Вот мне интересно, как вы будете этот шанс использовать.*

В данном случае журналист заранее говорит о намерении задать провокационный вопрос, используя по отношению к себе эпитет *жесткий*. Глагол *проспать* в переносном значении умаляет профессиональные качества гостя как руководителя. Более того, интервьюер не задает вопрос, а заканчивает высказывание утвердительно, побуждая собеседника развивать тему. Несмотря на открытую провокацию, А. Лукьянов повел себя профессионально и высказал свою позицию сдержанно.

Тактика обвинения чужими устами позволяет говорящему дистанцироваться от темы и переложить вину на другого и подразумевает более резкие ответные фразы, поскольку источника информации нет рядом. Подобную речевую тактику применял В. Познер в общении с шоуменом Иваном Ургантом:

- В. Познер – И. Урганту: *А как вы относитесь к тому, что сказал ваш отец, актер Андрей Ургант: «Ваня – нравится. А то, что он ведет, – не нравится. Мне вообще интересней, когда Ваня молчит – в нем сразу чувствуется глубина и второй план». Конечно, Вы можете сосрить по этому поводу.*

Умаление профессиональных качеств эмоционально дестабилизирует гостя, поскольку высказывает критику его близкий человек. В. Познер только усиливает провокацию, побуждая И. Урганта дать резкий ответ, и употребляет лишнее формализма слово *сосрить*. Однако, учитывая общую сферу деятельности говорящих и опыт в проведении интервью, собеседник распознал провокацию и не дал никакого ответа: *Я просто промолчу, Владимир Владимирович.*

Выражение несогласия со словами интервьюируемого служит благоприятной средой для провокации. Примером является речевая тактика выражения недоверия. Задевая эго собеседника дискредитацией его жизненного опыта, решений и поступков, ведущий программы создает конфликт и дает диалогу активное продолжение. Это можно увидеть в интервью В. Познера с актером Иваном Охлобыстиным:

- И. Охлобыстин – В. Познеру: *Я – простой человек. Я обычный среднестатистический...*

В. Познер – И. Охлобыстину: *Совсем не простой человек.*

И. Охлобыстин – В. Познеру: *Я рассуждаю так же, как рассуждают миллионы людей. <...> Как я должен поступить? Я должен отдаться общечеловеческим иллюзиям? Я должен пойти в церковь?*

Ситуация изначально является провокационной, поскольку ведущий перебил собеседника. Антонимия *не простой* и *простой* выражает резкое несогласие со сказанным, что усиливается наречием *совсем*. Речевую провокацию можно считать успешной, поскольку И. Охлобыстин реагирует остро и задает много риторических вопросов, активно выражает свою позицию и словесно обороняется.

Провокация может быть достаточно открытой, например, при использовании речевой тактики *насмешки*. Поскольку она нацелена на эксплицитное высмеивание собеседника, данная речевая тактика требует от интервьюера аккуратного применения языковых средств, чтобы одновременно получить ответ и эмоционально не «закрыть» гостя.

Рассмотрим использование данной речевой тактики на основе интервью М. Маркова с Дмитрием Басковым, генеральным директором хоккейного клуба «Динамо»:

- М. Марков – Д. Баскову: *Начало сезона. Первый сентябрьский матч. Достаточно слабый противник. Так пишут, по крайней мере. Новый сезон, новая форма и старые результаты – продули. На ваш взгляд, почему?*

Парцелляция применяется журналистом с целью усиления выражения эмоций. Антитеза *новый* и *старый* добавляет драматизма, чтобы подчеркнуть разочарование из-за поражения хоккейной команды. Разговорное слово *продули* в значении ‘проиграть’ также значительно снижает уровень формальности интервью и принижает профессиональные качества собеседника. Использование подобных стилистических средств провоцирует Д. Баскова на честный ответ и эмоциональную реакцию. Однако интервьюируемый распознал провокацию и высказался достаточно сдержанно.

Так как эмоционально дестабилизирующие тактики носят более скрытый характер, выражение провокации достигается опосредованно, а не напрямую. Для этого применяются различные синтаксические и лексические языковые средства, включающие эпитеты, антонимы, просторечия, парцелляцию и т. п.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Применение провокативных тактик в жанре интервью становится возможным благодаря модификации жанра и телевизионного дискурса в целом, когда речь телеведущих перестала быть формальной, а выражение их личного мнения так же, как и приглашенного гостя, стало приветствоваться.

В современных медиа использование описанных провокативных тактик является почти незаменимым инструментом для интервьюера, поскольку это делает жанр более интересным и оживленным. Провокативные тактики также являются эффективным способом формулировки таких вопросов, которые помогают получить информацию, изначально скрываемую интервьюируемым, или провоцируют его на яркую и экспрессивную реакцию. В большинстве случаев журналисты применяют различные стилистические средства для усиления эмоционального эффекта или фокусировки на важной идее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 203 с.
2. *Фролов, М. Е.* Телевизионный дискурс информационно-аналитических программ : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / М. Е. Фролов. – Тверь, 2004. – 203 л.
3. *Карасик, В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. *Дмитриев, А. В.* Провокация. Введение в теорию : монография / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 338 с.
5. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : СПб. ун-т, 1994. – 229 с.
6. *Сахнова, Е. Б.* Жанр интервью и его модификации [Электронный ресурс] / Е. Б. Сахнова // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Филология. Журналистика. – 2013. – № 4. – С. 98–103. – Режим доступа: <https://bon-jour.sgu.ru/ru/node/735>. – Дата доступа: 08.09.2023.
7. *Иссерс, О. С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге [Электронный ресурс] / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2 (18). – С. 94–102. – Режим доступа: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archi-ve/2009-2/92-104>. – Дата доступа: 07.09.2023.

Поступила в редакцию 21.09.2023

Ду Цзюань

аспирант кафедры русского языка
Белорусский государственный
университет
г. Минск, Беларусь

Du Juan

PhD Student Departments
of the Russian Language
Belarusian State University
Minsk, Belarus
40026730@qq.com

ПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ-ПОЛИСЕМАНТЫ
С СИНКРЕТИЧНЫМ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ
И ИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

DERIVATIVE ABSTRACT NOUNS-POLYSEMANTS WITH SYNCRETIC
MEANING AND THEIR WORD-FORMING POTENTIAL

В статье представлены результаты исследования словообразовательного потенциала производных имен существительных-полисемантов, одно из значений которых является абстрактным и относится к тематическому полю «Духовный мир человека: сознание, мораль, чувства» (*дело, труд, сласть, суд, удар, тайна* и др.). В ходе исследования обнаружено, что в процессе словопроизводства словообразовательный потенциал данных лексем в основном реализуется в области субстантивного, глагольного и адъективного словообразования, однако абстрактное значение многозначного слова далеко не всегда отражается в семантической структуре дериватов, расположенных на следующих деривационных ступенях словообразовательного гнезда.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *производное слово; полисеманты; словообразовательное значение; словообразовательное гнездо; словообразовательная ступень; словообразовательный потенциал.*

This article presents the results of the research of word-formation potential of the derivative polysemantic nouns, one of meanings of which is abstract and belongs to the thematic field “Spiritual world of man: consciousness, morals, feelings” (*act, labor, pleasure, judgment, shock, mystery etc.*). During the research it was found that in the process of word-formation the word-formation potential of these lexemes is mainly realized in the sphere of substantive, verbal and adjectival word formation, but the abstract meaning of a multi-valued word is not always reflected in the semantic structure of derivatives, located on the next derivational stages of word-formation nests.

К e y w o r d s: *derivative word; polysemantic; word-formation meaning; word-formation nest; word-formation stage; word-formation potential.*

Главная особенность производных существительных-полисемантов, в семантической структуре которых объединяются разные типы лексико-грамматических значений (абстрактное и вещественное, абстрактное и собирательное, абстрактное и конкретное) состоит в том, что они имеют *двойную референтную отнесенность* (термин Е. С. Кубряковой) [1]: к явлению окружающей действительности или внутреннего мира человека и к уже существующей в языке базовой номинации. В тех случаях, когда производное существительное с синкретичным лексико-грамматическим значением обла-

дает определенной степень словообразовательной активности и реализует свой словообразовательный потенциал на последующих ступенях деривации, возникает проблема семантической соотносительности лексико-семантических вариантов (ЛСВ) производящего и производного слова. Проблема смысловой корреляции производящей и производной основ появляется при выявлении общих закономерностей влияния исходного знака на дериват, изучении словопорождающих возможностей многозначного исходного слова, определении роли разных ЛСВ первичного наименования в создании производного слова и т. д. Особое значение смысловой связи мотивирующей и мотивированной единицы подчеркивал в своих работах А. Н. Тихонов, обращавший внимание на то, что «семантика производящей основы является тем фундаментом, на котором “воздвигается” семантика производной основы» [2, с. 112].

Мотивационные отношения существительных-полисемантов с их производными в структуре словообразовательного гнезда (СГ) регулярно привлекали внимание ученых-лингвистов (см., например, работы А. Н. Тихонова [2], Е. С. Кубряковой [1], Е. А. Земской [3, с. 112–123], З. А. Харитончик [4, с. 118]). Однако проблема реализации отдельных ЛСВ многозначного слова на разных ступенях производности до сих пор остается до конца неизученной и нерешенной. Расширение поля исследования за счет новых групп имен существительных позволит, с одной стороны, получить новые научные результаты, с другой – уточнить наши представления о способах и степени отражения полисемии производящего слова в его производных.

Материал для нашего исследования был отобран из третьего тома «Русского семантического словаря» [5]. Нас интересовали производные имена существительные с первичным и вторичным абстрактным значением, включенные в тематическое поле «Духовный мир человека» и находящиеся в «Словообразовательном словаре русского языка» [6] на первой ступени деривации (141 лексема). Среди них мы выделили 3 группы: 1) слова-моносеманты (36 – *ненависть, скука, боязнь, надежда, искус* и др.); 2) слова-полисеманты с абстрактными значениями (74 – *разум, чувство, синтез, реализм, анализ* и др.); 3) слова-полисеманты, в семантической структуре которых абстрактное значение сочетается с другими типами значений (конкретным, вещественным или собирательным) (31 – *дело, труд, сласть, суд, удар, шаг* и др.). Последняя подгруппа была выбрана нами в качестве основного объекта исследования.

В ходе исследования мы ставили перед собой цель – установить, как в процессе словопроизводства реализуются вторичные (абстрактные) значения производных существительных-полисемантов с синкретичной семантической структурой.

Алгоритм исследования выстраивался по следующей схеме: сначала рассматривалась семантическая структура производящего слова в целом, затем исследовалось словообразовательное гнездо и выяснялось, как актуальный для нас ЛСВ отражается в производных, находящихся на следующих

ступенях деривации. В ходе проведенного исследования мы установили, что среди производных лексем первой ступени деривации, в семантической структуре которых интересующее нас абстрактное значение является неединственным и может сочетаться с другими типами значений, обращают на себя внимание слова *дело* ('то же, что поступок', 49), *труд* ('усилие, направленное к достижению чего-н.', 45), *сласть* (перен. 'приятное ощущение, удовольствие, наслаждение', 30), *суд* ('мнение, оценка', 27). Все они в соответствующих СГ были окружены большим количеством производных и претендовали на роль языковых единиц, активных в словообразовательном отношении. Чтобы проверить это предположение, мы обратились к выявлению реальной семантической связи между интересующими нас абстрактными значениями производных имен существительных и значениями непосредственно и опосредованно мотивированных ими лексем.

Семантическая структура существительного *дело* весьма неоднородна по своему характеру: согласно данным «Словаря русского языка» [7] в ней объединяется 15 ЛСВ, среди которых есть как абстрактные, так и конкретные значения. В тематическое поле «Духовный мир человека: сознание, мораль, чувства» данная лексема привлекается вторым значением, в котором она синонимична слову *поступок* ('намеренное действие, совершенное кем-либо').

Общее количество производных, непосредственно и опосредованно связанных в СГ с лексемой *дело*, достигает 49; 25 из них непосредственно образованы при первом шаге деривации и располагаются на второй словообразовательной ступени СГ с вершиной *делать*. Практически все производные от слова *дело* относятся к области лексической деривации и обладают либо модификационным словообразовательным значением (СЗ) – *дельце*, *делишко*, либо мутационным (*делец*, *деловик*, *деляга*, *дельный*, *деловой*, *деловитый*, *безделица*, *безделка*, *безделушка*, *поделом*), либо соединительным (*делопроизводитель*, *делопроизводство*, *полдела*, *радиodelo*, *управделами*), либо одновременно и соединительным, и мутационным (*всамделишний*, *многодельный*, *рабочеделец*).

Производные с модификационным СЗ *дельце* и *делишко* соотносятся с интересующим нас абстрактным значением слова *дело*. У первой лексемы при определении значения в принципе нет ограничений в семантической соотносительности с производящим словом: *дельце* – разг. 'уменьш. к *дело*; небольшое *дело*' [7]. У второй лексемы подобное ограничение присутствует, но значение, в котором слово *дело* синонимично слову *поступок*, указано в перечне: *делишки* (ед. *делишко*) – разг. 'уменьш. и уничиж. к *дело*' (в 1-м, 2-м, 7-м, 11-м, и 12-м зн.) [Там же].

Среди производных с мутационным СЗ далеко не все производные слова семантически оказываются связанными с интересующим нас абстрактным значением слова *дело*. Так, например, слово *делец* имеет значение 'предприимчивый человек, ловко и с большой выгодой для себя ведущий дела,

преимущественно коммерческие' [7]. Синонимами данного слова являются лексемы *предприниматель, деятель, бизнесмен, коммерсант, деловик, авантюрист, хозяйчик* и т. д. [8]. Дельцы бывают *теневые, биржевые, подпольные, финансовые, политические* и т. п. Атрибутивное окружение данной лексемы сигнализирует о том, что ее семантическое содержание в основном ориентировано на первое ('работа, занятие, деятельность') и шестое значение ('промышленное или коммерческое предприятие') слова *дело*. То же самое можно сказать и о словах *деляга* и *деловик*, которые являются синонимами к слову *делец* и отличаются от него сферой употребления: и *деляга*, и *деловик* относятся к просторечной лексике, только первое слово употребляется пренебрежительно, а второе считается устаревшим.

Лексемы *безделица, безделка, безделушка* семантически тоже связаны между собой. *Безделушка* – это 'небольшая вещица, служащая для украшения'; *безделица* – 1. 'Маловажное, незначительное дело или не заслуживающее серьезного отношения обстоятельство; пустяк'; 2. 'Небольшой по величине, размеру и т.п. изящный предмет, обычно служащий украшением, памятным подарком и т.п.; безделушка' [9], а *безделка* – с одной стороны, 'то же, что безделушка', с другой – 'то же, что безделица' [7]. Семантическое содержание слова *безделушка* (и соответствующие ЛСВ слов *безделица* и *безделка*) явно соотносится с первым значением слова *дело*: все эти лексемы называют конкретные предметы, которые появляются в результате определенной профессиональной деятельности. Что же касается первого значения слова *безделица* и второго значения слова *безделка*, то они могут коррелировать и с интересующим нас абстрактным значением слова *дело*.

В синонимические отношения друг с другом вступают и атрибутивные лексемы *деловой* (1. 'Связанный с делом (в 1-м зн.), с работой, службой'; 2. 'Знающий и опытный в делах (в 1-м зн.), занятый делами // Свойственный занятому человеку; деловитый'); *дельный* (1. 'Способный к работе, деловой, деловитый'; 2. 'Касающийся существа, практически полезный, толковый'); *деловитый* ('Толковый, умелый и предприимчивый в работе; деловой // Выражающий деловую озабоченность, занятость делом') [7], непосредственно образованные от слова *дело*. Семантику данных адъективных лексем вряд ли в полном объеме можно соотнести с интересующим нас абстрактным значением слова *дело*. Однако о частичном семантическом единстве говорить можно: человек, способный на поступок, человек не мечтатель, а созидатель может быть охарактеризован и как *деловой*, и как *деловитый*, и как *дельный*.

Полную семантическую связь мы видим между словами *дело* и *поделом* ('справедливо, так и следует (о наказании, расплате)'): употребление наречной лексемы в ситуации, когда всегда за неблагоприятным поступком приходит наказание, вполне уместно. Производное прилагательное *бездельный* тоже соотносится как с первым, так и со вторым значением лексемы *дело*, см.:

бездельный – 1. ‘Не заполненный каким-либо делом, праздный’ // ‘Не занятый делом, ничего не делающий’; 2. Перен. ‘Не заслуживающий внимания, незначительный, несущественный, ничтожный’ // ‘бесполезный, напрасный’ [9].

Производное второй ступени *заделье* относится к лексике ограниченного употребления: в «Новом толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой [10] оно снабжено пометой «местное», его значение определяется как ‘работа, занятие’ и, соответственно, не имеет ничего общего с интересующим нас абстрактным значением слова *дело*. Производные второй ступени *делопроизводитель* (‘должностное лицо, в ведении которого находятся канцелярские дела, документооборот’), *делопроизводство* (‘деятельность, обеспечивающая документооборот и ведение канцелярских дел’), *деловод* (‘то же, что *делопроизводитель*’), *автодело* (‘автомобильное дело, комплекс знаний и навыков, необходимых для вождения автомобиля, его обслуживания и ремонта’), *радиodelo* (‘отрасль знаний, связанная с радиосвязью, радиовещанием и радиотехникой’), *управделами* (‘тот, кто в учреждении ведаёт делами внутреннего распорядка; управляющий делами’) семантически тоже соотносятся с другими значениями слова *дело*: 1. ‘Работа, занятие, деятельность’; 5. ‘Специальность, профессия, круг занятий, область знаний или навыков’; 6. ‘Промышленное или коммерческое предприятие’; 9. ‘Собрание документов, относящихся к какому-либо факту и лицу’ [7; 9].

Семантика слова-историзма *рабочеделец* тоже далека от интересующего нас абстрактного значения слова *дело*. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [11] значение лексемы *рабочеделец* определяется следующим образом – ‘сторонник рабочедельства’ (оппортунистическое мелкобуржуазное течение в русской социал-демократии начала XX века, от названия журнала «Рабочее дело»).

На первичное абстрактное значение слова *дело* ориентируется и семантика атрибутивной лексемы *многодельный* (‘требующий сложного, длительного труда, больших хлопот’), характеризующей либо работу в целом, либо ее продукт [9].

Еще два сложных слова – *всамделишний* (‘такой, какой бывает на самом деле; настоящий, подлинный’) и *полдела* (‘половина дела, половина того, что нужно’) семантически могут быть связаны и с первым, и со вторым абстрактными значениями слова *дело*.

Таким образом, из 25 производных лексем, непосредственно образованных от слова *дело*, только 6 семантически соотносятся с его вторым абстрактным значением (*дельце, делшико, поделом, бездельный, всамделишний, полдела*), еще у 5 лексем на данное значение оказывается ориентированным только один из ЛСВ (*безделка, безделица, деловой, дельный, деловитый*), семантика остальных 14 производных далека от интересующего нас абстрактного значения.

Из первых 6 лексем словообразовательную активность проявляет только 1 – *бездельный*, однако, благодаря данной лексеме, СГ расширяется до 5-й ступени, а опосредованная семантическая связь со вторым абстрактным значением слова *дело* фиксируется у 11 производных, среди которых 5 существительных с мутационным (*бездельник*), модификационным (*бездельница*) и транспозиционным СЗ (*безделье, бездельничество, бездельничанье*), 4 глагола с мутационным (*бездельничать*) и модификационными СЗ (*избездельничаться, побездельничать, пробездельничать*), 1 прилагательное с мутационным СЗ (*бездельнический*) и 1 наречие с транспозиционным СЗ (*бездельно*). Из 5 лексем второго ряда собственным словообразовательным потенциалом обладают только адъективные лексемы *деловой, дельный, деловитый*. От прилагательного *дельный* образуется 5 производных (4 на третьей ступени и 1 на четвертой) – *дельное, сущ., дельно, дельность, недельный и недельное, сущ.* Все они опосредованно оказываются семантически мотивированы словом *дело* (не только в первом, но и во втором значении). От прилагательных *деловой* и *деловитый* образуется по 2 лексемы – *деловик, по-деловому* и *деловито, деловитость* соответственно. Однако опосредованная семантическая связь со словом *дело* во втором его значении сохраняется только у лексем *по-деловому, деловито* и *деловитость*. В результате из 49 производных лексем, группирующихся в СГ вокруг лексемы *дело*, всего лишь 25 соотносятся с ее вторым значением.

В семантической структуре абстрактного существительного *труд*, которое входит в СГ с вершиной *трудиться*, нас интересует значение ‘усилие (умственное или физическое), направленное к достижению чего-н.’. Данное значение не является основным, ему предшествуют еще два лексических значения: первое (абстрактное) – ‘целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; ‘работа’ и второе (конкретное) – ‘результат такой деятельности, произведение, сочинение’ [7]. Вокруг лексемы *труд* в СГ группируется 45 производных лексем: 13 из них располагаются на второй ступени СГ, 28 – на третьей и 4 – на четвертой. Основная масса производных второй ступени, непосредственно формально и семантически связанных с лексемой *труд*, – сложные слова, появившиеся в результате либо чистого сложения (*трудодень, трудоиспользование, трудоснабжение, трудоустроить*), либо сложения в сочетании с суффиксацией (*трудоизбыточный, трудолюбивый, трудоемкий*). Практически все они ориентируются на первое (основное) абстрактное значение лексемы *труд*: *трудодень* – ‘единица учёта труда в колхозах, определяющая долю колхозника в доходах’; *трудолюбивый* – ‘тот, кто любит труд’, *трудоиспособный* – ‘обладающий физической способностью к труду’: *трудоустроить* – ‘устроить на работу (т.е. предоставить возможность трудиться)’ и т.д. Лексемы, которые образуются от существительного *труд* суффиксальным (*трудолик* и *трудовай*) и префиксально-суффиксальным способом

(*беструдовой*), тоже в большей степени связаны с первым абстрактным значением, см.: *трудо*вой – 1. ‘Прил. к *труд* (в 1-м знач.), связанный с трудом’; 2. ‘Живущий своим трудом; трудящийся’; *трудо*вик – ‘учитель труда в школе’; *беструдовой* – ‘такой, который не предполагает использование труда’ [7]. Отсутствие на второй ступени СГ производных, связанных с интересующим нас третьим абстрактным значением лексемы *труд*, автоматически приводит к тому, что семантическое содержание всех производных третьей и четвертой ступеней СГ тоже не имеет ничего общего с третьим значением лексемы *труд*. Так, например, прилагательное *трудо*вой весьма активно реализует свой словообразовательный потенциал, участвуя в образовании 8 сложносокращенных (*тудармия, труддисциплина, трудкнижка, трудлагерь, трудповинность, трудшкола, трудколония, ВТЭК*) и 6 сложных слов (*трудо*день, *трудо*затраты, *трудо*терапия, *исправительно-трудо*вой, *лечебно-трудо*вой, *общественно-трудо*вой), при этом ни одно из них не соотносится с интересующим нас абстрактным значением лексемы *труд*.

Вокруг лексемы *сласть* в СГ с вершиной *сладкий* группируется 30 производных лексем, однако далеко не все из них соотносятся именно со вторым, абстрактным значением данного слова. Из 7 производных, непосредственно расположенных в СГ на второй ступени деривации, только адverb *всласть* (‘до полного удовлетворения, вдоволь’), адъектив *сластолюбивый* (‘отличающийся чувственными наклонностями, стремящийся к чувственным наслаждениям, сладострастный’) и субстантив *сластолюбец* (‘сластолюбивый человек’) формально и семантически соотносятся с лексемой *сласть*, используемой носителями языка во втором (абстрактном) значении. Что же касается производных второй ступени *сластена, сластушка, сластить, сластоежка*, то они ориентированы на первое значение существительного *сласть* – ‘то же, что и *сладости* во втором значении (кондитерские изделия, конфеты, варенье, мед и т.п.)’. Из производных второй ступени, семантически связанных с абстрактным значением лексемы *сласть*, только одно слово (*сластолюбивый*) проявляет словообразовательную активность: атрибутивный признак на третьей ступени СГ осложняется либо предметным (*сластолюбивость, сластолюбие*), либо адverbiallyм (*сластолюбиво*) значением. В этот же фрагмент СГ автор «Словообразовательного словаря русского языка» [6] включает и производную лексему с мутационным словообразовательным значением ‘лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом’ – *сластолюбец*, актуализируя опосредованные и непосредственные мотивационные отношения с лексемами *сласть* (во 2-м абстрактном значении) и *сластолюбивый*. Правда, в толковых словарях возможность неединственной мотивации данной лексемы практически не учитывается. Ее семантическое содержание раскрывается в основном через значение либо атрибутивной лексемы *сластолюбивый* (*сластолюбец* – ‘сластолюбивый человек’) [7; 10;], либо синонимичной лексемы: *сластолюбец* – ‘то же, что *сладострастник*’ [9]. В результате

реальное количество производных лексем, несущих информацию о словообразовательном потенциале лексемы *сласть* в абстрактном значении, сокращается до 6.

Еще более интересная ситуация складывается вокруг производной лексемы *суд*. При первом деривационном шаге от нее образуются 8 атрибутивных лексем (*судебный, судный, бессудный, внесудебный, подсудимый, подсудный, военно-судебный, военно-судный*), 1 глагольная лексема (*обессудить*), и 1 сложносокращенное существительное (*нарсуд*). Из этого набора производных, видимо, только устаревший глагол *обессудить*, который употребляется в основном в формах повелительного наклонения с отрицательной частицей *не* (*не обессудь, не обессудьте*), сохраняет еще ассоциативные семантические связи с абстрактным значением лексемы *суд*, поскольку имеет значение 'отнестись строго, осудить'. Остаточные семантические связи можно предположить и в паре *суд – судный* (особенно в устойчивых выражениях *судный день, судный час* – 'конец света, время, когда каждому воздастся по заслугам'). Остальные 6 лексем, непосредственно связанные отношениями производности с лексемой *суд*, базируются на ее конкретном значении 'государственный орган, ведающий разрешением гражданских споров и рассмотрением уголовных дел'. См.: *судебный* – 1. 'Прилаг. к суд во 2-м знач.' // 'Подлежащий ведению суда'; 2 'Относящийся к судопроизводству'; *бессудный* – 'производимый без суда, путём самосуда, незаконный'; *внесудебный* – 1. 'Находящийся за пределами судопроизводства (в юриспруденции)'; 2. 'Не связанный с судом, осуществляющийся без суда и следствия'; *подсудимый* – 'обвиняемый в каком-либо преступлении и находящийся под судом'; *нарсуд* – 'народный суд', *военно-судебный* – 'имеющий отношение к военному суду' [7]. Соответственно, и семантическое содержание производных третьей-четвертой ступени СГ, группирующихся вокруг лексем *судебный* (10), *подсудимый* (3), *подсудный* (4), никоим образом не соотносится с абстрактным значением лексемы *суд*.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлены следующие закономерности в проявлении деривационной активности интересующей нас группы субстантивной лексики: а) слова-полисеманты, одно из значений которых является абстрактным и ориентированным на тематическую группу «Духовный мир человека: сознание, мораль, чувства», далеко не всегда реализуют свой словообразовательный потенциал в полной мере; среди производных лексем, группирующихся вокруг них в СГ, регулярно встречаются лексем, у которых отсутствует семантическая соотносительность с абстрактным значением производящей основы; б) другие типы значений слов-полисемантов (первичное абстрактное, конкретное или вещественное) оказываются более востребованными в процессе словопроизводства, легче модифицируются, приобретают новое грамматическое оформление при синтаксической транспозиции и обрастают новыми смыслами при мутационном словообразовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова, Е. С.* Язык и значение: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 250 с.
2. *Тихонов, А. Н.* О семантической соотносительности производящих и производных основ / А. Н. Тихонов // *Вопр. языкозн.* – 1967. – № 1. – С. 112–120.
3. *Земская, Е. А.* Проблемы словообразования на современном этапе / Е. А. Земская // *Вопр. языкозн.* – 1978. – № 6. – С. 112–123.
4. *Харитончик, З. А.* Проблемы словообразования в современном английском языке / З. А. Харитончик. – Минск : ГПИИЯ, 1983. – 118 с.
5. *Русский семантический словарь : толковый слов., систематизир. по кл. слов и значений : в 6 т. / РАН, отд-ние лит. и яз., Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой.* – М. : Азбуковник, 2003. – Т. 3 : Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество: 30 000 слов и фразеол. выражений / авт.-сост.: М. В. Ляпон [и др.] ; ред.: А. С. Белоусова. – 2003. – 720 с.
6. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985. – 2 т.
7. *Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС) : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 3 т.*
8. *Словарь русских синонимов [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms.htm>. – Дата доступа: 19.01.2023.
9. *Ефремова, Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: около 160 000 словарных статей и более 253 000 семантических единиц : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, Астрель, 2006. – 3 т.
10. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 2310 с. – 2 т.
11. *Толковый словарь русского языка: 100 тыс. слов и словосочетаний / под ред. Д. Н. Ушакова.* – перераб. изд. в соврем. редакции. – М. : Стандарт, 2015. – 848 с.

Поступила в редакцию 18.05.2023

Иванов Евгений Евгеньевич
аспирант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Evgeniy Ivanov
PhD Student of the Department of Theoretical and
Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
eugine91@list.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «ЭКОНОМИКА»

POSSIBILITIES OF THESAURUS MODELING OF THE TERMINOLOGICAL SYSTEM "ECONOMY"

В статье сформулированы принципы и этапы сопоставления семантической организации терминологических единиц в английском и белорусском экономических дискурсах, описана технология моделирования терминосистем «Экономика» посредством тезаурусного моделирования для определения границ и выявления структурных особенностей терминосистем в каждом из языков, предложен и обоснован методологический инструментарий такого исследования – компонентный (дефиниционный) анализ, процедура ступенчатой идентификации и семантического развертывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *тезаурусное моделирование; термин; терминологическое поле; терминосистема; компонентный анализ; процедура ступенчатой идентификации.*

The article formulates the principles and stages of comparing the semantic organization of terminological units in English and Belarusian economic discourses, describes the technology of terminological systems modeling by thesaurus modeling to determine the boundaries and identify the structural features of systems in each language, suggests and justifies the methodological tools (component (definitional) analysis, stepwise identification procedure and semantic deployment).

Key words: *thesaurus modeling; term; terminological field; terminological system; component analysis; stepwise identification procedure.*

Процессы информатизации общества способствуют появлению в научной сфере новых методик описания языка и его формализации. Одной из них является лингвистическое моделирование и его разновидность – тезаурусное моделирование. Для полноты исследования и снятия возможных понятийных и смысловых неточностей следует обратиться к самому понятию *тезаурус*.

Научное определение тезауруса, как правило, включает в себя два основных значения. Так, первое значение характеризует словарь, в котором максимально полно представлены все слова языка с исчерпывающим перечнем примеров их употребления в текстах. Второе значение предполагает, что это идеографический словарь, который раскрывает семантические отношения между лексическими единицами [1].

Согласно взглядам ученого-терминоведа С. Е. Никитиной, тезаурус – это словарь с двумя обязательными независимыми признаками – концептуальным входом и установленными семантическими отношениями между его единицами [2, с. 112]. Также есть определения, где под тезаурусом

понимается словарь терминологических единиц, в котором заданы парадигматические и логико-понятийные отношения между единицами [3, с. 27; 4, с. 120]. Учитывая приведенные выше определения, стоит отметить, что тезаурус является непосредственным отражением ментального мира человека [5]. Лингвисты используют различные дефиниции для понятия *тезаурус*, однако наиболее широким по смыслу обозначением будет название «словарь системного типа» [6], которое является синонимичным названиям словарь-тезаурус [2], идеографический словарь [7; 8], понятийный словарь.

Моделирование это процесс создания и практического использования модели функционирования области исследования для получения сведений о ее принципах и особенностях при труднодоступности или невозможности получения такой информации другими методами. Стоит отметить, что практика моделирования терминологических систем различных предметных областей обретает значимость и актуальность в отечественном и зарубежном терминоведении в связи с развитием информационных технологий, а также переносом и хранением информации преимущественно в электронном виде.

Данное положение находит отражение в работах языковедов по общему и прикладному терминоведению (К. Я. Авербух, А. С. Герд, Е. И. Голованова, В. П. Даниленко, В. Д. Табанакова, С. Д. Шелов, Е. А. Федотова, М. Т. Cabré, М. Popescu и др.), а также в исследованиях, направленных на изучение теоретических проблем моделирования языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Ю. Н. Караулов, А. Д. Шмелев, О. Н. Алешина, Е. Ф. Киров и др.). Термин *лингвистическая модель* появился сравнительно недавно и своим появлением обязан структурной лингвистике. Его активное применение может быть датировано 70-ми годами XX в. и соотнесено с возникновением такого направления, как математическая лингвистика. Языковеды И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов и др., стали основоположниками и теоретиками лингвистического моделирования. Данный метод реализуется в построении интегративной модели знания, основанной не только на языковых, но и когнитивных принципах. Он отражает актуальную, и что более существенно, всестороннюю картину мира в отдельной профессиональной области. Применение данного метода в сфере терминоведения позволяет говорить о моделирующей функции исследований по терминологии, поскольку возникновение новых понятий в отдельной терминологической сфере может происходить на основании сближения родственных понятий и проведения аналогий между ними.

По мере становления современного подхода к термину как к особой единице языка изменялось и отношение к внутренней структуре терминологических единиц. На данном этапе термин воспринимается как средство выражения научного понятия и является самостоятельной языковой единицей. Такое мнение высказывается в работах Д. С. Лотте, М. Н. Володиной, В. М. Лейчика, С. Д. Шелова и других терминоведов. Совокупность языковых единиц, которая в полной степени передает понятия о предметной области и формируется стихийно, называется терминологией. Терминосистема

же есть упорядоченный набор терминов, соответствующий классификации понятий отдельной области. Термины как элементы терминосистемы взаимосвязаны между собой на лексико-семантическом и понятийном уровнях языка. И здесь стоит отметить, что терминосистема является формализованной понятийной моделью области знания, т.е. результатом лексикографического описания.

Как утверждает С. В. Гринев, иерархизация и представление понятий в виде системы раскрывает основополагающие связи и отношения между понятиями, дает возможность определить конкретное место каждого из понятий в системе. «Систематизация проводится путем классификации понятий, т. е. представления их в виде системы, в которой зафиксированы иерархические отношения между ними» [9].

Объектом данного исследования является семантическая организация экономических терминов в английском и белорусском экономических дискурсах, представленных аналитическими статьями и заметками в периодических изданиях. Предметом исследования выступает технология моделирования терминосистем «Экономика» в английском и белорусском языках. Конечной его целью станет определение ключевых элементов терминосистем «Экономика» в данном типе дискурса для двух языков, что может способствовать определению границ и выявлению структурных особенностей терминосистем в каждом из них. Отправной точкой для формулирования методики исследования является процедура ступенчатой идентификации, что дает возможность учитывать результаты, полученные на предыдущих этапах анализа. Э. В. Кузнецова разработала и описала процедуру ступенчатой идентификации, которая «состоит в последовательном сведении слов через идентификаторы к словам с предельно обобщенным характером. Ступенчатую идентификацию можно рассматривать как способ выявления наиболее обобщенных вербальных манифестаторов семантических компонентов значений» [10, с. 36]. З. Д. Попова утверждает, что «прием ступенчатой идентификации позволяет определить лексико-семантическую группу слов как совокупность единиц, толкуемых через одни и те же слова-идентификаторы» [11, с. 117]. Основным инструментом при моделировании терминосистем является оценка парадигматических отношений, которая проводится методами компонентного (дефиниционного) анализа и семантического развертывания.

Поскольку процесс моделирования предполагает всестороннее изучение и анализ объекта, то видится целесообразным его проведение в несколько этапов.

На первом этапе происходит изучение текстов с целью выделения корпуса терминологических единиц, представленных отдельными единицами или словосочетаниями, репрезентирующими систему понятий экономики. Предметная область «Экономика» – обширная область знания, понятия которой встречаются в разных типах дискурса (научном, деловом, политическом и т.д.). При этом следует иметь в виду, что в одном лингвисти-

ческом исследовании трудно учесть и описать все особенности функционирования единиц данной области в разных жанрах. Для проведения описываемого исследования будет использоваться метод сплошной выборки терминологического материала из электронных периодических изданий на английском и белорусском языках.

На втором этапе необходимо выявить семантические отношения между экономическими терминами. Тут может использоваться дефиниционный анализ, иными словами, вариант компонентного анализа, а также родовидовой анализ, как часть компонентного анализа. Этот метод целесообразен, поскольку позволяет обнаружить связи между понятиями и вместе с тем дает возможность для сопоставления значений как в отношениях гипогиперонимии, так и на одном уровне иерархии. Процедуры семантического развертывания и ступенчатой идентификации выступают частью такого методического инструментария. Семантическое развертывание используется для проведения разложения дефиниции и дальнейшего добавления в исходную дефиницию определений отдельных значений или терминологических сем. Такой подход упрощает анализ и приводит к установлению простых связей между формой и содержанием терминологических единиц. После совершения данных операций дефиниции терминов представляют собой конструкции с простыми связями между формой и содержанием и позволяют продолжить анализ семантической структуры. Применение же процедуры ступенчатой идентификации дает возможность определить основные лексико-семантические группы предметной области и установить границы ее подгрупп, рассмотреть изолированные терминологические единицы, учитывая все виды взаимоотношений между ними, например, гипогиперонимические отношения, синонимию и антонимию, полное отсутствие понятийных связей.

Третьим этапом работы становится построение терминологических полей для каждого из языков на основании установленных семантических отношений между терминами внутри выделенных лексико-семантических групп и подгрупп. Тут будет обоснованное использование понятия *терминологическое поле*, поскольку «терминополь – это арена активного функционирования и взаимодействия терминов из разных терминосистем, в том числе и из других областей знаний» [12].

На четвертом этапе проводится сопоставление построенных ранее терминополь в исследуемых языках, приводятся статистические данные выполненного анализа. Сопоставительный и статистический методы приведут к достижению конечной цели исследования, поскольку позволят уточнить и дополнить семантическую структуру терминополь в двух языках.

На последнем этапе предлагается использовать тезаурусный метод моделирования, где терминосистемы «Экономика» в двух языках будут зафиксированы в виде иерархичных сетей, скомпонованных не только с учетом построенных терминополь, субполей и микрополей в отдельном языке, но и уточненных и дополненных на основании сопоставления терминополь в двух языках.

В рамках апробирования и иллюстрации такой технологии моделирования терминосистем «Экономика» были определены основные терминологические поля в терминосистемах английского и белорусского языков с использованием метода компонентного (дефиниционного) анализа, процедуры ступенчатой идентификации и семантического развертывания. В качестве фактического материала для анализа методом случайной выборки были отобраны термины из английского корпуса текстов (электронная версия газеты «The Telegraph», раздел «UK Economy») и белорусского корпуса текстов (электронная версия газеты «Звязда», раздел «Эканоміка») за 2022 год.

Так, термин *Economy* согласно Collins English Dictionary имеет следующее определение: «the complex of human activities concerned with the production, distribution, and consumption of goods and services» [13]. При разложении дефиниции устанавливаются следующие ее элементы: *complex of human activities, production, distribution, consumption, goods and services*. Ключевым, как правило, является первый элемент значения, который может быть подвергнут дальнейшему дефиниционному анализу. Установление дефиниции слова *activity* из компонента *complex of human activities* позволяет нам определить ключевую сему – ‘process’. Данная сема является неразложимой и представляет собой идентификатор макрополя «Process» в терминосистеме «Экономика» английского языка. Следует отметить, что такое название этого и последующих макрополей в терминосистеме во многом носит условный характер, поскольку в ходе дальнейшего анализа терминологического материала могут быть установлены синонимичные идентификаторы с различными оттенками значения. Новые идентификаторы должны быть зафиксированы в названии макрополя, например: «Process/Activity».

Термин *Money* имеет определение «the coins or bank notes that you use to buy things, or the sum that you have in a bank account» и при разложении дефиниции включает в себя такие компоненты первого порядка, как *the coins, bank notes, the sum*. Каждый из приведенных компонентов в свою очередь также может быть разложен на составляющие, которые дадут возможность определить макро- и микрополя в терминосистеме «Экономика». Компонент *coin* имеет дефиницию «small piece of metal which is used as money». При дальнейшем анализе устанавливается минимальная неразложимая единица значения компонента *metal*, которая будет определять следующее макрополе в данной области знания. В данном случае минимальной семой и одновременно идентификатором поля будет «Object».

Примером еще одного крупного структурного элемента терминосистемы является макрополе «Subject», которое устанавливается посредством компонентного (дефиниционного) анализа экономического термина *Enterprise*, имеющего следующую дефиницию: «a company or business, often a small one». Вычлененными компонентами дефиниции будут слова *company u business*. Первое из них имеет определение «a business organization that makes money by selling goods or services» и является следующей ступенью установления слова-идентификатора. В ходе дальнейшего анализа компонента *organization* выявляется ядерное значение и манифестатор макрополя «Subject».

Соответствующим образом проводится анализ терминосистемы «Экономика» и в белорусскоязычном дискурсе. При компонентном анализе термина *Акцыя* и его определения, приведенного в «Слоўніку эканамічных тэрмінаў» Г. І. Базылевай [14] – «каштоўная папера, якая сведчыць пра ўдзел яе ўладальніка ў капітале акцыянернага таварыства», выделяется компонент *каштоўная папера*, который на следующей ступени анализа дает нам неразложимую сему ‘аб’ект’. Данная сема станет ядерной для одноименного макроэлемента «Аб’ект».

Такой экономический термин, как *Баланс*, имеет следующее определение: «становішча ў эканоміцы, калі паміж яе часткамі існуе пэўная раўнавага». Компонентом значения для дальнейшего дефиниционного анализа является *становішча ў эканоміцы*. Этот компонент представляет собой совокупность двух значений: *сукупнасць грамадска-палітычных адносін* и *абставіны грамадскага жыцця*. На следующем этапе можно выделить компоненты значения слова *адносіны*, которые станут предпоследней ступенью в процедуре анализа. *Характар наводзін* и *абыходжанне каго-небудзь з кім-чым-небудзь* – части дефиниции слова *адносіны*. Минимальной семой слова *наводзіны* будет ‘працэс’, что позволяет, как и в английском языке, вычленивть макрополе с таким же названием – «Працэс».

Еще одним значимым элементом терминосистемы «Экономика» в белорусском языке будет терминополь «Суб’ект». Данный элемент выделяется в ходе подробного разбора значения термина *Банк*, имеющего следующее определение: «установа, галоўная функцыя якой – акумуляцыя грашовых сродкаў, крэдыту, ажыццяўленне грашовых разлікаў, эмісія крэдытных прылад абарачэння, выпуск каштоўных папер і інш». Первый компонент дефиниции – *установа* – включает в себя минимальную сему ‘суб’ект’.

Итак, при компонентном анализе установлены следующие макрополя терминосистемы «Экономика» в англоязычном экономическом дискурсе:

«Subject» (*enterprise, business leader, banking regulator*);

«Object» (*money, bank transfer, balance sheet*);

«Process» (*bank transfer, competitive ability*).

Такие же макрополя были определены в ходе компонентного анализа в белорусскоязычном экономическом дискурсе:

«Суб’ект» (*банк, таварная біржа, брокер*);

«Аб’ект» (*акцыя, рэсурс, інвентарызацыя*);

«Працэс» (*баланс, здзелка, карупцыя*).

Названия данных макрополей терминосистем «Экономика» в англоязычном и белорусскоязычном экономическом дискурсе являются условными и неполными, поскольку в ходе дальнейшего анализа терминологического материала могут быть дополнены синонимичными идентификаторами, например: «Process/Activity» или «Працэс/Дзейнасць». Эти макрополя за счет своей универсальной природы в сопоставляемых языках становятся основой для выделения и разграничения ряда микрополей, полностью включенных либо находящихся на пересечении данных элементов.

Таким образом, в статье сформулированы принципы сопоставления семантической организации экономических терминологических единиц в английском и белорусском экономических дискурсах, представленных аналитическими статьями и заметками в периодических изданиях. Описана технология моделирования терминосистем «Экономика» посредством тезаурусного моделирования для определения границ и выявления структурных особенностей в каждом из языков. Обоснована методология проведения такого исследования с помощью компонентного (дефиниционного) анализа, процедур ступенчатой идентификации и семантического развертывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 506.
2. *Никитина, С. Е.* О тезаурусном описании лексикографической терминологии / С. Е. Никитина. – М., 1988. – С. 111–114.
3. *Лавренова, О. А.* Методика разработки информационно-поискового тезауруса / О. А. Лавренова. – М., 2001. – С. 27.
4. *Никитина, С. Е.* Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике (автоматическая обработка текста) / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1978. – 375 с.
5. *Костина, А. В.* Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания / А. В. Костина // Обсерватория культуры. – 2008. – №5. – С.102–109.
6. *Канделаки, Т. Л.* Опыт разработки принципов упорядочения терминологий / Т. Л. Канделаки // Современные проблемы русской терминологии. – М. : Наука, Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., 1986. – 198 с.
7. *Морковкин, В. В.* Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 71 с.
8. *Караулов, Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 363 с.
9. *Гринев, С. В.* Введение в терминографию / С. В. Гринев. – М. : МПУ, 1995. – С. 91.
10. *Кузнецова, Э. В.* Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак-тов ун-тов / Э. В. Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 216 с.
11. *Попова, З. Д.* Лексическая система языка : внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – М. : URSS, Либроком, 2011. – 176 с.
12. *Виноградов, В. А.* Термин в научном дискурсе [Электронный ресурс] / В. А. Виноградов // Вестн. ННГУ. – 2014. – № 2-1.– Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-v-nauchnom-diskurse>. – Дата доступа : 29.09.2022.
13. Collins Online English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/economy>. – Date of access: 29.09.2022.
14. Слоўнік эканамічных тэрмінаў / Мін. дзярж. пед. ін-т імя А. М. Горкага ; склад. Г. І. Бабылева. – Мінск, 1992. – 54 с.

Поступила в редакцию 26.09.2023

Марцынкевіч Вера Іванаўна
аспірант кафедры беларускай
і рускай філалогіі
Мазырскі дзяржаўны педагогічны
ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
г. Мазыр, Беларусь

Vera Martsynkevich
PhD Student of the Department
of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University
named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Belarus
vera.martsinkevich@mail.ru

ДЗІЦЯ ЯК АБ'ЕКТ НАМІНАЦЫІ Ў АСПЕКЦЕ
ЛІНГВАСЭНСАРНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

CHILD AS AN OBJECT OF NOMINATION IN THE ASPECT
OF LINGUOSENSORIC RESEARCH¹

У артыкуле з пазіцыі сэнсарнай лінгвістыкі на матэрыяле беларускіх прыказак і прымавак аналізуецца лексіка тэматычнай групы “Дзіця”. Вызначаны лексіка-семантычныя групы найменняў дзяцей, растлумачана семантыка перцэптыўнай лексікі, прааналізаваны сродкі яе выражэння. У выніку даследавання прадстаўлена інтэрпрэтацыя найменняў дзяцей праз экстэрацэптыўныя адчуванні.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *парэміялагічныя адзінкі; семантыка ‘дзіцячае’; сэнсарныя адчуванні; перцэптыўная лексіка; моўныя сродкі рэпрэзентацыі.*

The article depicts an attempt to reveal the vocabulary of the thematic group "Child" in Belarusian proverbs and sayings from the point of view of sensory linguistics. The lexical-semantic groups of children's names are defined, the semantics of perceptual vocabulary is explained, and the means of its expression are analyzed. As a result of the study, the interpretation of children's names through exteroceptive sensations is presented.

К e y w o r d s: *paremiological units; ‘children’s’ semantics; sensory sensations; perceptual vocabulary; linguistic means of representation.*

Сэнсарная лінгвістыка – адносна новы, але ўжо даволі распрацаваны накірунак лінгвістыкі – вывучае мову перцэпцыі як сістэму вербальнай рэпрэзентацыі фізіялагічных паказчыкаў пяці органаў пачуццяў: зроку, слыху, тактыльнасці, смаку, паху. Сёння існуюць даследаванні (В. М. Грыгор’ева, Н. Л. Зыхоўская, Т. У. Краюшкіна, Л. У. Лаенка, А. В. Нагорная, І. Г. Рузін, В. К. Харчанка і іншыя), у якіх разглядаюцца спосабы славеснага абазначэння экстэрацэптыўных адчуванняў (у псіхалогіі пад экстэрацэптыўнымі прынята разумець адчуванні, якія ўзнікаюць пад уздзеяннем на рэцэптары, размешчаныя на паверхні цела).

¹Артыкул падрыхтаваны ў межах ДПНД “Грамадства і гуманітарная бяспека” на 2021–2025 гг. пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь па дагаворы №1410/2021 ад 22.03.2021.

Як адзначае В. М. Грыгор’ева, “значэнне любога слова прама або ўскосна звязана з семантыкай адчуванняў, што праяўляецца ў пэўнай спалучальнасці слоў. Семантычныя сувязі з сэнсарнай сферай выяўляюцца ў любога адвольна ўзятага слова” [1, с. 9–10].

Лексічныя групы, аб’яднаныя тэмай “Дзяцінства”, станавіліся аб’ектам вывучэння не толькі лінгвістаў, але і педагогаў, псіхолагаў, гісторыкаў, літаратуразнаўцаў, фалькларыстаў, этнографікаў, сацыёлагаў і інш. Так, І. У. Паповічава адзначае, што “Словарь русских народных говоров” налічвае як мінімум 700 намінацыйных адзінак лексічнай групы “Ребёнок” [2, с. 285].

Даволі заўважна прадстаўлена лексіка тэматычнай групы “Дзяцінства” ў прыказках і прымаўках, паколькі найбольш яркая рэпрэзентаваным у іх канцэптам нацыянальнай карціны свету з’яўляецца “чалавек” [3]. Сімптаматычна ў гэтай сувязі, што парэміі ў значнай ступені “адлюстроўваюць нацыянальную культуру Беларусі адзінкамі свайго лексіка-семантычнага складу” [4, с. 38]. Як паказваюць найноўшыя даследаванні, менавіта лексічныя кампаненты, асабліва “дамінантныя словы”, з’яўляюцца асноўнай аб’ектыўнай падставай для вызначэння нацыянальнай спецыфічнасці парэмій [5, с. 1015]. Лексіка займае найважнейшае месца сярод асноўных кампанентаў прыказак і прымавак як моўных адзінак [6, с. 76] дзякуючы яшчэ і таму, што ў прыказках ужываюцца, як правіла, найбольш частотныя лексічныя адзінкі [7, с. 66]. Гэта дазваляе разглядаць лексіку ў прыказках і прымаўках не толькі як адзін з моўных сродкаў іх пабудовы, але і як рэпрэзентатывы матэрыял для вывучэння разнастайных семантычных асаблівасцей розных груп лексічных адзінак агульнанароднай мовы.

Актуальнасць даследавання абумоўлена наступным: па-першае, лінгва-сэнсарны аспект дазваляе ўключыць работу ў праблемнае поле сучаснай лінгвістыкі па вывучэнні спосабаў рэпрэзентацыі перцэптыўнай лексікі ў моўных знаках; па-другое, уяўленні пра дзіця, рэпрэзентаваныя ў семантыцы парэміялагічных адзінак, належаць да важнейшых складальнікаў светапогляду носбітаў нацыянальнай культуры.

Матэрыял сабраны шляхам суцэльнай выбаркі са зборнікаў і слоўнікаў беларускіх народных прыказак, прымавак, фразем і крылатых выслоўяў. Асноўным метадам даследавання з’яўляецца апісальны, які рэалізуецца ў прыёмах інтэрпрэтацыі, класіфікацыі, сістэматызацыі матэрыялу; выкарыстаны прыёмы дэфініцыйнага, кантэкстуальнага аналізу.

Аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў выявіць найменні дзяцей і аб’яднаць іх у наступныя лексіка-семантычныя групы (ЛСГ): 1) са значэннем нейтральнага родавага паняцця ‘дзіця’; 2) з семай ‘узрост’; 3) з семай ‘колькасць’; 4) з семай роднасных сувязей ‘сын, дачка’ (незалежна ад узросту).

Разгледзім, якімі моўнымі сродкамі рэпрэзентаваны розныя тыпы сэнсарных адчуванняў у прыкладах кожнай ЛСГ.

1. ЛСГ са значэннем нейтральнага родавага паняцця ‘дзіця (дзіцятка, дзетачкі)’. Параўнаем: *Дзіця не заплача – матка не здагадаецца; Дзе многа нянек, там дзіця без носа; Сваё дзіцятка міла; Дзіця не іголка, знойдзецца і долка.*

Як вядома, назоўнік *іголка* абазначае прадмет, здольны ўкалоць і выклікаць пры гэтым пэўныя тактыльныя адчуванні. Таму, услед за В. М. Грыгор’евай, мы можам выказаць меркаванне аб полімадальнасці семантычнага кампанента ‘востры’, у якім указаная прымета ўспрымаецца і вачыма, і скурай [1, с. 10]. Параўнаем: у кантэкстуальным акружэнні *Дзіця не іголка, знойдзецца і долка* семантычны кампанент ‘востры’ ўспрымаецца толькі вачыма, а не скурай, таму што назоўнік *іголка* набывае значэнне памеру (дзіця не маленькае). Такім чынам, у складзе выказніка *не іголка* абазначае ‘знойдзецца, не згубіцца’ [8, т. 2, с. 527].

Паколькі намінацыя *дзіця* мае значэнне ‘малалетні хлопчык або дзяўчынка (ад нараджэння да падлеткавага ўзросту)’ [8, т. 2, с. 175], да дадзенай ЛСГ аднясём найменні хлопчыка і дзяўчынкі як кампанентаў, якія складаюць родавае паняцце і дыферэнцыраваны па гendarнай прымеце. Так, абазначэнне хлопчыка – ‘дзіця або падлетак мужчынскага полу’ [8, т. 5, кн. 2, с. 202] прадстаўлена нейтральнымі найменнямі – *хлопец (хлапец), хлапчына: Расці хлапца, ды не шкадуў дубца, то выведзеш у людзі; Хмель тычынку абвівае, дзеўка хлопца абдымае*; абазначэнне дзяўчынкі – ‘дзіця або падлетак жаночага полу’ [8, т. 2, с. 183] прадстаўлена нейтральнымі найменнямі – *дзяўчына (дзеўка): Дзеўка без касы не мае красы. Гадуеш дзяўчыну – шыкуў прыну* (шыкаваць – рыхтаваць, падрыхтоўваць) [8, т. 5, кн. 2, с. 427].

У сэнсавай структуры дзеяслова *расці* выражаецца працяканне працэсу выхавання, які характарызуецца пэўнай працягласцю ў часе і завяршэнне якога часцей суадносіцца з перыядам вырастання дзіцяці – *выведзеш у людзі*. На гэтай падставе ў дадзеным кантэксце можна разглядаць дзеясловы *расці, выведзеш* як дзеясловы руху, ужытыя ў тэмпаральным значэнні. Назоўнік *дубец* выступае ў якасці сродку выхавання і ў кантэкстуальным фрагменце *не шкадуў дубца* набывае значэнне ‘біць, ударыць’, характэрнае для дзеясловаў дэструкцыі са значэннем фізічнага дзеяння, накіраванага на аб’ект. Як адзначае В. Д. Старычонак, “у працэсе дэструкцыі прысутнічаюць ініцыятар (ім можа быць чалавек ці група людзей, а таксама ўнутраныя ўмовы і прычыны, якія прывялі да змянення аб’екта) і дэфармаваны аб’ект” [9, с. 145]. У прыведзеным прыкладзе ініцыятарам выступаюць бацькі (часцей бацька), аб’ектам дэфармацыі – дзіця. Уздзеянне ініцыятара на аб’ект мэтанакіравана на вынік – вывесці ў людзі, г.зн., падрыхтаваць да самастойнага, незалежнага ад бацькоў жыцця. Таму мяркуем, што ў парэміялагічнай адзінцы адлюстравана тактыльная сфера адчуванняў.

У адпаведнасці з даследаваннямі В. Д. Старычонка, успрыманне руху як спосабу быцця з’яў фізічнага свету з’яўляецца падставай для пераносу ўяўленняў пра рух на сферу міжасобасных адносін і ўтварэння другаснага

лексіка-семантичнага варыянта ‘дзеінічаць, паводзіць сябе тым або іншым чынам’ [9, с. 73]: *Бацька нажываў горбам, а дзеткі пражылі горлам.* Так, у кантэксте *Бацька няхай ідзе араць: яго коні знаюць, а я пайду ў карчму: мяне там чакаюць* (Ці ты, бацька, ідзі араць, а я пайду ў карчму, ці я пайду ў карчму, а ты ідзі араць) выяўляюцца міжасобасныя адносіны (бацька–сын), якія выражаюць унутраны стан чалавека, яго дзеянні і ўчынкі адносна самога сябе (сын) і іншых людзей (бацька). Як бачым, у прыведзеных прыкладах такія дзеянні адлюстроўваюць дзве процілеглыя пазіцыі, выражаныя дзеясловамі стваральнай дзейнасці *араць, нажываць* і спалучэнні *пражываць горлам, ісці ў карчму ў значэнні ‘прапіваць, прагульваць’.*

Дзеясловы дакранання *абвіваць, абдымаць* таксама выступаюць семантычнымі маркёрамі **перцэптыўнай лексікі тактыльнасці** і абазначаюць уздзеянне на аб’ект без яго перамяшчэння і змянення.

А назоўнік *каса* (семантычна звязаны з саматызмам *валасы*) выступае, з аднаго боку, семантычным маркёрам **перцэптыўнай лексікі зроку**, з другога боку – знешнім паказчыкам дзявочай прыгажосці. Таму мы падтрымліваем меркаванне У. І. Коваля, што “знешняя прывабнасць належыць да ліку гendarна маркіраваных характарыстык, якія абапіраюцца на фальклорную традыцыю” [10, с. 145].

Найменні *хлопец, дзяўчына* можна разглядаць і ў іншай праекцыі, звязанай з працэсам сталення дзяцей і накіраванай на стварэнне імі ўласнай сям’і. Так, *дзяўчына* – у значэнні ‘паўналетняя незамужняя жанчына’ [8, т. 2, с. 183]: *Праходзіць Пакрова – раве дзеўка бы карова; Шчабеча дзяўчына, шчабеча – спяшыць замуж, чалавеча; У дзеўчыны жаніхоў сто адзін, а дастанецца – адзін; хлопец – у значэнні ‘малады чалавек, юнак; нежанаты мужчына’* [8, т. 5, кн. 2, с. 202]: *Хлопца за свата не пасылаюць; Здагадайся, хлопчына, чаго плача дзяўчына.*

Як сведчаць прыклады, праз сінанімічны рад *плакаць – шчабятцаць, раўці* прадстаўлена **перцэптыўная лексіка слыху**. Так, сэнсарны вобраз птушкі (*шчабеча*) ілюструе станоўчую канатацыю вобраза дзяўчыны, а сэнсарны вобраз каровы (*раве*) – адмоўную з адценнем экспрэсіўнасці. Разам з тым, вобразы птушкі і каровы адрозніваюцца гучнасцю (маюць розную сілу голасу), таму здольны выклікаць рознае слыхавое ўздзеянне і эмацыянальна-ацэнныя канатацыі. Спалучэнне дзеяслова руху *спяшыць* і прыслоўя *замуж* выражае ўстойлівы сэнс ‘уступаць у шлюб, выходзіць замуж’.

2. У ЛСГ з семай ‘узрост’ можна выдзеліць першую падгрупу – з абагуленым значэннем узросту ‘малое дзіця’: *Малое звесці вокам не дае; Малыя дзеці, малое й ліха; Тады матка бяду знае, як малое дзіця мае; Кірпачка мая маленькая, дарагенькая; Малюсенькі, як камаровы насок; Малюсенькі, як пазногаць.*

У прыведзеных прыкладах праз унутраную форму слоў (корань *-мал-*, дэмініватыўныя суфіксы *-еньк*, *-юсеньк-*) ілюструецца недаросласць як матывацыйная прымета малога ўзросту. У аснову абазначэнняў дзяцей-немаўлят таксама можа быць пакладзена рэфэрэнцыя з прадметамі (*калыска*, *пялёнка*) і ўласцівасцямі (як *камаровы насок*, як *пазногаць*), якія з'яўляюцца атрыбутыўнымі для гэтага ўзроставага этапу.

Другая падгрупа – з канкрэтным значэннем узросту: *Да году дзіця – як яечка, да трох – як авечка; Да пяці год пястуй дзіця, як яечка, да сямі пасі, як авечку, то выйдзе на чалавечка; Дзіцята бы ягнята*. Як сведчаць прыклады, сема малога ўзросту можа быць актуалізавана і вобразнымі метафарычнымі найменнямі *як яечка*, *як авечка*, *бы ягнята*, моўным сродкам выражэння якіх выступае параўнальны зварот. Такім чынам, мы можам выказаць меркаванне, што ў дадзенай ЛСГ назіраецца дыферэнцыяцыя найменняў дзіцяці па ўзроставай прымеце.

3. У ЛСГ з семай 'колькасць' таксама выдзяляем некалькі падгруп, у якіх рэпрэзентуецца як дакладная, так і няпэўная колькасць дзяцей.

Адзначым прыклады з указаннем на дакладную колькасць дзяцей (ад 1 да 6): *Першае дзіця пытае дарогі, а другое – сілы; Ані лыжкі, ані міскі, а навесіў тры калыскі; А-а-а, малое, пакуль будзе другое, а-а-а, Несцерка, пакуль будзе шэсцерка*.

Відавочна асацыятыўная сувязь лексемы *калыска*, якая фіксуецца тлумачальным слоўнікам беларускай мовы [8, т. 2, с. 593] у значэнні 'плецены або драўляны дзіцячы ложка (звычайна падвешаны на вярхоўках да столі), які можна калыхаць, гушкаць' з тэмай дзяцінства, а карнявая марфема *калых-* актуалізуе сему маленства ў сінанімічным радзе *калыхаць* – 'гайдаючы калыску, спяваючы калыханку, усыпляць (дзіця)'; *калыханка* – 'песня, якую спяваюць, калышучы дзіця'. Параўнаем: *Багатаму чорт дзяцей калыша, а беднаму з калыскі выкідае; Прывык, як дзіця да матчынай калыханкі; Гэта табе навука: калыхала мяне – калышы і ўнука*.

Лексемы *калыска*, *калыхаць* карэлююць з тактыльным тыпам адчуванняў немаўляці, а лексема *калыханка* – са слыхавым тыпам успрыняцця ім рэчаіснасці. Так, тактыльнасць рэпрэзентавана дзеясловам руху *калыхаць*, а слых – гукаперайманнем *а-а-а, люлі, люлі, люлі*. Параўнаем: *А-а-а, малое, пакуль будзе другое, а-а-а, Несцерка, пакуль будзе шэсцерка; Люлі, люлі, люлі, палез кот у дулі*. Агульнавядома, што немаўля на слых успрымае калыханку, а гэта значыць, па голасу пазнае маці, адрознівае яе ад другіх людзей, таму калыханачны матыў, па нашым меркаванні, можна разглядаць і аналізаваць як на лінгвасэнсарным узроўні (голос маці – слых дзіцяці), так і на эмацыянальным (пяшчота, ласка, цеплыня, клопат маці – бездапаможнасць і безабароннасць дзіцяці). Так, кантэкстнае акружэнне гэтых лексічных адзінак аб'ектывуе семы 'калыханне', 'узрост', 'бяспека', якія здольны выступаць у якасці маркёраў узроставага этапу.

У другой падгрупе – абазначэнні няпэўнай колькасці дзяцей: *Даў Бог дзеці, ды няма дзе дзеці (падзеці); Пацей, Мацей, калі многа дзяцей; Першае дзіцятка – панятка; Мал, мала, мени; Дзеткі-наследкі – едкі* (наследак – самае меншае па ўзросце, апошняе дзіця ў сям’і) [8, т. 2, с. 593].

Як было адзначана раней [11, с. 163], першае дзіця – Божы дар, бязмежная радасць для бацькоў, таму яго песцяць, галубяць, шкадуюць. Параўнаем: *Першае дзіцятка – панятка* (песціць – любоўна даглядаць, гадаваць; ствараць для жыцця, дзейнасці вельмі спрыяльныя ўмовы; праяўляць ласку, лашчыць, галубіць) [8, т.4, с. 250]; *Носіцца, як курьца з яйкам; Чым бы дзіця ні цешылася, абы не плакала; Дзе многа нянек, там дзіця без носу*. Разам з тым, народная мудрасць перасцерагае бацькоў ад празмернай апекі над дзецьмі, бо дзіця трэба выходзіць у строгасці з самага маленства. Параўнаем: *Выпесціць пестуна; З пестуна нічога не будзе* (песціць – патураць усім жаданням, балаваць, распешчваць; пестун – той, каго вельмі песцяць, распешчваюць) [8, т.4, с. 539]. Фактычны матэрыял ілюструе прыклады ўжывання перцэптыўнай лексікі тактыльнасці, перш за ўсё – дзеясловаў дакранання, субстантываванах назоўнікаў, а таксама вобразных параўнанняў.

У аснове намінацыі самага малодшага, апошняга дзіцяці ў сям’і аб’ектывуецца сема смаку. Параўнаем: *Дзеткі-наследкі – едкі* (едкі – з’едлівы, колкі) [8, т.2, с. 241]. Карыстаючыся тэрміналогіяй Л. У. Лаенка, адзначаем, што ў семантыцы “прыметніка пачуццёвага ўспрымання, або перцэптыўнага прыметніка” *едкі* назіраецца тэндэнцыя пераносу прыметы смаку (утворана ад дзеяслова *есці*) на семантычную вобласць ацэнкі [12, с. 75]. Параўнаем: *Дзеткі, дзеткі, не будзьце едкі ды не з’ешце бацьку з маткаю; Дзеткі, не будзьце едкі, ды не з’ешце бацьку ў лапцях*. Так, на аснове прыведзеных прыкладаў можна сцвярджаць, што ў намінацыях першага і апошняга дзіцяці закладзены характарыстыкі, замацаваныя за імі ў сям’і.

Сюды ж мы лічым мэтазгодным аднесці прыклады, у якіх рэпрэзентавана перыядычнасць нараджэння дзяцей у сям’і, але без указання на іх канкрэтную колькасць: *Аб год дзіця, аб год дзіця; Штогод з дзіцём; Што гадок, то і сынок; У нашай Кацярыны штогод хрэсьбіны і радзіны*.

Асобна вылучаем трэцюю падгрупу прыкладаў, у якой найменні дзяцей, утвораныя на аснове метафарычнага ці метанімічнага пераносу, утрымліваюць сему асобы (*Будзе раток, будзе і кусок; Што гадок, то і ядок; Што год, то ўдод*) і актуалізуюць сему зборнасці (*Хоць на грошы бяда, але дзяцей пад дастаткам; Багаты Аўдзей, поўна хата дзяцей; Хіба ў мяне коз воз, дзяцей хата; Дзяцей, як бобу, а хлеба ні дробу; Дзяцей, як снапоў у пасадзе; Сядзем у рад – тата будзе рад*).

Трэба адзначыць, што ў дадзенай падгрупе можна вылучыць і семантычныя маркёры перцэптыўнай лексікі смаку, якімі выступаюць назоўнікі *кусок, ядок, раток*.

Назоўнік *кусок* ужыты ў значэнні ‘хлеб’. Параўнаем: *Дасць Бог раточак, дасць і кусочак; Будзе раток, будзе і кусок; Калі на свет дзіця прыходзіць, новы кусок хлеба родзіць; Бацька за парог, дзеткі за пірог; Няма таткі, няма й папкі* (у значэнні ‘хлеб’); *Дзень (кош) вялікі, а луста мала: няродная матка ў торбу клала; Хто са мной хлеба есці не хоча, я з тым і калача не буду.*

Найменні-сінонімы *хлеб, пірог, калач* семантызуюць розную ступень матэрыяльнага дабрабыту сем’яў. Параўнаем: *Чалавек есць хлеб траякі: белы, чорны і ніякі; Не бяда, што ў хлебе лебяды, бяда, калі хлеба няма; Лепш хлеб з вадою, як пірог і мёд з бядою; Адною крупінкаю сыты.* А сінонімы *кусок, луста, крупінка* – частку ад цэлага.

Заўважым, што і субстантываваны назоўнік *ядок*, утвораны ад дзеяслова *есці*, і саматызм *раток*, ужытыя ў метанімічным значэнні ‘дзіця’, актуалізуюць сему спажывання ежы. Параўнаем: *Што гадок, то і ядок; Будзе раток, будзе і кусок.* Акрамя таго, саматызм *раток* падкрэслівае мудрасць жыцця (хлеба хопіць на ўсіх дзяцей, незалежна ад колькасці іх нараджэння).

У прыкладах *Да зубоў наясіся, а да дзяцей наспішся; Ласкавае цялятка дзвюх матак ссе, а гордае ні адной ужыты дзеясловы са значэннем працэсу з’ядання (наесціся) і спосабу паглынання (ссаць) ежы, якія ілюструць таксама і міжасобасныя адносіны. Саматызм *зубы* выступае паказчыкам фізіялагічнага працэсу перажоўвання ежы.*

Таксама пазіцыяніруецца спажыванне традыцыйных для беларускіх сем’яў страў і прадуктаў харчавання: *З дзеткамі гора толькі да заціркі, а там – пайшло!; Гушча (каша) дзяцей не разганяе; Куцця дзетак збірае, а квас разганяе; Дзеці балуюцца ад матчынага блінца, а разумнеюць ад бацькавага дубца; Дзяцей, як бобу* (у складзе параўнальнага звароту).

У выніку аналізу фактычнага матэрыялу адзначаны адзінкавыя прыклады ўжывання **перцэптыўнай лексікі паху** ў парэміялагічных адзінках з семантыкай ‘дзіцячае’. Параўнаем: *Хто мае пчол, той мае мёд, хто мае дзяцей, той мае смурод* (смурод – непрыемны, агідны пах) [8, т. 5, кн. 1, с. 223]. У межах мадэлі сінтаксічнага паралелізму “хто..., той...”, з аднаго боку, актуалізуецца ступень уздзеяння паху на чалавека, яго рэзкасць і непрыемнае адчуванне ў параўнанні з водарам мёду, з другога – семантызуецца складаны і адказны працэс выхавання дзяцей, поўны перажыванняў, хваляванняў і клопату.

У прыкладзе *Пацей, Мацей, калі многа дзяцей дзеяслоў фізічнага стану пацець* набывае перцэптыўныя прыметы, імпліцытна выражаныя праз некалькі каналаў успрымання (тактыльнасць, пах, смак). Патлумачыць гэта можна тым, што ў працэсе цяжкай фізічнай працы чалавек становіцца мокры ад поту і можа адчуць яго вільготнасць, непрыемны пах і горка-салёны смак.

Такім чынам, вызначана нязначная колькасць парэміялагічных адзінак, у якіх намінуюцца сэнсарныя вобразы паху.

4. У ЛСГ з семай роднасных сувязей ‘сын, дачка’ (незалежна ад узросту) акцэнтуюцца ўвага на адказнасці кожнага з бацькоў за вынікі працэсу выхавання дзяцей у сям’і, якое было арганізавана і ажыццяўлялася па гэндарным прынцыпе. Параўнаем: *Дзе сыноў лава, там бацьку слава, дзе дачок лава, там матцы слава; Які дубок, такі і клінок, які бацька, такі і сыноч; Якая клёпка, такая і бочка, якая матка, такая і дочка; Матка дачку хваліла, пакуль з рук зваліла; Матка вінавата, што дачка чаравата.*

Разам з тым зафіксаваны намінацыі са значэннем экспрэсіўнасці *вырадак*, *нягоднік*: *І ў харошай сям’і вырадак бывае; У балоце не без чорта, а ў сям’і не без вырадка; Нягоднік не родзіцца, а робіцца.* З кантэксту вынікае, што ў сям’і пры аднолькавых умовах выхавання гадуюцца, але вырастаюць розныя дзеці. Параўнаем: *З аднае хаткі, ды не роўныя дзіцяці; Дзеткі адзінае маткі, ды не роўныя (І ў адной жа маткі не роўныя бываюць дзіцяці); Аднаго бацькі, адной маткі, ды не роўныя дзіцяці (Аднаго бацькі і адной маткі няроўныя бываюць дзіцяці); Ні ў радню, ні ў айца, а ў прахожага малайца; І на здаровай яблыні гнілы яблык знойдзецца; Хоць з адной печы, ды не аднолькавыя пернікі; І ў хлебе ёсць мякіна (назоўнікі пернікі, мякіна, яблык імпліцытна пазіцыяніруюць сему смаку; назоўнік печ намінаруе прадмет быту, які мае непасрэднае дачыненне да працэсу прыгатавання ежы і актуалізуе тэмпературную сему ‘гарачы’, прыметнік гнілы ўказвае на якасць прадукта).*

У многіх парэміях пазіцыяніруюцца вядучая роля мужчыны ў забеспячэнні матэрыяльнага дабрабыту сям’і, таму іменна сыну як будучаму гаспадару і прадаўжальніку сямейнага роду аддавалася перавага перад дочкамі. Параўнаем: *Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а толькі тры сыны – сын; Сын адзінака – ці хорт, ці сабака (хорт – паляўнічы сабака з доўгай вострай мордай, доўгімі тонкімі нагамі і гладкай поўсцю [8, т. 5, Кн. 2, с. 210]; Дочки аставяць матку без сарочки; Сын у дом грабе, а дачка ў людзі бярэ (перцэптыўная лексіка тактыльнасці прадстаўлена дзеясловамі руху грабе – бярэ).*

Пэўныя эмацыянальна-экспрэсіўныя намінацыі ўтвораны шляхам метафарычнага пераносу: *дзіця – раток, ядок; дзіця – панятка, наседак, кірпачка; дзіця – клопат, бяда, гора, ліха; дзіця – як яечка, як авечка, бы ягнята; дзіця – нягоднік, вырадак; дзіця – смурод і інш.* Таму мы раздзяляем думку В. К. Харчанка, што “перцэпцыя разглядаецца як разнавіднасць метафорыкі, і як спосаб (прыём) даследавання спецыфікі тых жа метафар, і як адносна самастойны фрагмент даследавання” [13, с. 16].

Такім чынам, у прыказках і прымаўках найменні дзяцей выражаны нейтральнымі родавымі паняццямі і вобразна-асацыятыўнымі лексічнымі адзінкамі. Семантыка ‘дзіцячае’ пазіцыяніруюцца ўсімі пяццю тыпамі адчуванняў і прадстаўлена адпаведнай перцэптыўнай лексікай. Экстэрацэптыўныя адчуванні вербальна рэпрэзентаваны пераважна ў метафарычнай форме, што тлумачыцца паэтыкай гэтых фальклорных жанраў. Перспектывай даследавання можа стаць выяўленне сэнсорыкі абазначэння працэсаў росту і сталення дзяцей у беларускіх прыказках і прымаўках.

ЛІТАРАТУРА

1. *Григорьева, О. Н.* Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах : учеб. пособие / О. Н. Григорьева. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 248 с.
2. *Поповичева, И. В.* Кластер-анализ лексической группы «Ребёнок» в русских народных говорах. / И. В. Поповичева // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 4. – С. 283–288.
3. *Дзядова, А. С.* Чалавек у лютэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 161 с.
4. *Іванова, С. Ф.* Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) : манаграфія / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск : Веды, 1998. – 112 с.
5. *Іванов, Е. Е.* Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.
6. *Іваноў, Я. Я.* Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты / Я. Я. Іваноў, Ю. А. Петрушэўская // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 1. – С. 75–79.
7. *Лепешаў, І. Я.* Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапаможнік / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2006. – 279 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
9. *Старычонок, В. Д.* Семантычная прастора дзеясловаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый) : манаграфія / В. Д. Старычонок. – Мінск : БДПУ, 2022. – 316 с.
10. *Коваль, В. И.* Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики : монография / В. И. Коваль ; М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.
11. *Марцынкевіч, В. І.* Канцэпт ‘дзіця’ ў беларускай парэміялогіі (паводле запісаў А. К. Сержпутоўскага) / В. І. Марцынкевіч // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2021. – Ч. 1. – С. 161–167.
12. *Лаенко, Л. В.* Перцептивный признак как объект номинации / Л. В. Лаенко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. – 2004. – № 2. – С. 71–77.
13. *Харченко, В. К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.

Поступила в редакцию 08.09.2023

Шукина Светлана Константиновна
соискатель аспирантуры
кафедра теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Белорусская государственная академия музыки
г. Минск, Беларусь

Svetlana Schukina
Degree-Seeking Applicant
of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University,
Associate Professor
of the Social Humanities Department
Belarusian State Academy of Music
Minsk, Belarus
schukina.minsk@gmail.com

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ВЕРБАЛЬНОЙ РЕМАРКИ
В ПИСЬМЕННОМ ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ ФОРТЕПИАННЫХ ПЬЕС
КЛОДА ДЕБЮССИ

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF VERBAL REMARKS
IN WRITTEN POLYCODE TEXT OF PIANO PIECES
BY CLAUDE DEBUSSY

Проанализирована эволюция вербальной ремарки в нотации музыкальных произведений в европейской музыке. Осуществлена попытка соотнесения семиотического и музыкального кодов. Рассмотрены семантико-прагматическая сущность и роль вербальной ремарки в интерпретации письменного музыкального поликодового текста на материале четырех фортепианных пьес Клода Дебюсси.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вербальная ремарка; интерпретация; музыкальный код; поликодовый текст; семантико-прагматическая сущность вербальной ремарки; фортепианные пьесы; Клод Дебюсси; языковой код.

The evolution of verbal remarks in the notation of musical works in European music is analyzed. An attempt is made to correlate semiotic linguistic and musical codes. The semantic-pragmatic essence and role of verbal remarks in the interpretation of a written polycode text of four piano pieces by Claude Debussy are considered.

Key words: verbal remark; interpretation, musical code; polycode text; semantic-pragmatic essence of verbal remark; piano pieces; Claude Debussy; language code.

Известно, что посредником между композитором и исполнителем музыки выступает, прежде всего, нотный текст, который представляет собой совокупность графических знаков (нот, ключей, указаний громкости и темпа, знаков аллитерации и т.д.) и правил их сочетания. Кроме того, важным источником информации о музыкальном произведении может стать разный по структуре и характеру авторский вербальный комментарий к музыкальной работе, который включает, помимо самого названия произведения,

вербальные ремарки, помещенные композитором непосредственно в нотный текст, а также вербальные тексты за его пределами, такие как посвящение, обращение к исполнителям, предисловие к партитурам и послесловие.

Таким образом, письменный текст музыкального произведения гетерогенен: он имеет сложную структуру, состоящую из неоднородных единиц разных семиотических кодов (музыкального и вербального), а тем самым является поликодовым.

В современной лингвистике исследование поликодовых текстов – одно из актуальных направлений. В целом количество семиотических кодов, которые могут одновременно вступать во взаимодействие, достаточно велико. В своем исследовании Ж. М. Юша пишет, что только в фольклорном обряде количество семиотических кодов, взаимодействующих с вербальным кодом более десяти: акциональный, временной, пространственный, персонажный, предметный, игровой, пищевой, числовой, цветовой, звуковой, музыкальный [1, с. 13]. Вместе с тем исследования поликодовых текстов ведутся преимущественно лишь на материале поликодовых текстов, требующих от индивида активизации одновременно двух разных каналов восприятия, чаще всего, зрения и слуха (кинотекстов, текстов телевидения, видеороликов, музыкальных клипов и т.д.). Взаимодействие же вербального и других семиотических кодов, воспринимаемых одним органом восприятия, в настоящее время остаются совершенно недостаточно изученными.

В этой связи главной целью данной работы стало выявление характера взаимодействия вербального и музыкального семиотических кодов в письменном музыкальном тексте, воспринимаемых только зрительным каналом.

Поставленная цель определяет следующие задачи:

- 1) рассмотреть сходства и различия вербального и музыкального семиотических кодов;
- 2) проследить эволюцию вербальной ремарки в европейской музыке от XVI века до наших дней;
- 3) определить семантико-прагматическую роль вербальной ремарки в письменном музыкальном произведении, а тем самым взаимодействие вербального и музыкального кодов.

В последнее время термин *код*, являясь одним из ключевых терминов для семиотики и теории коммуникации, широко используется в научной литературе, в том числе для описания специфики кода естественного языка и кода языка музыки.

В семиотике под кодом естественного языка понимается система и структура, которая включает знаковые и незнаковые единицы языка и правила их использования (Ф. де Соссюр, У. Эко, Р. О. Якобсон и др.). Данная система «включает единицы различных уровней языка: фонетического (звуки, интонация), морфологического (слова: корень, суффикс и др.), лексического (слова и их значения), синтаксического (предложения)» [2, с. 1812].

Музыкальный код – компонент музыкального текста, представляющий собой единицы и систему правил, с помощью которых организуется музыкальное произведение. «Код способствует установлению коммуникативных связей на основе определенных сообщений, посылаемых отправителем адресату» [3, с. 23], в нем выражены соотношения нормативной и специализированной информации, взаимосвязи смысла и значения [4, с. 16]. Музыкальный код включает единицы музыкального языка: мотив, интервал, музыкальная мысль, темп, фактуру, и помогает выявить основные единицы смысла, «цельные обороты» и «своеобразные клише» [3, с. 27].

Установление соотношения языковых и музыкальных кодов и знаков и сопоставление семиотических систем языка и музыки – дело весьма сложное. Не претендуя на глубину охвата сходства и различий между двумя знаковыми системами, мы попытаемся отметить некоторые характерные особенности обеих систем.

Знаковая природа языка выражается в том, что его единицы служат средством обозначения предметов, явлений окружающей действительности, мыслительных категорий и являются универсальным средством коммуникации. Созданный человеком язык музыки – вспомогательное средство общения для специальных коммуникативных целей. Система музыкальных знаков способна передавать ограниченную информацию для лиц, занимающихся музыкальной деятельностью.

Музыка, как и язык, может развиваться одновременно и последовательно, обнаруживая в данном аспекте определенную параллель с синтагматикой и парадигматикой языка. Вместе с тем в языке синтагматика (сочетаемость единиц в речи) и парадигматика (отношения противопоставления нескольких элементов в системе языка) подчиняются правилам грамматики и синтаксиса, а в музыке – гармонии (согласованию разнородных элементов: консонанс, диссонанс) и контрапункту (стилю написания музыки – переплетению двух и более мелодий), не имеющим эквивалентов в языке. Это свидетельствует о том, что у каждого кода свои коммуникативные возможности.

Сложность соотношений языковых и музыкальных знаков состоит также и в том, что, с одной стороны, в музыке, как и в языке, встречаются три типа знаков (по Ч. Пирсу): знаки-индексы, иконические знаки, знаки-символы. С другой стороны, если в языке основным типом являются знаки-символы, то в музыке главная роль принадлежит иконическим и индексальным знакам.

Единицы естественного языка, в частности его лексические единицы, обычно обладают предметно-логическим значением в качестве основного, наряду с эмоциональным, стилистическим и образным его видами. Музыкальные же знаки обычно лишены предметно-логического значения, но в высокой степени способны передавать эмоциональное, стилистическое и образные виды значения, так называемые ценностные значения.

В этой связи рассматриваемые два вида культурных кода уточняют друг друга, а вербальная ремарка гармонично дополняет текст письменного музыкального произведения, представленный музыкальным кодом.

Описывая семиотическую систему языка и музыки, лингвисты и музыковеды апеллируют к известной работе швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра «Course de linguistique générale» («Курс общей лингвистики», 1916), заложившего основы семиологии и структурной лингвистики. Например, специалисты в области этих двух семиотических кодов в равной степени обращаются к описанию сущности двухстороннего знака, разграничивают язык и речь и т. п., отмечая при этом особенности знаков в данных кодах культуры.

Так, если языковые знаки полностью произвольны, в них отсутствует естественная, природная связь между означаемым и означающим, даже в случае звукоподражательных слов, то в случае знака музыкального кода эта связь, оставаясь произвольной, гораздо сильнее, роль акустической формы знаков «неизмеримо возрастает, и их семантическое содержание оказывается специфической надстройкой, опирающейся... на естественные предпосылки, в том числе и на пространственно-временные свойства материи» [5, с. 102].

Вербальная коммуникация – это «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направленном адресату» [6, с. 156]. Общение осуществляется посредством использования в речи единиц языка, в том числе названий предметов и явлений. Музыкальная коммуникация также подразумевает аналогичные условия ее осуществления, однако язык музыки как вид невербальной коммуникации представлен не вербально, а музыкальными образами. Осуществление коммуникативной функции музыки невозможно вне учета особенностей музыкального языка – «исторически сложившейся системы выразительных средств и грамматических норм, когда средства музыкального языка, обладающие семантической и коммуникативной возможностями, объединяются ради выражения... новой музыкальной мысли» [7, с. 7].

Отмечается, что музыка оперирует материальными объектами – звуками, «отягощенными значением, только специальным» и в «репрезентации некой присущей ему функции» [8, с. 321]. Интересным и новаторским нам представляется подход А. Никольского к выявлению денотативной функции у музыкального знака посредством присущей ему эмоции на основании данных нейропсихологии. Эмоция рассматривается с точек зрения ее происхождения, структуры, независимости от национальной культуры, с позиций наличия в ней денотативных и коннотативных значений. В результате анализа сущности эмоции автор приходит к выводу о том, что эмоциональная коммуникация «посредством музыки идет тем же путем, что и посредством вербального языка» [9].

Таким образом, семиотика музыки и семиотика естественного языка имеют много общего, а отличаются, главным образом, типом знаков, характером единиц, используемых в данных культурных кодах, и очевидной недостаточностью понятийной определенности музыкальных знаков, что

обеспечивает их естественную гармонию со знаками вербальными, в том числе в письменном тексте музыкального произведения, включающего нотный текст и вербальный комментарий, в частности вербальную ремарку.

Рассмотрим кратко вопрос об истории использования вербальных ремарок в нотном тексте.

В Европе вербальные ремарки в нотном тексте¹ впервые зафиксированы в начале XVI века, а точнее, в 1517 г. в трактате о лютне итальянского музыканта Винченцо Капиролы (Vincenzo Capriola, 1474–1548). Именно в нем отмечены указания на прием исполнения, артикуляцию – *legato* ‘слитно’ и *non legato* ‘раздельно’, а также на динамический нюанс – *a tocca pian piano* ‘играть очень тихо’ [10, p. 303].

По-видимому, появлению вербального комментария в музыкальном произведении способствовали следующие факторы. В о - п е р в ы х, к этому времени произошла утрата синкретичности музыкального искусства и его отчуждение от таких естественных перцептивных комментариев, как жесты, танец, вербальное сопровождение, и других средств наглядной выразительности. Потребовались новые средства, дополняющие и интерпретирующие музыкальное произведение. В о - в т о р ы х, использованию и развитию вербального комментария способствовали также усовершенствование нотации и установление фиксированной длительности каждой ноты независимо от текста [11, с. 68], на который была написана музыка, а также осознание композитором своего сочинения как продукта индивидуального творчества произведением искусства, которое можно оставить потомкам [12, с. 7]. Роль вербальной ремарки в закреплении воли композитора в нотном тексте и воздействии на исполнителя возрастала.

Среди причин, способствующих появлению и развитию вербальных ремарок в нотном тексте, возможно, следует также назвать недостаточность лишь музыкальных средств в нотной записи для адекватного воплощения авторского замысла; влияние со стороны поэтов и писателей²; наличие у композитора литературных способностей³; тщательную проработку автором плана интерпретации музыкального произведения.

Музыкальные произведения европейских композиторов XVI–XVIII веков включают в себя различные виды вербальных ремарок, структура и характер которых эволюционировали вместе с эпохой: от немногочисленных

¹Сама линейная нотная запись, широко распространенная и хорошо знакомая нам, хотя и далеко не единственная в мире, имеет долгую историю, начиная от Древнего мира.

²Например, у Ф. Куперена лексика, использованная в вербальном комментарии его клавишных пьес, могла быть навеяна текстами литературных портретов французских писателей Жана де Лабрюйера и Жана де Лафонтена [13]. Вербальный комментарий двух симфоний Ф. Листа «был скорее похож на музыкальный комментарий литературных работ Гёте и Данте» [14, p. 262] и т.п.

³Связь между использованием множественных ремарок в нотации и литературными способностями наблюдается у многих композиторов, о чем свидетельствует их, подчас весьма изобильное, словесное творчество. Например, литературные работы Ф. Листа: «Письма бакалавра музыки», «Паганини», «Шопен», «Роберт Шуман», «Клара Шуман», «Письмо о дирижировании», «Летучий голландец», «Об “Орфее” Глюка», «О “Фиделио” Бетховена» и т.п.

однословных итальянских ремарок, характеризующих динамику и темп музыки (начало XVI в.) к многочисленным, зачастую многословным вербальным ремаркам на итальянском языке, указывающим на динамику, темп, а также ремаркам, достаточно детально определяющим характер исполнения музыки (XVII в.).

Кроме того, с переходом музыкознания с латыни на национальные языки, наряду с итальянскими ремарками, появились слова на немецком и французском языках, обозначавшие разнообразные эмоции в количестве, позволявшем объединять их в синонимические и тематические ряды слов, что вербально указывало, зачастую в рамках одного музыкального произведения, на меняющиеся душевные состояния человека. Последнее обстоятельство в эпоху барокко явилось также результатом воздействия музыкально-эстетической концепции «теория аффектов» (XVII–XVIII вв.), когда музыка служила выражением человеческих страстей, «аффектов», которые можно было назвать с помощью ремарки, уточняя и предлагая тем самым способ игры для исполнителя. Во второй половине XVIII в. в пределах одного произведения встречались ремарки уже разной частеречной принадлежности, на разных европейских языках, при этом возросло использование английских слов. В XVIII в. вербальные ремарки стали уже неотъемлемым атрибутом нотной записи, выражающим особенности определенной музыкальной эпохи и ее национально-культурные характеристики.

В конце XIX – начале XX в. использовались ремарки-метафоры на популярном в то время, особенно в мире культуры, французском языке. Начиная с середины XX века, в работах европейских постмодернистов наблюдаются обширные вербальные тексты-комментарии на английском и немецком языках, что связано с появлением музыкального перформанса (*musical performance*), объединявшего музыкальные и парамузыкальные элементы (например, графику). С распространением так называемой экспериментальной музыки (*experimental music*) значение вербального комментария (преимущественно на английском языке) возрастает, что свидетельствует об использовании композиторами новых стратегий, выходящих за пределы классической системы записи музыкального произведения и увеличивающих способы репрезентации различных аспектов музыки. Появляется понятие вербальной нотации (*verbal notation*) наряду с музыкальной¹. Таким образом, в тексте музыкального произведения мы наблюдаем постоянный рост значимости и разнообразия вербального кода.

Следующим этапом исследования стало выявление взаимодействия вербального и музыкального кодов на основе установления семантико-прагматической роли вербальной ремарки в семантико-тематическом пространстве письменного музыкального произведения.

¹Известна уникальная коллекция музыкальных работ в области экспериментальной музыки по вербальной нотации, охватывающая более 170 нотных материалов [15].

Прежде всего необходимо отметить, что в современной музыкальной нотации вербальные музыкальные ремарки могут быть представлены в виде двух групп: *узуальные* и *авторские*¹.

К *узуальным* вербальным ремаркам следует отнести такие лексические единицы, которые с частотой употребления утратили свое авторство. Эти ремарки, обладающие общепринятым среди музыкантов значением, вошли в различные словари как единицы языка, например: динамические указания: *forte, piano, crescendo, diminuendo, poco a poco* и т.п.; обозначение темпа: *adagio, presto, rubato* и т.п.; артикуляционные пояснения: *legato, staccato, martellato* и т.п.; указания, определяющие характер музыки: *affetuoso, grazioso, maestoso, risoluto* и т.п. В качестве *узуальных* ремарок могут использоваться их дериваты: *allegro* → *allegretto* → *allegroissimo*; *forte* → *fortissimo* и т.п. Ремарки данного вида могут быть также устойчивыми словосочетаниями: *piu piano, mezzo piano, piano pianissimo* и т.п.

Авторские ремарки, как правило, семантически преобразованы, в результате чего возникает художественный образ, например: *très parfumé* ‘очень парфюмированный’, *avec une passion naissante* ‘с зарождающейся страстью’, *avec une noble et joyeuse émotion* ‘с чувством благородным и радостным’, *avec une volupté de plus en plus extatique* ‘с нарастающим экстагическим опьянением’, *de plus en plus audacieux* ‘все с большей смелостью’, *de plus en plus large et puissant* ‘все шире и могущественней’ и т.п. (А. Н. Скрябин. «Поэма экстаза»). Подобные обозначения манеры игры в пределах определенного произведения передают способ художественного мышления именно данного автора и в аналогичных значениях обычно не употребляются другими композиторами. Это – единицы речи.

Рассмотрим более подробно характер взаимодействия вербальной ремарки и нотного текста на материале письменных произведений французского композитора Клода Дебюсси, музыкальное творчество которого, согласно исследователям (К. Нефф, Л. М. Кокорева, С. Яроцинский и др.), состоит из двух компонентов: музыки и слова.

Клод Дебюсси – ведущий представитель музыкального импрессионизма. Музыкальные образы его произведений опирались на тщательно прописанный музыкальный код, дополняемый поэтическими вербальными ремарками. В работе рассмотрены поликодовые тексты четырех произвольно отобранных фортепианных пьес Клода Дебюсси из цикла 24 миниатюрных музыкальных картин: «*Voiles*» («Паруса»), «*La fille aux cheveux de lin*» («Девушка с волосами цвета льна»), «*Les sons et les parfums tournant dans l’air*» («Звуки и ароматы реют в воздухе»), «*Des pas sur la neige*» («Шаги на снегу») [16].

Важно отметить, что употребленные Клодом Дебюсси слова обусловлены эстетической парадигмой импрессионизма и воздействуют на адресата соответствующими значениями. «Печать индивидуальной композиторской

¹ Специалисты музыкальных дисциплин называют все вербальные ремарки «авторскими», т.е. употребленными композитором, автором музыкального произведения.

манеры» Дебюсси и особенности его вербального комментария следует искать в интересе к психологическому подтексту: «непознаваемому», «невыразимому», «неуловимому», почерпнутому из творчества Стефана Малларме¹, а также его «барочности» в лексике и синтаксисе, позволяющим отдалить момент «кристаллизации смысла»; ему хотелось выразить «верленовскую неустойчивость, его содрогания, его порывы страсти, быстро сменяемые усталостью» [11, с. 86–88].

В плане структуры и значения вербальный комментарий фортепианных произведений Клод Дебюсси представляет собой сложную систему. Он состоит из традиционных знаков, аббревиатур и полных слов итальянских динамических и темповых указаний: *piu p* ‘более медленно’, *piu pp* ‘еще более медленно’, *pp* ‘тихо, тихо’, *f* ‘сильно’, *mf / metà forte* ‘наполовину сильно’, *p dim* ‘более ослабляя’, *cédez* ‘замедлить’, *serrez* ‘затягивать’; *modéré* ‘сдержанно’, *au mouvement* ‘в темпе’ и т.п.; указаний на орнаментальное украшение: *comme un très léger glissando* ‘как очень легкое глиссандо’ и т.п.; технических указаний: *m.d. – mano destra* ‘правая рука’. Отмечены также развернутые авторские вербальные ремарки, определяемые нами как стилистически окрашенные: *dans une rythm sans rigueur et caressant* ‘в ритме свободного движения, без строгости и нежно’, *murmuré et en retenant peu à peu* ‘шепотом, постепенно замедляя’, *p très doux* ‘более чем очень нежно’, *pp expressif* ‘гораздо более выразительно’, *toujours pp* ‘постоянно замедляя’, *très souple* ‘очень гибко’ и т.п.

Интересны и семантико-прагматические функции ремарок в пьесах Клода Дебюсси. В них особое место занимает начальная вербальная ремарка, символически определяющая значение всего произведения: *Dans une rythme sans rigueur et caressant* ‘в свободном движении, без строгости и нежно’ («Паруса»); *Très calm et doucement expressif* ‘очень спокойно, с нежной выразительностью’ («Девушка с волосами цвета льна»).

Ремарки, рассыпанные по всему нотному тексту, в совокупности раскрывают смысл названия сочинения. Так, вербальные ремарки музыкальной картины «Звуки и ароматы реют в воздухе» указывают на типы, виды и оттенки значений, выражающих движение, дрожание, перемещение, постоянное изменение характера и интенсивности звуков и ароматов на исходе дня: *modéré* ‘умеренно’, *harmonieux et souple* ‘гармонично и мягко’; *en animant un peu* ‘слегка оживляясь’; *en retenant* ‘сдерживая’; *égale et doux* ‘ровно и мягко’; *serrez un peu* ‘немного сжимая’; *retenu* ‘сдержанно’; *plus lent* ‘более медленно’; *cedez* ‘расслаблять, расслабленно, расслабляя’ и т.п. Для передачи порывов ветра в фрагменте произведения «Паруса», который по времени звучания занимает третью часть всей пьесы, автор использует ремарки: *cedez* ‘замедлять’, *serrez* ‘затягивать’, *en animant* ‘более оживленно’, *emporté* ‘с порывом, вспылчиво’, *très retenu* ‘сильно замедляя’ и т.п.

¹Стефан Малларме (1842–1898) – поэт и писатель, глава символистской школы во Франции.

Не менее интересной с точки зрения характера и функций вербальных ремарок Дебюсси представляется шестая прелюдия «Шаги на снегу». Данная музыкальная картина представляет пейзажный образ, зимнюю зарисовку природы, в то же время она исполнена психологического смысла. Из тишины, выраженной посредством аббревиатуры *pp* ‘*piano pianissimo*’, что у импрессионистов звучит тише, чем у других композиторов, и поддержанной вербальными ремарками *triste et lent* ‘грустно и медленно’, *expressive et douloureux* ‘выразительно и печально’, рождается музыка, оstinатный (упорный) ритм: повторение одной и той же ритмической фигуры (в данном случае на 3 такта), которая пронизывает пьесу от начала до конца и передает звуками «печальный и обледенелый пейзаж», а также и психологический смысл музыки, что и отражается в ремарке *Ce rythme doit avoir la valeur sonore d'un fond de paysage triste et glacé* ‘этот ритм должен передавать звуками пространство печального ледяного пейзажа’. Ремарка *En animent surtout dans l'expression* ‘оживляя, главным образом, движение’, относящаяся к темпу, служит словесным выражением подготовки к кульминации (появляется сложная гармония). Кульминация, отмеченная ремаркой *Comme un tendre et triste regret* ‘как нежное и грустное сожаление’, прерывает инерцию звука новым тактом, при этом возникает ощущение физической остановки движения. После кульминации трехтактный ритм возобновляется, а музыка сходит «на нет» и замирает. Вербально это выражается словами *plus lent* ‘более медленно’ и *très lent* ‘очень медленно’. Композитор использует соответствующий вербальный комментарий, считая целесообразным усилить восприятие музыки исполнителем, который затем передаст ее слушателю.

Расположив вербальные ремарки линейно в каждой из пьес, можно получить в свернутом виде последовательность образов, возникающих в воображении композитора и требующих музыкального воплощения. При этом автор широко использует и стилистические средства для создания образности, прежде всего метафоры. В художественном образе Дебюсси демонстрирует свое отношение к тому, что он изображает посредством музыки.

Следовательно, в целом вербальный комментарий в нотном тексте фортепианных пьес Клода Дебюсси призван раскрыть тему и идею художественного замысла композитора, а также выразить оценочные характеристики созданных им музыкальных образов.

На основании проанализированных письменных поликодовых текстов музыкальных произведений можно заключить следующее: если музыкальные знаки задают и фиксируют эмоции, диктуемые композитором, то вербальные ремарки, как узуальные, так и сугубо авторские, именуют их и, уточняя, служат более полному раскрытию содержания музыкального

произведения, его стиля, эмоциональной окраски и т.п. Они способствуют адекватному выражению творческого замысла композитора, его психологического настроения, впечатлений, чувств. Это бесценное руководство, несущее «печать индивидуальной композиторской манеры» [17, с. 9].

С помощью вербальной ремарки композитор, употребляя языковые средства, обусловленные видением достижения наилучшего результата поставленной им цели, демонстрирует свой выбор и свои предпочтения. Таким образом, музыкальная ремарка служит не только дополнительным средством музыкальной экспрессии, но и свидетельствует о творческом почерке автора.

Вербальная ремарка обращена, в первую очередь, к особому коммуникативному партнеру – к исполнителю, дирижеру, музыкальному критику и т.п. При этом у нее имеются особые функции, обусловленные коммуникативно-прагматическими целями такого вида коммуникации: предотвращение произвола в толковании музыки, воплощение адекватного понимания и исполнения произведения композитора.

Таким образом, определив сходства и различия музыкального и вербального семиотических кодов, проследив эволюцию вербальной ремарки с начала XVII в. до наших дней, а также основываясь на проведенном нами исследовании вербального комментария в виде ремарок в нотном тексте на материале ряда фортепианных пьес Клода Дебюсси, приходим к выводам.

1. Привлечение композитором вербального комментария в нотный текст своего произведения породило новый, поликодовый тип музыкального текста – сложную структуру, состоящую из гетерогенных единиц разных семиотических кодов: музыкального кода и кода естественного языка.

2. Различаясь по ряду показателей, два культурных кода (музыка и естественный язык) опираются на общие законы коммуникации, связаны принятым в семиотике понятием прагматической функции и гармонично дополняют друг друга.

3. Использование вербальных ремарок композиторами на протяжении периода с начала XVII в. до настоящего времени увеличило способы репрезентации различных аспектов музыки.

4. Вербальный комментарий Клода Дебюсси в виде ремарок в нотном тексте представляет собой сложную систему лексических единиц и порождаемых ими образов, является ключом к реконструкции и расширению смысла музыкального текста и представляет собой дискурсивную форму творческого выражения автора.

5. Вербальная ремарка вместе с нотным текстом находится в едином тематическом и смысловом пространстве музыкального произведения и позволяет более полно реализовать семантические и прагматические установки композитора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юша, Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в XXI веке: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ж. М. Юша ; ФГБУН «Ин-т филологии Сибир. отд-ния РАН». – М., 2018. – 42 с.
2. Таюпова, О. И. Языковой код в научно-популярном тексте / О. И. Таюпова // Вестн. Башкир. ун-та. – 2012. – Т. 17, № 4. – С. 1812–1815.
3. Саввина, Л. В. Звукоорганизация музыки XX века как объект семиотики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 17.00.02 / Л. В. Саввина ; Астрах. гос. консерватория (академия). – Саратов, 2009. – 42 с.
4. Юферова, О. А. Феномен кода в свете науки о музыке / О. А. Юферова // Вестн. муз. науки. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 16–26.
5. Назайкинский, Е. О психологии музыкального восприятия / Е. Назайкинский. – М. : Музыка, 1972. – 384 с.
6. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – М. : ИКАР, 2002. – 234 с.
7. Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В. В. Медушевский. – М. : Музыка, 1976. – 254 с.
8. Арановский, М. Г. Музыкальный текст: структура и свойства / М. Г. Арановский. – М. : Композитор, 1998. – 343 с.
9. Nikolsky, A. How Emotion Can be the Meaning of a Music Work (the English translation of the original publication in Spanish) / A. Nikolsky. – Режим доступа: researchgate.net/publication/291974302 pdf. – Дата доступа: 10.09.2023.
10. *Apel, W. Harvard Dictionary of Music* / W. Apel – 2nd ed., rev. and enl. – Cambridge (Mass), 1969. – 935 p.
11. Нефф, К. История западноевропейской музыки / К. Нефф. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Музгиз, 1938. – 304 с.
12. Корыхалова, Н. П. Интерпретация музыки: Теоретические проблемы музыкального исполнительства и критический анализ их разработки в современной буржуазной эстетике / Н. П. Корыхалова. – Л. : Музгиз, 1979. – 208 с.
13. Мильштейн, Я. Франсуа Куперен. Его время, творчество, трактат «Искусство игры на клавесине» [Электронный ресурс] / Я. Мильштейн. – Режим доступа: Classic-online.ru/uploads/000_books/300/209.pdf. – Дата доступа: 30.08.2023.
14. *Searle, H. Franz Liszt* / H. Searle // *The Symphony* : in 2 vol. – Penguin Books, 1966. – Vol. 1 : Haydn to Dvorák / ed. by R. Simpson. – P. 262–274.
15. *Lely, J. World Events: Perspectives on Verbal Notation* / J. Lely, J. Saunders. – Bloomsbury Academic, 2012. – 488 p.
16. Claude Debussy. *Préludes pour piano* / ed. par P. Solymos. – Budapest : Editio Musica, 1970. – 1-er livre : № 1–12. – 54 p.
17. Корыхалова, Н. П. Музыкально-исполнительские термины. Возникновение, развитие значений и их оттенки, использование в разных стилях / Н. П. Корыхалова. – СПб. : Композитор, 2002. – 272 с.

Поступила в редакцию 04.10.2023

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42:070(476) + 81'42:070(73)

Глазко Павел Петрович
кандидат филологических наук,
доцент, докторант кафедры
белорусского языка и литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Pavel Hlazko
PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of Belarussian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
pavel.hlazko@gmail.com

ПАРАМЕТРЫ МОДУСА ЭМОТИВНОСТИ В НОВЫХ МЕДИА США И БЕЛАРУСИ

PARAMETERS OF EMOTIVENESS IN THE NEW MEDIA OF THE USA AND BELARUS

Цель исследования – выявить перечень эмоций, наиболее часто выражаемых представителями англо- и русскоязычных субстанциональных медиа, установить закономерности их актуализации и комбинаторики. Научная новизна исследования заключается в сопоставительном ракурсе рассмотрения закономерностей актуализации эмоциональных состояний авторов медиатекстов в контексте возросшей значимости феномена субъективности. Количественные результаты анализа дают основания выделить как общие (сложная трехчастная структура), так и частные (превалирование контрастивной эмотивной структуры в англоязычных медиа и градиентной в новых медиа Беларуси) характеристики организации ядра модуса эмотивности в исследуемых медиакультурах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиадискурс; субстанциональные медиа; эмотивность; модус; семантическая категория; сопоставительная лингвистика.*

The aim of the study is to identify the list of emotions most frequently expressed by representatives of English (those of the USA) and Russian (those of Belarus) new media, to establish the regularities of their actualization and combinatorics. The scientific novelty of the study lies in the comparative perspective of considering the patterns of actualization of emotional states of the authors of media texts in the context of the increased importance of the phenomenon of subjectivity. The quantitative results of the analysis give grounds to identify both general (complex three-part structure) and specific (prevalence of the contrastive emotive structure in the media of the USA and the gradient structure in the new media of Belarus) characteristics of the organisation of the emotiveness modus in the media cultures under scrutiny.

Key words: *media discourse; new media; emotiveness; modus; semantic category; comparative linguistics.*

В контексте эмоционализации, или эмоционального поворота, в современном гуманитарном знании «с уверенностью можно говорить о том, что социальные действия и социальные структуры уже не рассматриваются без учета эмоционального измерения» [1, с. 105]. Авторы многочисленных науч-

ных публикаций, посвященных исследованию эмоциональной стороны жизни, сходятся во мнении относительно того, что эмоциональные переживания сопровождают человека всегда и везде, характеризуются сложной природой и трудно поддаются объективной идентификации и измерению. Более того, в последнее время все чаще можно слышать утверждения о том, что эмоциональную составляющую приобретают даже те типы дискурса, которым изначально это было не свойственно (например, дипломатический, экономический, юридический дискурс) [1; 2; 3]. В этом отношении медийный дискурс не является исключением, в первую очередь ввиду наметившегося перехода коммуникации в данной сфере «от аргументированных дебатов по актуальным проблемам – к более прямым заявлениям, часто основанным на различных формах эмоциональности» [3, р. 598].

В результате появления и распространения технологий Интернета медиапространство значительно расширилось за счет «новых» медиа, таких как блоги, социальные сети, подкасты, каналы и т.п. Как отмечает в своих работах М. Кастельс, Интернет – это «ключевая технология информационной эпохи. Он воплощает культуру свободы и личного творчества, будучи как источником новой экономики, так и общественного движения, базирующегося скорее на изменении человеческого сознания, чем на увеличении власти государства» [4, с. 8]. Следовательно, понятие медиапространства оказывается шире одних только СМИ и включает в себя как традиционные институализированные медиа (в бумажном или цифровом формате), так и новые субстанциональные медиа, основанные на трансляции личной точки зрения конкретных авторов в отношении тех или иных явлений и событий окружающей действительности [5]. В этой связи вполне закономерно предположить, что эмотивная составляющая субстанциональных медиа имеет особое значение для адекватного понимания их функционирования.

В рамках данной статьи, вслед за А. В. Куниным, мы будем понимать эмотивность как «эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [6, с. 153]. В методологическом плане в нашем исследовании эмотивность имеет статус модусной семантической категории, или модуса, поскольку в качестве категориального признака ее выделения выступает общая для целого множества лексических единиц семантическая функция, заключающаяся в выражении эмоционального состояния говорящего [7].

Цель исследования состоит в выявлении закономерностей актуализации категории эмотивности в дискурсе субстанциональных медиа США и Беларуси, а именно, в установлении перечня наиболее часто выражаемых авторами эмоций, особенностей их комбинаторики и значимости для медиадискурса на каждом из языков.

Материал исследования представлен 300 текстами (по 150 текстов на каждом языке), опубликованными разными авторами на их персональных сайтах (becomingminimalist.com, gretchenrubin.com, tracysnewyorklife.com,

tinybuddha.com, witanddelight.com, gnezdo.by, vasilissa.by и т.д.), а также в социальных медиа (Facebook и Instagram) за 2020–2023 годы. В ходе анализа словарных дефиниций, а также контекстуального и сопоставительного анализа было выделено 4786 эмотивных контекстов (завершенных по смыслу отрезков текста, в рамках которых описывается эмоциональное состояние автора в конкретной ситуации). Полученные результаты более детально представлены в таблице.

Компоненты модуса эмотивности в новых медиа США и Беларуси

Эмоция	Кол-во контекстов		Эмоция	Кол-во контекстов	
	Дискурс США	Дискурс Республики Беларусь		Дискурс США	Дискурс Республики Беларусь
бессилие	39	114	подавленность	182	109
беспокойство	93	67	радость	29	385
вина	132	15	страх	315	12
злость	168	213	стыд	207	38
наслаждение	91	13	счастье	274	62
несправедливость	12	135	тревога	323	41
обида	28	92	удовлетворенность	342	217
паника	115	9	умиротворение	381	163
печаль	109	32	усталость	152	11

Опираясь на информацию, представленную в таблице, можно заметить, что спектр наиболее частотных эмоций в англоязычном дискурсе шире, чем в дискурсе Беларуси. Данные наиболее частотные эмоции составляют ядро модуса эмотивности англо- и русскоязычного дискурса субстанциональных медиа. Вместе с тем внутри эмотивного ядра представляется возможным выделить три зоны. Первая зона является основой ядра и включает в себя те эмоции, которые встречались в наибольшем количестве контекстов, т.е. 300 и выше. Вторая зона представлена эмоциями, реализованными в промежутке от 200 до 300 контекстов. Третью зону образуют эмоции с пороговыми значениями от 90 до 200 контекстов. Таким образом, для обоих языков минимальным пороговым значением для вхождения в ядро модуса эмотивности является показатель в 90 контекстов. Эмоции, формирующие периферию исследуемого модуса, имеют показатель гораздо меньше 90:

в англоязычном дискурсе это 64 контекста и ниже, а в русскоязычном дискурсе Беларуси – 66 и ниже. Далее рассмотрим более подробно структуру ядра модуля эмотивности в дискурсе на обоих языках.

Исходя из количественных показателей, можно видеть, что основу ядра модуля эмотивности англоязычных субстанциональных медиа составляют эмоциональные состояния страха, тревоги, удовлетворения, умиротворения: *Through my job at that time as a journalist, I interviewed some of my favorite personal development authors of the time, in a bid to overcome the low feelings and **anxiety** that were ruining my life* ‘Работая журналистом, я взял интервью у некоторых из моих любимых авторов того времени по личностному развитию в попытках совладать с негативными эмоциями и **тревогой**, которые разрушали мою жизнь’ [TB1] (здесь и далее перевод наш. – П. Г.); *I was not allowing myself to emotionally recognize the true **danger** of the situation I was in. Why? Because I was **terrified**. **Terrified** my marriage would fall apart, **terrified** to tell my friends or family, **terrified** I would be looked at as the ‘poor victimized wife,’ and even more so, **terrified** to confront my husband for **fear** of what he might do* ‘Я не позволяла себе эмоционально осознать истинную **опасность** ситуации, в которой я оказалась. Почему? Потому что я пребывала **в ужасе**. **В ужасе** от того, что мой брак развалится; **в ужасе** от перспективы сообщить об этом друзьям или родственникам; **в ужасе** от того, что на меня будут смотреть как на «бедную жену-жертву», и, что еще хуже, **до смерти боялась** противостоять мужу, **опасаясь** его реакции’ [TB2]; *By tapping into a neglected sense, I discovered a new source of **comfort**...* ‘Обратившись к забытому чувству, я открыла для себя новый источник **комфорта**...’ [GR1].

Включая как положительные, так и негативные эмоции, данная зона является более разнообразной не только в количественном, но и в качественном отношении по сравнению с основой ядра белорусских медиа, которое включает одну эмоцию – радость: *Промежуточные результаты заставляют меня **ликовать*** [СЯ1]; *Только ведь ждали их [аистов] прилета, **радовались** первым как вестникам из рая, а совсем скоро они улетят зимовать* [ОД1].

Вторая зона ядра модуля эмотивности структурирована схожим образом как в англоязычных медиа США, так и в русскоязычных медиа Беларуси: она включает две разнополюсные эмоции – одну положительную и одну отрицательную. В англоязычном медиадискурсе таковыми являются стыд и счастье, а в русскоязычном медиадискурсе Беларуси – удовольствие и злость: *I pushed myself hard to get involved in activities – which ended up making me very **happy*** ‘Я изо всех сил старалась заставить себя участвовать в различных видах деятельности, что в итоге сделало меня очень **счастливой**’ [GR2]; *When I left my corporate job in search of a higher calling, I battled with **shame**. **Shame** for stepping off the beaten path, for making a controversial choice, and for not having a clear path in front of me* ‘Когда я оставил свою корпоративную работу в поисках высшего призвания, я боролся со **стыдом**. **Стыдом** за то, что сошел с проторенной дорожки,

за то, что сделал спорный выбор, и за то, что передо мной не было четкого пути' [ТВ3]; *Я не могла себе в тот момент сказать: «Мир добр и щедр ко мне, все к лучшему» – потому что на улице мороз, а я с тяжелыми клунками и уже **закипала*** [ОП1]; *Я разрешаю себе ошибаться, и местами это очень **приятно**, так я узнаю что-то новое. Но важно и то, что, выходя на сцену, я хочу получить **удовольствие*** [СЯ2].

Третья зона так же, как и вторая, характеризуется схожей структурой в дискурсе на двух языках: главным образом в нее входят негативные эмоции. Однако в англоязычных медиа спектр данных эмоций шире (вина, злость, паника, печаль, подавленность и усталость), а русскоязычных медиа Беларуси авторы наряду с бессилием, несправедливостью и подавленностью описывают также и собственное пребывание в состоянии благодарности: *I begin to feel **guilty** that I'm not getting enough done; like rest is a failure* 'Я начинаю испытывать **чувство вины** за то, что не успеваю сделать достаточно; как будто отдых – это провал' [ТВ4]; *I looked over myself, imagining, forecasting, **panicking*** 'Я оглядела себя, представляя, прогнозируя, **паникую**' [WD1]; *Я стала смотреть другие – тоже отличные картины, но и они были заняты. Я расстроилась. Думаю, это **несправедливо**, я так точно чувствую в них талант и красоту* [ОД2]; *Я проникаюсь **благодарностью** к людям, которые меня поддерживали, эмоционально и вполне конкретно, помогая решать нерешаемые вопросы и не падать духом слишком далеко и надолго* [АЯ].

Преимущественное большинство проанализированных контекстов (71,6 %) являются однородными с точки зрения выраженных в них эмоциональных состояний, а именно, в рамках одного контекста реализуется одна эмоция. 28,4 % контекстов отражают сложные эмоциональные состояния, основанные на одновременной реализации нескольких эмоций, например: *As a **bereaved** parent I struggled for a long time with believing that I had 'the right' to be **happy**. I struggled with reconciling **happy** moments in my life (with friends or my other children) with the deep **grief** I felt for losing Brandon* 'Будучи **скорбящим** родителем, я долгое время боролась с верой в то, что у меня есть «право» быть **счастливой**. Мне было трудно примирить **счастливые** моменты моей жизни (с друзьями или другими детьми) с глубоким **горем**, которое я испытывала из-за потери Брендона' [ТВ5]; ***Спасибо** за ответы, которые вы год назад оставили под предыдущим постом. **Тронуло** меня, много искренних слов. **Растопило сердце**. Хотелось бы чаще сюда писать, но не получается. Невидимая рука держит за горло. Чувствую себя **черствым, грубым, костным** – не тем человеком, которым бы я хотел быть* [РС1].

При этом в англо- и русскоязычных субстанциальных медиа сложные эмоциональные состояния обнаруживают определенные закономерности сочетания простых эмоций в рамках одного контекста, а именно: 1) сочетание полярных (положительных и негативных) эмоций в одном контексте; 2) сочетание нескольких разнородных эмоций, каждая из которых в конкрет-

ном контексте приобретает признак большей/меньшей интенсивности по сравнению с предыдущей. На основании этих закономерностей представляется возможным выделить два типа соответствующих эмотивных моделей: контрастивную и градиентную.

Вместе с тем в англоязычном медиадискурсе в большинстве случаев (63 % соответствующих контекстов) авторы демонстрируют тенденцию к описанию сложных эмоциональных состояний, основанному на использовании контрастивной модели: *I should feel **peppy and full of energy**, but I don't. I feel **lethargic and tired**, and most of all I feel **guilty** for it* 'Я должен чувствовать себя **бодрым и полным энергии**, но все совсем не так. Я чувствую себя **вялым и уставшим**, и больше всего я испытываю **чувство вины** за это' [LB1]. В приведенном примере бодрость и энергичность противопоставляются вялости, усталости и сопутствующему чувству вины.

37 % англоязычных контекстов, описывающих сложные эмоциональные состояния, структурированы в соответствии с градиентной моделью: *With no one to help me actually work through my feelings, I found myself stuffing down my **embarrassment and shame** until those emotions became a roaring **anger**. That anger would ultimately become disproportionately intense. However, with no place to go, it would **erupt** from me when I least expected it – often on my friends or my mom* 'Не имея никого, кто мог бы помочь мне справиться с моими чувствами, я стал подавлять в себе **смущение и стыд**, пока эти эмоции не переросли в **клокочущий гнев**. В конечном итоге этот **гнев** становился несоразмерно сильным. И за неимением иного выхода, он **вырывался** из меня тогда, когда я меньше всего этого ожидал, и часто обрушивался на моих друзей или маму'[LB2]. В данном примере автор описывает, как непроработанные смущение и стыд перерастали в гнев, а гнев приводил к эмоциональным срывам, и прочерчивает таким образом вектор интенсификации эмоций.

В русскоязычных субстанциональных медиа Беларуси можно наблюдать прямо противоположную картину. Преимущественное большинство проанализированных контекстов (74 %), содержащих описание сложных эмоциональных состояний авторов, характеризуются градиентной структурой. В следующем примере можно проследить линию *радость – удовлетворенность – отсутствие сожаления – перенасыщение (высшая степень удовлетворенности)*: *Я так **рада**, что все исполнила. И, кажется, это первое лето, когда я так **насытилась** им, что готова встречать осень и зиму **без слез** об утраченном лете. Пряма аж **устала** от мероприятий* [VL1].

Меньше трети русскоязычных контекстов (26 %) структурированы по контрастивной модели, как в следующем примере, где контрастными по значению являются такие чувства автора, как *горе, эйфория, радость и отчаяние*: *Для меня это был месяц **горевания** по былой беззаботной жизни. **Эйфория** от двух новых человек дома сменилась на **радость**, смешанную почти с **отчаянием*** [MD1].

Таким образом, анализ полученных результатов дает основания сделать следующие выводы.

1. Как в англоязычных субстанциональных медиа США, так и в русскоязычных новых медиа Беларуси ядро модуса эмотивности имеет сложную структуру и представлено тремя зонами, выделяемыми с опорой на показатель рекуррентности соответствующих эмоциональных состояний.

2. При описании простых эмоциональных состояний наиболее значимой эмоцией для новых медиа Беларуси является радость, в то время как в субстанциональных медиа США преобладают негативные и амбивалентные эмоции (страх, тревога, удивление). При этом по мере удаления от центральной части ядра (первой зоны) в обеих медиакультурах можно наблюдать смещение эмоционального фокуса в сторону негативных эмоций.

3. В случае описания авторами сложных эмоциональных состояний можно выделить некоторые тенденции комбинирования эмоций в рамках одного контекста, формирующие два типа эмотивных структур: контрастивную и градиентную. Однако если в англоязычных субстанциональных медиа наибольшей употребительностью характеризуется контрастивная структура, то в русскоязычных новых медиа Беларуси описания эмоциональных состояний авторов чаще структурируются по градиентной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Симонова, О. А.* Эмоциональный поворот в социологии: развитие теории и отдельных исследовательских областей / О. А. Симонова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. – 2016. – № 3. – С. 105–130.
2. *Куликова, О. В.* Эмотивность в дискурсе профессиональной коммуникации: лингводидактический аспект / О. В. Куликова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – № 3. – С. 106–120.
3. *Zappettini, F.* Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda / F. Zappettini, D. M. Ponton, T. V. Larina // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Vol. 25, iss. 3. – P. 586–610.
4. *Кастельс, М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
5. *Гавра, Д. П.* Публичная сфера: культурная и политическая традиция / Д. П. Гавра // PR-диалог. – 2000. – № 3(8). – С. 25–31.
6. *Кунин, А. В.* Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1996. – 488 с.
7. *Болдырев, Н. Н.* Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

TB1 – *James, M.* Why “Be Positive” isn’t the best advice when you’re down [Electronic resource] / M. James // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/be-positive-isnt-best-advice-youredown/?fromterm=5013>. – Date of access: 25.03.2022.

TB2 – *Bowman, J.* Go do: let go of the past and future and live in the present [Electronic resource] / J. Bowman // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/go-do-let-go-of-the-past-and-future-and-live-in-the-present/?fromterm=5030>. – Date of access: 12.04.2022.

GR1 – *Rubin, G.* What’s your neglected sense? [Electronic resource] / G. Rubin. – Mode of access: <https://gretchenrubin.com/articles/what-is-your-neglected-sense>. – Date of access: 16.03.2023.

СЯ1 – *Янгибаев, С.* Пошел второй месяц... [Электронный ресурс] / С. Янгибаев. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/CwP8V38NLh7/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ>. – Дата доступа: 18.08.2023.

ОД1 – *Демидюк, О.* В деревне сейчас... [Электронный ресурс] / О. Демидюк. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/Cu0zSU7tOu9/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ>. – Дата доступа: 02.05.2022.

GR2 – *Rubin, G.* How regret can make us happier [Electronic resource] / G. Rubin. – Mode of access: <https://gretchenrubin.com/articles/how-regret-can-make-us-happier>. – Date of access: 02.08.2023.

TB3 – *Stenvinkel, M.* A surprising way to let go of painful feelings and the past [Electronic resource] / M. Stenvinkel // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/surprising-way-let-go-painful-feelings-the-past/?fromterm=5030>. – Date of access: 12.04.2022.

ОП1 – *Примаченко, О.* Что делать, если... [Электронный ресурс] / О. Примаченко. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/CnKoaO5Lnek/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ>. – Дата доступа: 10.05.2022.

СЯ2 – *Янгибаев, С. Я.* Так впечатлился... [Электронный ресурс] / С. Я. Янгибаев. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/CqxFP0VtNZ/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ>. – Дата доступа: 10.06.2023.

TB4 – *Goodyear, M.* There’s more to life than work: goodbye hamster wheel, hello balance [Electronic resource] / M. Goodyear // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/more-to-life-than-work-goodbye-hamster-wheel-hello-balance/?fromterm=5316>. – Date of access: 02.07.2022.

WD1 – *Chaffee, B.* My complicated experience of trying but not trying to get pregnant [Electronic resource] / B. Chaffee // Wit and Delight. – Mode of access: <https://witanddelight.com/2022/08/trying-but-not-trying-to-get-pregnant>. – Date of access: 16.08.2022.

ОД2 – *Демидюк, О.* Как-то я увидела... [Электронный ресурс] / О. Демидюк. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/CaDOvkNIifPh/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ>. – Дата доступа: 10.06.2022.

АЯ – Янкелевич, А. Сегодня, 27 августа... [Электронный ресурс] / А. Янкелевич. – Режим доступа: https://www.instagram.com/p/CTFB4x_Immz/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ. – Дата доступа: 27.08.2022.

ТБ5 – Stephens, P. How to Move On: What It Really Means to Let Go [Electronic resource] / P. Stephens // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/how-to-move-on-from-the-past-what-it-really-means-to-let-go/?fromterm=5030>. – Date of access: 12.09.2022.

РС1 – Свечников, Р. Спасибо за ответ... [Электронный ресурс] / Р. Свечников. – Режим доступа: https://www.instagram.com/p/B8oj_G9nyEs/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ. – Дата доступа: 17.02.2022.

ЛБ1 – Bevacqui, L. Act in your best interest [Electronic resource] / L. Bevacqui. – Mode of access: <https://loubevacqui.com/2023/02/13/act-in-your-own-best-interest>. – Дата доступа: 07.01.2021.

ЛБ2 – Bevacqui, L. How boys learn to repress their feelings and how we can do better as men [Electronic resource] / L. Bevacqui // Tiny Buddha. – Mode of access: <https://tinybuddha.com/blog/how-boys-learn-to-repress-their-feelings-and-how-we-can-do-better-as-men/?fromterm=5013>. – Date of access: 02.06.2021.

VL1 – Латария, В. Этой зимой... [Электронный ресурс] / В. Латария. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/CwpKmqwoS1y/?igshid=NTc4MTIwNjQ2YQ>. – Дата доступа: 10.09.2023.

MD1 – Демидюк, М. Вчера исполнилось... [Электронный ресурс] / М. Демидюк. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/demidyuk/posts/pfbid02J6jbbnAKwnkQ5CGyRK9vdEnVxw7La63o7UyyFJTyfWj9LYjYNqRY2G8kC8kz6UEhl>. – Дата доступа: 16.09.2022.

Поступила в редакцию 27.09.2023

Дорофеенко Марина Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Maryna Darafeyenka

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of the Russian Language
Belarusian State University
Minsk, Belarus
mari008@mail.ru

СТРУКТУРА ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ
(на материале ономастических единиц Беларуси и Франции)

STRUCTURE OF INTERSETTLEMENT TOPONYMY
(by the Material of Onomastic Units of Belarus and France)

Статья посвящена сопоставительному изучению структуры урбанонимов и виконимов двух стран. Определены основные модели номинации во внутриселенческой топонимии Беларуси и Франции (одно-, двух- и трехкомпонентные). Установлены структурные разновидности каждой модели.

Ключевые слова: Беларусь; Франция; виконим; внутриселенческий топоним; урбаноним; однокомпонентная модель; двухкомпонентная модель; трехкомпонентная модель; структурная схема.

The article is devoted to a comparative study of the structure of urbanonyms and viconyms of two countries. The main models of nomination in the intrasettlement toponymy of Belarus and France (one-, two- and three-component) are determined. Structural variations of each model have been established.

Key words: Belarus; France; viconym; intrasettlement toponym; urbanonym; one-component model; two-component model; three-component model; structural scheme.

Внутриселенческие топонимы (урбанонимы – внутригородские названия и виконимы – внутрисельские номинации) состоят из двух компонентов: апеллятивного (обозначения типа объекта, расположенного в населенном пункте) и проприального (имени собственного).

Организация структуры внутриселенческой топонимии каждой лингвокультуры индивидуальна и обусловлена видами внутриселенческих объектов, изучение которых позволит определить как национально-специфические, так и типологически сходные черты упорядочивания их системы. Данный факт определяет и актуальность проведенного нами исследования, цель которого – установление типологического и национально-культурного в структуре белорусской и французской внутриселенческой топонимии. Материалом исследования послужили урбанонимы городов Витебска и Полоцка Беларуси; Реймса и Шалон-ан-Шампань, Франции; виконимы Полоцкого района Витебской области Беларуси и Реймского округа департамента Марна Большого восточного региона Франции.

В исследовании применялись сопоставительный, полевой и описательный методы анализа фактического материала совместно с приемами систематизации, наблюдения, обобщения, интерпретации и количественной обработки ономастических единиц с целью характеристики анализируемых языковых явлений в неродственных языках и установления общего и различного в их составе.

В настоящее время существуют публикации, в которых исследуются номенклатурные термины (НТ). В большей степени данные единицы анализировались в рамках ономастических традиций одной страны (НТ в составе белорусских урбанонимов и виконимов изучены профессором А. М. Мезенко [1]; в структуре названий российских внутригородских объектов – Н. Ю. Забелиным [2], Р. В. Разумовым [3], А. Н. Соловьёвым [4], Юе Цюй [5] и другими учеными; в составе французских номинаций – Е. А. Сизовой [6]). При этом исследования структуры внутрипоселенческой топонимии практически отсутствуют, а сопоставительное изучение структуры внутрипоселенческой топонимии нескольких стран пока не проводилось, что подтверждает новизну настоящего исследования.

Апеллятивный компонент внутрипоселенческого топонима имеет несколько терминологических обозначений, одно из которых чаще встречается в русскоязычной ономастической литературе: *номенклатурный термин* (А. М. Мезенко [1; 7], Е. А. Сизова [6], М. М. Масальская [8], Юе Цюй [5]). Понятие *номенклатура* отражено в двух изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. Так, в первом издании дается следующее определение номенклатуры: «1) Список, совокупность номенов. 2) Список, совокупность названий объектов, регистрируемых и изучаемых данной отраслью знаний. Пр.: н. родства, н. товаров, н. органических соединений, н. ботаническая» [9, с. 91]; во втором издании предложена следующая расшифровка данной дефиниции: «совокупность специальных названий объектов, употребляемых в данной научной области, в данной области знаний. Пр.: н. родства, н. товаров, н. органических соединений, н. ботаническая, н. грамматическая» [10, с. 87]. Резюмируя, подчеркнем, что во внутрипоселенческой топонимии номенклатурными терминами называют имена нарицательные (апеллятивы), определяющие категорию объекта, названного собственным именем (в нашем случае урбанонимом и виконимом).

Во франкоязычной ономастической литературе данное явление получает обозначение *terme générique* [11; 12], под которым понимается «термин, который относится ко всей категории или роду, а не к конкретному человеку. Этот термин может обозначать как мужчин, так и женщин, как личность или людей. Это может быть также обозначение коллектива...» [12]. Полагаем, что данное сочетание в отношении к лингвистике может быть переведено как

родовой термин; родовое наименование; общий термин; общее понятие; обобщающее название. НТ исследуются в компаративном аспекте в работах Е. А. Сизовой [6], М. М. Масальской [10], Юе Цюй [5] и др. Так, Е. А. Сизова, осуществляя лингвокультурологический анализ урбанонимов на материале английского, русского и французского языков, изучает и географические термины в урбанонимии Лондона, Москвы, Парижа [6]. М. М. Масальская рассматривает систему урбанонимов трех славянских столиц: Москвы, Софии и Варшавы. По ее данным, «основным номенклатурным термином, функционирующим в городском пространстве трех славянских столиц, является “улица”: 50,37 % – в Москве, 95,42 % – в Софии, 95,93 % – в Варшаве» [10, с. 195]. Юе Цюй, изучая на материале московских годонимов теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом, анализирует и номенклатурные термины как межъязыковую проблему, проводит некоторые русско-китайские параллели [5].

Структура урбанонимии

Урбанонимия Беларуси и Франции включает однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные модели наименований.

Однокомпонентные модели представлены урбанонимами, не дублирующими названия линейных объектов. Это так называемые неповторяющиеся наименования. Данные модели составляют ядро как белорусской, так и французской урбанонимной системы – 88,3 % и 92,8 % соответственно. В урбанонимии Беларуси (УБ) эти модели сформированы девятью типами объектов, из которых наиболее многочисленны **улица** (*ул. Витьба* – г. Витебск, *Земляничная ул.* – г. Полоцк; 72,9 %) и **переулок** (*Загородный пер.* – г. Полоцк, *Фруктовый пер.* – г. Витебск; 25,4 %). Урбанонимия Франции (УФ) включает наименования 24 типов объектов, из которых больше всего следующих НТ: **rue** ‘улица’ (*rue de l’Université* – Реймс, *rue de Wittenberg* – Шалон-ан-Шампань; 70,3 %), **allée** ‘аллея’ (*allée Albert Einstein* – Реймс, *allée de Forêts* – Шалон-ан-Шампань; 9,5 %) и **place** ‘площадь’ (*place Maurice Prevost* – Реймс, *place du Marché Aux Fleurs* – Шалон-ан-Шампань; 5,2 %).

Двухкомпонентные модели состоят из двух урбанонимов, различающихся номенклатурными терминами при общей проприальной части, и формируют околядерное пространство (УБ – 10,5 %; УФ – 6,5 %). В рамках данных моделей можно выделить схемы, задействованные в каждой номинативной системе. Так, в УБ их шесть, при этом наиболее продуктивны схемы **улица – переулок** (*ул. Якуба Коласа – пер. Якуба Коласа* – Витебск; 62,6 %), **улица – проезд** (*Мазуринская ул. – Мазуринский пр-д* – Витебск, *ул. Янки Купалы – пр-д Янки Купалы* – Полоцк; 18,2 %) и **улица – площадь** (*ул. Ленина – пл. Ленина* – Витебск; 11,5 %). В УФ таких схем в четыре раза больше, однако большинство их непродуктивно, за исключением следующих:

- **rue – place** ‘улица – площадь’ (*rue du Nord – place du Nord* – Реймс, *rue d’Orléans – place d’Orléans* – Шалон-ан-Шампань; 10,1 %);
- **rue – passage** ‘улица – проезд’ (*rue d’Italie – passage d’Italie* – Реймс; 8,7 %);
- **rue – chemin** ‘улица – путь’ (*rue de la Cerisaie – chemin de la Cerisaie* – Реймс; 7,2 %).

Трехкомпонентные модели состоят из трех урбанонимов, различающихся номенклатурными терминами при общей проприальной части, и формируют периферийное пространство (УБ – 1,3 %; УФ – 0,7 %). В УБ можно выделить четыре схемы, из них только одна встречается дважды: **переулок – проезд – улица** (*пер. Короленко – пр-д Короленко – ул. Короленко* – Полоцк). В УФ зафиксированы четыре непродуктивные схемы, из которых самая частая следующая: **allée – avenue – passage** ‘аллея – проспект – проезд’: *allée Alexandre de Serbie – avenue Alexandre de Serbie – passage Alexandre de Serbie* – Реймс.

Структура виконимии

Виконимия Беларуси и Франции включает однокомпонентные и двухкомпонентные модели наименований.

Однокомпонентные модели представлены виконимами, не дублирующими названия линейных объектов. Данные модели составляют ядро как белорусской (ВБ), так и французской виконимной системы (ВФ) – 88,3 % и 94,5 % соответственно. В ВБ эти модели сформированы двумя типами объектов – улица (*Криничная ул. – д. Дрозды¹, Озёрная ул. – д. Белое*; 89,6 %) и переулок (*Лесной пер. – д. Семенец, Луговой пер. – д. Труды*; 10,4 %). ВФ состоит из наименований семи типов объектов, из которых наиболее многочисленны следующие: **rue** ‘улица’ (*rue de la Fontaine* – д. Антене, *rue de la Mairie* – д. Сен-Леонар; 73,9 %), **allée** ‘аллея’ (*allée des Acacias* – д. Шамфлёрри, *allée du Moulin* – д. Бургонь-Френ; 5,9 %), **place** ‘площадь’ (*place de l’Église* – д. Труа-Пюи, *place Jean Durand* – д. Прюне; 5,4 %).

Двухкомпонентные модели включают виконимы, различающиеся номенклатурными терминами при общей проприальной части, и формируют околядерное пространство (ВБ – 10,5 %; ВФ – 5,5 %).

В ВБ можно выделить только одну схему, которая является продуктивной: **улица – переулок** (*Молодёжная ул. – Молодёжный пер. – д. Дретунь, Полевая ул. – Полевой пер. – д. Бельчица*; 26 пар названий). В ВФ задействовано семь схем, из них наиболее продуктивны следующие:

¹ Здесь и далее – примеры, приведенные для белорусской виконимии, зарегистрированы в населенных пунктах Полоцкого района Витебской области Беларуси, для французской – в населенных пунктах Реймского округа департамента Марна Большого восточного региона Франции.

- *rue – route* ‘улица – путь’ (*ruede Luxembourg – route du Luxembourg* – д. Серне-ле-Реймс, *rue de Betheny – route de Betheny* – д. Серне-ле-Реймс; 4 пары названий);
- *rue – impasse* ‘улица – тупик’ (*rue Haute – impasse Haute* – д. Монбре, *rue des Seigneurs – impasse des Seigneurs* – д. Бен-Норуа; 3 пары названий).

Таким образом, сопоставительный анализ структуры внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции позволил обнаружить следующие типологические сходства: а) аналогичное строение поля внутрипоселенческой топонимии: ядро урбанонимной и виконимной систем составляют однокомпонентные модели, околядерное пространство – двухкомпонентные; б) функционирование в данных национальных топонимных системах одно-, двух- и трехкомпонентных моделей в урбанонимии и одно- и двухкомпонентных моделей в виконимии; в) преобладание одно- и двухкомпонентных моделей в урбанонимии и однокомпонентных моделей в виконимии двух стран; г) немногочисленность двухкомпонентных моделей в виконимии.

Национально-культурная специфика системы внутрипоселенческой топонимии обнаруживается в следующем: а) несовпадающее количество номенклатурных терминов, входящих в состав однокомпонентных моделей; б) неодинаковое количество двух- и трехкомпонентных моделей в урбанонимии и двухкомпонентных моделей в виконимии. Модели и схемы, согласно которым формируются системы наименований улиц Беларуси и Франции, в целом отражают типологическое сходство внутрипоселенческих объектов этих населенных пунктов, но доля их участия в национальных топонимических системах не совпадает. Расхождение в их количестве обусловлено разным подходом к членению топонимного пространства в белорусской и французской лингвокультуре, т. е. на состав городских номенклатурных терминов оказывают влияние прежде всего национальные и местные традиции их употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манаграфія : у 2 ч. / М-ва адукацыі РБ, Віцеб. дзярж. ун-т імя П. М. Машэрава, каф. агульнага і рус. мовазнаўства ; Беларус. рэсп. фонд фундамент. даследаванняў. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2008. – Ч. 1. – 363 с. ; Ч. 2. – 254 с.
2. Забелин, Н. Ю. Переулок, площадь, бульвар... – улицы / Н. Ю. Забелин // Рус. речь. – 2007. – № 2. – С. 98–100.
3. Разумов, Р. В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов / Р. В. Разумов // Вопр. ономастики. – 2010. – № 2 (9). – С. 95–100.

4. Соловьёв, А. Н. Урбанонимические термины и урбанонимы в словаре В. И. Даля / А. Н. Соловьёв // *Вопр. ономастики*. – 2011. – № 1 (10). – С. 107–113.
5. Юе Цюй. Теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом (на материале московских годонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Юе Цюй ; ФГБУН Ин-т языкозн. РАН. – М., 2021. – 21 с.
6. Сизова, Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Сизова ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2004. – 19 с.
7. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
8. Масальская, М. М. Номенклатурные термины объектов городского пространства на примере Москвы, Софии и Варшавы / М. М. Масальская // *Славянский мир: общность и многообразие : тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры* ; отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. – М., 2020. – С. 194–197.
9. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 199 с.
10. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
11. Rue, avenue, boulevard et autres odonymes / Travaux publics et services gouvernementaux Canada [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2guides/guides/clefsfp/index-eng.html?lang=eng&lettr=indx_catlog_r&page=9j2ZgwGLyIDo.html. – Дата доступа: 01.08.2023.
12. Travaux publics et services gouvernementaux Canada / Termes génériques et tournures neutres [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.btb.termiumplus.gc.ca/redac-chap?lang=fra&lettr=chapsect9&info0=9.1.3>. – Дата доступа: 01.08.2023.

Поступила в редакцию 11.09.2023

Петракова Юлия Игоревна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Julia Petrakova

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
juliapetrakova0887@gmail.com

Чигак Анастасия Андреевна

выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anastasiya Chyhak

graduate student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ckagichen@mail.ru

**СРЕДСТВА ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТРАХА
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

MEANS OF LEXICAL REPRESENTATION OF FEAR IN GERMAN

В статье рассматривается структурно-семантическая организация тематической группы «Страх» в современном немецком языке. Определена категориальная принадлежность наименований страха и выявлена ведущая роль субстантивной и адъективной лексики для тематической группы. Семантическая классификация наименований страха демонстрирует широкий диапазон оттенков исследуемой эмоции. Среди способов пополнения данного семантического объединения наиболее широко используется словообразование.

Ключевые слова: эмотивность; номинация; словообразование; семантическая деривация; фразеологизм.

The article deals with structural and semantic organization of the thematic group “Fear” in modern German. The categorical types of fear names are researched and the leading role of substantives and adjectives is revealed. The semantic classification of fear names demonstrates a wide range of nuances of the emotion under research. Among the ways of naming for this semantic cluster, the most important role is performed by word-formation.

Key words: emotivity; naming process; word-formation; semantic transfer; phraseologism.

Эмоции и переживания, обеспечивая чувственное взаимодействие субъекта с окружающим миром, предстают как неотъемлемая часть познавательной деятельности и опыта человека. Определяя эмоции как психический феномен, следует отметить их сложность и многоаспектность: эмоции могут варьировать по интенсивности, глубине, модальности и другим показателям, что отражено в соответствующих классификациях [1; 2; 3]. Интерес к означиванию и языковой репрезентации эмоциональных состояний подготовил почву для возникновения нового направления в лингвистике – эмотиологии,

в русле которой выполнены исследования Ф. Данеша, В. И. Шаховского, Д. А. Романова и др. По мнению В. И. Шаховского, формирование знаний об эмоциях протекает «линейно, постепенно, на основе личностного, видового (социального) опыта и биологической памяти» и включает, с одной стороны, базовые знания, общие для всех коммуникантов (знания-рецепторы в терминологии В. И. Шаховского) [4, с. 25]. С другой стороны, структура «эмоционального» знания также охватывает индивидуальные для носителей языка элементы. Слово, используемое для наименования или выражения чувств и эмоций, выступает таким образом «кодированным хранителем всех лингвистических и экстралингвистических знаний Homo sentiens» [4, с. 26].

При исследовании семантики слов, связанных с чувственными переживаниями, следует разграничивать «лексику эмоций» и «эмоциональную лексику» [5, с. 11]. Первая группа наименований состоит из слов, предметно-логическое значение которых составляют понятия о собственно эмоциях (*радость, ужас*). К эмоциональной лексике относятся слова, «содержащие чувственный фон» [5, с. 12; 6, с. 315–316]. Данные объединения слов различаются и своей функциональной нагрузкой: лексика эмоций служит для именования душевных переживаний, а эмоциональная лексика выполняет прежде всего экспрессивную и прагматическую функции [6, с. 318].

Страх, как известно, представляет собой одну из базовых эмоций и, по мнению К. Э. Изарда, «является отрицательным эмоциональным состоянием, появляющимся при получении информации о возможной угрозе жизненному благополучию, о реальной или воображаемой опасности» [2, с. 219]. Лингвистический анализ единиц, используемых для номинации страха в немецком языке, позволил выявить ряд интересных особенностей, связанных с категориальной принадлежностью, семантическими и словообразовательными характеристиками указанных наименований.

Источниками языкового материала послужили идеографический словарь немецкого языка «Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen» [7], а также фразеологический словарь «Duden – Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik» [8]. Общий объем исследуемого языкового материала составил 186 единиц. Первичный анализ выборки демонстрирует высокую степень неоднородности тематической группы «Страх»: ее конститuenty представлены единицами с различными морфологическими, словообразовательными, семантическими и стилистическими характеристиками.

На первом этапе исследования корпус номинаций был разделен на 134 однословные лексемы и 51 фразеологизм. Анализ частеречной принадлежности однословных единиц свидетельствует о нетождественности элементов опыта, связанных с переживанием страха. Так, несмотря на преимущественное осмысление данного эмоционального состояния сквозь призму предметности, в корпусе наименований присутствуют также глаголы и прилагательные (таблица).

Частеречная принадлежность номинаций в тематической группе «Страх»

№ п/п	Часть речи	Наименования страха
1	имена существительные	<i>die Aufregung</i> ‘волнение, беспокойство’, <i>die Bangigkeit</i> ‘тревога, страх’, <i>der Schock</i> ‘шок’
2	имена прилагательные	<i>kleinlaut</i> ‘робкий, застенчивый’, <i>unheimlich</i> ‘страшный, жуткий’, <i>vorsichtig</i> ‘осторожный’
3	глаголы	<i>erstarren</i> ‘застыть’, <i>scheuchen</i> ‘спугнуть’, <i>schlottern</i> ‘дрожать, трястись от страха’

На основе анализа частеречной принадлежности однословных номинаций страха было установлено, что такие части речи, как существительное и прилагательное, представлены в относительно равной степени (36,57 % и 35,07 % от общего количества однословных наименований соответственно), в то время как номинация страха посредством глагола осуществляется несколько реже (28,36 % единиц). Полученные данные позволяют предположить, что именуемый субъект дифференцирует страх прежде всего с точки зрения предметного и признакового аспектов. Процессуальность имеет, по-видимому, меньшую значимость при «ословливании» данного эмоционального состояния, однако играет большую роль при порождении фразеологизмов: *den Mut verlieren* ‘терять мужество’, *kalte Füße bekommen / kriegen* ‘струсить’, *Reißaus nehmen* ‘дать деру’ и др.

Задачей следующего этапа исследования стала семантическая классификация языковых единиц, используемых для номинации страха. В основу классификации положена шкала, предложенная в работах Д. А. Романова [3] и Н. В. Кирилловой [9]. На основе данных толковых словарей немецкого языка «Duden» [10], «Duden – Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik» [8] и цифровой словарной системы DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) [11] был проведен компонентный анализ дефиниций исследуемых лексических единиц. Следует отметить, что номинации могут иметь несколько значений и передавать таким образом те или иные оттенки страха: *fürchten* ‘1. vor jemandem, etwas **Angst** haben; Unangenehmes ahnen, befürchten; 2. **Furcht** empfinden, Angst haben; 3. sich jemandes, einer Sache wegen **Sorgen** machen’ – ‘1. **бояться, страшиться** неприятностей, **опасаться**; 2. испытывать **страх, ужас**;

3. **беспокоиться, переживать**. В таком случае лексико-семантические варианты одной и той же единицы, называя разные эмоциональные переживания, могут входить в несколько семантических объединений.

В результате исследования было установлено, что ономаσιологический диапазон исследуемых наименований достаточно широк и охватывает восемь разрядов.

Первый разряд исследуемых наименований обозначает **робость, неуверенность**: *die Schüchternheit* ‘робость, застенчивость’: ‘die Eigenschaft einer Person, sich gegenüber anderen **verlegen** und **distanziert** zu verhalten’ – ‘сдержанное и **застенчивое** поведение человека’; *zaghaft* ‘робкий, боязливый’: ‘in ängstlicher, **unsicherer** Weise **zögernd**’ – ‘медлить из-за боязни, **неуверенности**’; *zögern* ‘медлить’: ‘mit einer Handlung oder Entscheidung **unschlüssig** warten’ – ‘**не решаться** принять решение или совершить действие’.

Второй разряд номинаций представлен единицами, называемыми **беспокойство, волнение**: *die Sorge* ‘беспокойство’: ‘bedrückendes Gefühl der **Unruhe** und **Angst**’ – ‘тягостное чувство беспокойства и страха’; *verstört* ‘в смятении’: ‘**völlig verwirrt**’ – ‘быть в полном замешательстве, **недоумении**’; *beunruhigen* ‘беспокоить’: ‘in **Unruhe**, **Sorge** versetzen’ – ‘приводить в состояние **волнения, беспокойства**’; *bange Ahnung* ‘дурное предчувствие’ – ‘ein schlechtes **Vorgefühl**’.

Третья группа единиц связана с такой чертой характера, как **боязливость, недоверчивость**: *der Hasenfuß* ‘трус’: ‘**überängstlicher**, schnell **zurückweichender**, Entscheidungen lieber aus dem Weg gehender Mensch’ – ‘**боязливый** человек, предпочитающий **избегать** принятия решений’; *misstrauisch* ‘**недоверчивый, подозрительный**’ – ‘voller **Misstrauen**, **argwöhnisch**’; *befürchten* ‘опасаться’: ‘(etwas **Unangenehmes**, was vielleicht eintreten könnte) aufgrund bestimmter Anzeichen oder intuitiv **erwarten**, kommen sehen’ – ‘**ожидать** возможных **неприятностей** (интуитивно или при определенных признаках)’; *Gespenster sehen* ‘повсюду видеть опасность’: ‘**sich** etwas **einbilden**; unbegründet **Angst** haben’ – ‘**вообразить** себя в опасности, испытывать необоснованный страх’.

Четвертый разряд включает наименования, обозначающие **опасение, тревогу**: *das Bedenken* ‘опасение’: ‘aufgrund von vorhandenen **Zweifeln**, **Befürchtungen** oder Vorbehalten angestellte Überlegung, die es ratsam erscheinen lässt, mit der Zustimmung noch zu **zögern** oder den Plan o. Ä. neu zu durchdenken’ – ‘**сомнения, опасения** или предубеждения, при которых человек считает целесообразным переосмыслить решение, план и т.д.’; *bedächtig* ‘осторожный, **осмотрительный**’ – ‘sorgfältig, **umsichtig**’; *alarmieren* ‘тревожить, **беспокоить**’ – ‘**beunruhigen**’; *jmdm. nicht geheuer sein* ‘быть не по себе’: ‘jemandem **unheimlich**, **verdächtig** sein, **Misstrauen** hervorrufen’ – ‘состояние, при котором человек испытывает **тревогу**, **подозрения, недоверие**’.

Следующая степень страха квалифицируется как **испуг** и представлена в корпусе номинаций пятого разряда такими единицами, как: *die Gänsehaut* ‘мурашки по коже’: ‘durch Kältereiz oder durch psychische Faktoren (**Schreck, Angst, Ergriffenheit**) bewirkte Veränderung des Aussehens der Haut, auf der die Haarbälge hervortreten und die Haare sich aufrichten’ – ‘состояние кожи, вызванное холодом или психическими причинами (**испугом, страхом, потрясением**), которое сопровождается подъемом волосков на теле и набуханием кожи вокруг них’; *verängstigt* ‘запуганный’ – ‘in **Angst** versetzt, von Angst erfüllt’; *einschüchtern* ‘запугать’: ‘jemandem **Angst machen** und ihm dadurch den Mut zu etwas nehmen’ – ‘внушить **страх** и лишить тем самым храбрости’; *kalte Füße bekommen / kriegen* ‘испугаться, струсить’: ‘ein Vorhaben aufgeben, weil man Bedenken, **Angst bekommen hat**’ – ‘отказаться от прежних намерений из-за опасений или **страха**’.

Наименования более интенсивных переживаний страха формируют шестой разряд и обозначают **панику, шок**: *die Panik* ‘паника’: ‘durch eine **plötzliche Bedrohung**, Gefahr hervorgerufene **übermächtige** Angst, die das Denken **lähmt** und zu kopflosen Reaktionen führt’ – ‘**сильнейший** страх, который вызван **внезапной угрозой** или опасностью, **парализует** мышление и приводит к необдуманным реакциям’; *erstarren* ‘окаменеть’: ‘plötzlich (starr vor **Schreck**) in einer bestimmten Haltung bleiben’ – ‘внезапно застыть от **ужаса**’; *wie vom Blitz getroffen / gerührt* ‘как громом пораженный’: ‘**schockiert**, unangenehm überrascht werden’ – ‘быть **шокированным**, неприятно удивленным’.

Номинации собственно **страха**, без каких-либо дополнительных оттенков, также формируют отдельную, седьмую группу: *die Angst* ‘страх’: ‘mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand [angesichts einer Gefahr]; undeutliches **Gefühl des Bedrohtseins**’ – ‘психическое состояние. возникающее вследствие опасности и сопровождающееся подавленностью, печалью, тревожностью; неясное **чувство угрозы**’; *sich ängstigen* ‘бояться’ – ‘(vor jemandem, etwas / um jemanden, etwas) **Angst haben**’; *jmdm. sitzt die Angst im Nacken* ‘от страха дрожат колени’: ‘jmd. hat große **Angst**’ – ‘испытывать сильный страх’.

Завершают семантическую классификацию наименования восьмого разряда, обозначающие **ужас, кошмар**: *der Horror* ‘ужас’: ‘**schreckerfüllter** Zustand, in den jemand durch etwas gerät’ – ‘состояние, при котором человека переполняет **ужас**’; *gräulich* ‘чудовищный’: ‘mit **Abscheu** und Widerwillen verbundene **Furcht** erregend’ – ‘вызывающий **ужас**, смешанный с отвращением и омерзением; *entsetzen* ‘приводить в ужас’: ‘jmdn. in fassungslosen, **großen Schrecken**, empörtes Staunen versetzen’ – ‘повергнуть в состояние изумления, глубокого **ужаса**, возмущения’; *zu Tode erschrecken* ‘напугать до смерти’: ‘heftig **erschrecken**’ – ‘сильно напугать, ужаснуть’.

Анализируя выделенные разряды с позиции их наполняемости лексическими единицами, можно сделать вывод о явном доминировании наименований собственно **страха**: данное семантическое объединение представлено наибольшим количеством конstituентов (21,3 % от общего количества наименований). Многочисленность подобных наименований объясняется, по-видимому, интегральным характером семы 'страх' / 'Angst', присутствующей в большом количестве дефиниций, ср.: *fürchten* '1. vor jdm., etw. **Angst** haben; Unangenehmes ahnen, befürchten; 2. Furcht empfinden, **Angst** haben' – '1. испытывать **страх**; опасаться, **бояться** неприятностей; 2. испытывать **страх**, ужас'; *leichenblass* 'in höchstem Grade blass (besonders durch Schreck, **Angst** o. Ä.)' – 'белый как полотно (особенно от **страха**, ужаса и т.п.)' и др.

Что касается остальных разрядов, то следует отметить, что сильные переживания страха демонстрируют более широкую представленность в исследуемом корпусе номинаций немецкого языка. Так, наименования, обозначающие ужас, панику и тревогу (соответственно 14,6 %, 12,9 % и 12,2 % от общего количества единиц), преобладают над номинациями робости и боязливости (8,4 % и 5,2 % единиц соответственно). По-видимому, интенсивность переживаемого состояния до определенной степени влияет на потребность человека в его именовании.

Обращает на себя внимание и тот факт, что с возрастанием интенсивности переживания увеличивается и количество фразеологизмов в каждом из исследуемых разрядов, ср. полное отсутствие ФЕ для номинации робости и неуверенности и максимальное количество ФЕ в группах наименований, обозначающих собственно страх, а также ужас и кошмар (23 % и 19 % от общего количества единиц в разрядах соответственно). Очевидно, что нарастание эмоционального переживания порождает потребность в более экспрессивных и образных номинациях: *Blut und Wasser schwitzen* 'испытывать сильный страх (досл.: вспотеть до крови)', *jmdm. ist / wird himmelangst* 'здорово испугаться (досл.: испугаться до неба)', *jmdm. rutscht / fällt / sinkt das Herz in die Hose[n]* '(разг.) душа ушла в пятки' и др.

Следующий шаг исследования заключался в определении способов образования лексических единиц, обозначающих страх. Согласно полученным данным, среди однословных наименований страха преобладают словообразовательные производные (68,55 % от общего количества номинаций): *abschrecken* 'отпугивать', *die Besorgnis* 'беспокойство', *einschüchtern* 'запугивать', *kleinmütig* 'робкий' и др. Обращает на себя внимание тот факт, что вершинами словообразовательных гнезд в большинстве случаев становятся морфемы, значение которых связано непосредственно с эмоцией страха, а не с ее проявлениями: *angst-* 'страх-', *schreck-* 'ужас-', *furcht-* 'ужас', *scheu-* 'роб(к)-', *schücht-* 'боя(зл)-'. Можно утверждать, что данные производящие основы формируют своеобразный стержень исследуемой тематической группы, поскольку служат базой для образования более 70 % производных наименований страха.

Непроизводные единицы составляют лишь около трети исследуемых однословных номинаций: *der Bammel* '(разг.) страх', *schauern* 'дрожать', *scheuen* 'робеть' и др. Семантическая деривация (1) и заимствование (2) как способы номинации представлены в корпусе однословных наименований страха в наименьшей степени (7,9 % и 2,4 % от общего количества единиц соответственно): 1) *beben* '1. задрожать > 2. дрожать вследствие сильного волнения, холода, жара и др. > 3. очень сильно бояться'; *versteinern* '1. Превратиться в камень или стать очень твердым > 2. замереть, стать неподвижным от ужаса' и др.; 2) *der Horror* 'ужас', *die Panik* 'паника', *die Phobie* 'фобия', *der Schock* 'шок' и др. Большинство составных наименований, доля которых в исследуемом корпусе составляет 21,8 % единиц, представлено фразеологизмами: *den Mut sinken lassen* 'падать духом', *jmdm. sitzt die Angst im Nacken* 'кого-либо преследует страх', *mit Zittern und Zagen* 'со страхом и трепетом' и др.

Таким образом, анализ тематической группы «Страх» в немецком языке демонстрирует высокую степень неоднородности ее конститuentов с точки зрения частеречных, семантических и структурных характеристик. Наибольшее количество единиц относится к субстантивной и адъективной лексике, называющей чувства в отвлечении от их носителя, а также обозначающей психические свойства и эмоциональные состояния человека. Наименования, представленные глаголами и фразеологизмами и именующие отдельные фазы душевных переживаний, а также их внешние проявления принадлежат периферии данной тематической группы.

В результате исследования был выявлен широкий ономаσιологический диапазон исследуемых единиц, включающий восемь семантических разрядов от обозначений робости и неуверенности до наименований ужаса. При этом установлена прямая зависимость количества наименований от интенсивности переживаемой эмоции: чем выше ощущение угрозы и опасности, тем богаче палитра наименований, используемых именующим субъектом. Анализ структурно-семантических характеристик наименований страха демонстрирует преобладание мотивированной, производной лексики над немотивированными, первообразными единицами. Среди способов номинации в исследуемой тематической группе немецкого языка ведущая роль принадлежит словообразованию, в то время как менее значимыми для порождения наименований страха являются фразеологическая номинация, семантическая деривация и заимствование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лук, А. Н. Эмоции и личность / А. Н. Лук. – М. : Знание, 1982. – 176 с.
2. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2006. – 464 с.
3. Романов, Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функциониро-

- вание и системы исследований : На материале русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Д. А. Романов ; Белгор. гос. ун-т. – Белгород, 2004. – 496 л.
4. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
5. *Бабенко, Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182 с.
6. *Гурская, Л. Н.* Лексические средства номинации эмоций во французском языке / Л. Н. Гурская // Преподаватель XXI век. – 2020. – №2. – С. 313–326.
7. Dornseiff [Electronic resource] : der dt. Wortschatz nach Sachgruppen. – Berlin : W. de Gruyter, 2004. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).
8. Duden – Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / L. Neuhaus [et al.]. – 5. Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2020. – 928 S.
9. *Кириллова, Н. В.* Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках : на материале русского, английского и чувашского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. В. Кириллова ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2007. – 213 л.
10. Duden [Electronic resource] : das große Wörterbuch der dt. Sprache. – Berlin : W. de Gruyter, 2012. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).
11. Das Digitale Wörterbuch der Deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Electronic resource]. – Berlin–Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, 2003. – Mode of access : <http://www.dwds.de/woerterbuch>. – Date of access : 08.05.2022.

Поступила в редакцию 18.09.2023

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'271

Сидоревич-Стахнова Ольга

Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,

заведующий кафедрой

романо-германских языков

международной профессиональной

деятельности

Белорусский государственный

университет

г. Минск, Беларусь

Olga Sidarevich-Stakhnova

PhD in Philology, Associate Professor,

Chair of the Department

of Romanic and Germanic Languages

for International Professional Activities

Belarusian State University

Minsk, Belarus

stakhnova@bsu.by

ЭКОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ, ЭТИКА, КООПЕРАЦИЯ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

ECOLOGY OF COMMUNICATION, ETHICS, COOPERATION. TO THE PROBLEM STATEMENT

Цель статьи заключается в обосновании нового направления в лингвистике – экологии общения. Проблема гармоничного межличностного взаимодействия адресанта и адресата, а также адресанта со средой представляется актуальной, особенно в условиях цифровой революции, которая привела к нарушению норм и принципов общения, отдалению людей друг от друга и в конечном счете к тому, что навыки общения лицом к лицу стали ослабевать.

В ходе анализа были выявлены точки соприкосновения экологии общения, этики и кооперативной коммуникации, установлена их однонаправленность. Обоснована правомерность рассмотрения следующих аспектов этого направления: бережное отношение к партнеру по общению, забота о собственном комфортном существовании.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коммуникация; гармоничное взаимодействие; направленность на адресата; этика; кооперативное общение; экология общения.

The purpose of the article is to substantiate a new direction in linguistics – the ecology of communication. The problem of harmonious interpersonal interaction between the addresser and the addressee, as well as the addresser with the environment, seems relevant, especially in the context of the digital revolution, which has led to a violation of the norms and principles of communication, alienation of people from each other and, finally, to the fact that face-to-face communication skills have become weaken.

During the analysis, common points between the ecology of communication, ethics and cooperativeness of communication were found out, and their unidirectionality was established. The following aspects could be studied within this direction: caring attitude towards a communication partner, concern for one's own comfortable existence.

К e y w o r d s : communication; harmonious interaction; focus on the addressee; ethics; cooperative communication; ecology of communication.

Вопросы, связанные с различными аспектами коммуникации привлекают внимание представителей разных лингвистических направлений.

Коммуникация – процесс многогранный и многоаспектный, поэтому сложно говорить о едином, всеобъемлющем, а главное общепринятом определении этого понятия даже в рамках лингвистики. Как отмечает Дж. Слэк, «нет единой абсолютной сущности коммуникации, должным образом объясняющей явления, которые мы изучаем» [1, р. 223].

В русскоязычной исследовательской литературе наряду с термином *коммуникация* встречается термин *общение*, который используется в качестве его синонима. В терминологических справочниках между понятиями коммуникации и общения часто не проводится разграничения. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» *коммуникация* определяется как «о б щ е - н и е, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.» (разрядка наша. – О. С.-С.) [2, с. 233]. Как отмечают авторы «Введения в теорию коммуникации» Т. В. Поплавская и Т. А. Сысоева, «значения этих слов совпадают, разница лишь в славянском или латинском происхождении» [3, с. 8].

В данной работе мы исходим из того, что «коммуникация – это деятельность, осуществляемая в определенной ситуации (контексте), предполагающая обратную связь и имеющая этическое измерение. В ней участвуют один или более человек. В ходе коммуникации отправляются и получают закодированные сообщения, достигающие определенного эффекта» [4, с. 6].

Любой адресант, вступая в коммуникацию, преследует определенную цель. Эта цель может быть выражена эксплицитно или вуалироваться. Если цель удачно достигнута, то принято говорить об эффективной коммуникации. Искусство коммуникации заключается не только и не столько в достижении поставленной цели, но и в установлении отношений между адресантом и адресатом, т.е. в такой организации взаимодействия, которая была бы комфортной для всех сторон. Возникает вопрос: всегда ли эффективная коммуникация является синонимом гармоничного для всех ее участников типа взаимодействия? Из первого вытекает второй вопрос: почему важно не только достичь результата (поставленной цели), но и установить положительные взаимоотношения с собеседником? Прежде чем ответить на эти вопросы, приведем пример, найденный на просторах Интернета. Студент, проживающий в одной комнате общежития с товарищем, описывает следующую ситуацию: *Знаете, иногда бывает тесновато, раньше сильно нервничал из-за этого... Сейчас все изменилось. При помощи речевых стратегий и якорей я своим приятелем достаточно эффективно управляю, получаю результат. Спать ложимся, когда мне надо, если ко мне приходят в гости, я его элегантно выпроваживаю... Только вот, кажется, его от общения со мной начинает немного «колбасить»* (<https://lektsii.org/1-97952.html>). Из приведенного примера видно, что говорящий достигает поставленной цели, т.е. общение эффективно, но, как отмечает сам адресант, такое взаимодействие едва ли можно назвать комфортным для адресата.

Адресат представляет собой не объект, на который говорящий призван воздействовать, не инструмент для достижения цели, а Человека со своими интересами и помыслами. Коммуникация предполагает установление отношений между ее участниками. «Это процесс, связанный с отношениями не только потому, что она происходит между двумя и более людьми, но и потому, что она влияет на природу связей между этими людьми» [5, с. 39]. Глубокая и осознанная ориентация на адресата в процессе общения, учет его психологических, социальных, социокультурных, физиологических параметров способствуют установлению гармоничных отношений. Как отмечает Х. Ортега-и-Гассет, «дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одичание – процесс разобщения» [6]. Разобщение в свою очередь ведет к деградации и распаду общества.

Подход к коммуникации, используемый адресантом, может быть *догматическим, объективистским* или *кооперативным* [4, с. 175].

При догматическом подходе общение строится с позиций авторитета, власти и социального статуса. Защищенным, по существу, оказывается социальное лицо адресанта, установка на партнера по общению минимальна или вовсе отсутствует. Говорящий принимает на себя роль инициатора и лидера в диалоге, оказывает влияние на суждения и выбор, на восприятие, понимание, чувства и, в конечном счете, оценку адресатом какого-то конкретного события. Собеседник же оказывается в более пассивной, подчиненной позиции. Личность собеседника в некоторой степени игнорируется, хотя формально поведение говорящего может и не нарушать требований благожелательности.

Объективистский подход предполагает учет лишь объективных факторов. Адресант исходит из существования объективно верных действий. При таком подходе термины, понятия имеют единственно возможное толкование в рамках той концепции, которой придерживается адресант. Личность адресата, возможность интерпретации фактов в рамках других концепций фактически игнорируется, хотя внешние проявления корректного поведения адресанта могут сохраняться.

При кооперативном подходе говорящий ориентируется на интересы партнера по общению, стремится обеспечить психологический комфорт собеседнику, создать благоприятные условия для общения, учесть интересы партнера. В общем виде это означает, что адресант взаимодействует на условиях адресата, заботясь о комфорте партнера по общению.

Представляется, что достичь поставленной цели в той или иной степени адресант может при любом подходе, но максимально продуктивной, комфортной коммуникация будет при ориентации на адресата, которая реализуется в кооперативном подходе. Такой вид общения ведет к взаимопониманию и, следовательно, к достижению поставленных целей эффективнее, в выигрыше оказываются обе стороны. На важное место кооперативного подхода указывал У. Матурана, который сравнивал общение с танцем.

Танец – это не борьба партнеров, не конкуренция, а взаимное согласование совместных движений [7]. «Жизнь насаждается на планете не с помощью борьбы, а через сотрудничество» [8, с. 280].

Коммуникация затрагивает область этической ответственности. В основе этических отношений лежат моральные ценности и нормы, которые вырабатываются в пределах определенной культуры в конкретный исторический период, их соблюдение обеспечивает стабильность в обществе. Общность, единство между людьми не порождаются самим порядком вещей, поэтому и возникла необходимость в морали, т.е. в некоторой системе ценностей и социальных механизмов, отвечающих тем потребностям индивида, которые в первобытную эпоху удовлетворялись благодаря родовым связям [9]. Моральные ценности (добро, любовь, долг, верность, справедливость и т.д.) являются проявлением общественного начала в человеке и служат объединению людей. Этические нормы есть результат осмысления коммуникативной практики людей, они представляют собой систему правил конкретного общества, которые регулируют речевое взаимодействие, направлены на подавление индивидуального произвола и оберегают мир в обществе. Через симпатию, солидарность, родство душ, заботу, любовь осуществляется единение человека с другими людьми. По существу этическое измерение коммуникации составляет основу цивилизованного общества. Как отмечает Дж. Оделл, «A society without ethics is a society doomed to extinction. < ... > Without ethical principles it would be impossible for human beings to live in harmony and without fear, despair, hopelessness, anxiety, apprehension, and uncertainty» [10, p. 30] ‘Общество без этики – это общество, обреченное на вымирание. < ... > Без этических принципов люди не могли бы жить в гармонии и без страха, отчаяния, безнадежности, тревоги, опасений и неуверенности’ (здесь и далее перевод наш. – О. С.-С.).

Коммуникация должна осуществляться на платформе фундаментальных моральных ценностей, по отношению к которым коммуникация выступает главной сферой приложения. К числу общих установок, находящихся реализацию в этике коммуникации, относится золотое правило нравственности (поступать по отношению к другим следует так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе) и идея любви к ближнему. Существуют частные требования, которые предъявляются к конкретному типу коммуникации. Так, например, к этическим принципам научного общения относятся прежде всего демонстрация уважительного, доброжелательного отношения к партнеру по общению, которая проявляется в отсутствии плагиата, обоснованности научных результатов, ссылке на все используемые источники, благодарности рецензентам и экспертам, отсутствии подтасовки (фальсификации) данных, подготовленности выступления (доклада) и т.п. Требования предъявляются и к интернет-коммуникации. Речь идет, например, о терпимости, которая выражается в запрете на неэтичное подавление высказываний других, даже в том случае, когда эти высказывания напрямую оскорбляют взгляды и веру адресанта. Запрет на распространение высказываний, изобра-

жений или мнений других без их согласия. Этические требования, предъявляемые в сфере медицины – это сострадание и сопереживание пациенту со стороны врача, подача медицинской информации в доступной форме, компетентность, развитие профессиональных навыков. В деловом общении важна пунктуальность, конфиденциальность, внимательность, доброжелательность, грамотность.

Во всех этих частных требованиях прослеживается идея, связанная в конечном счете с ориентацией на адресата, на его нужды, запросы, характеристики. В этом смысле этика коммуникации находится в перекличке с кооперативным подходом, который, как показано выше, обеспечивает наибольшую степень эффективности коммуникации и способствует построению гармоничных отношений между общающимися.

В последние десятилетия общение претерпело существенные изменения. Это связано с широким распространением нового, компьютерно-опосредованного типа взаимодействия. Благодаря появлению и доступности Интернета мир стал удивительно интерактивным. Возникло множество новых способов коммуницировать как друг с другом, так и с большой аудиторией. Чаты, форумы, социальные сети, мессенджеры – лишь небольшая часть средств взаимодействия, которые предоставляет Глобальная сеть. Технический прогресс произвел «настоящую революцию в общении» [11]. Эти изменения имеют как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, современные технологии сделали общение более доступным, удобным, придали ему мобильность и динамичность. С другой стороны, постоянная доступность связи порой становится источником стресса, отвлекает людей от настоящего момента. Виртуальное общение стало преобладать над реальным, в результате чего навык живого общения постепенно угасает.

При непосредственном общении используются многочисленные сенсорные способности слуха, зрения, обоняния, осязания. Они задействованы одновременно, что обеспечивает полноту восприятия. Значение имеет тон голоса, межличностная дистанция, жесты и т.п. Опосредованная технологиями коммуникация лишается этой полноты, так как задействованным оказывается ограниченное количество органов чувств. «Непосредственная коммуникация обеспечивает богатое разнообразие систем вербальных и невербальных знаков, которые могут передавать тонкие оттенки эмоций и даже двойные значения. А ограниченная пропускная способность компьютерно-опосредованной коммуникации делает ее довольно скудной, пригодной для ведения повседневных дел, но не для налаживания социальных отношений» [5, с. 212]. Т. В. Черниговская в своей лекции «XXI век как испытание человечества», говоря об опасностях цифрового мира, подчеркивает важность сохранения человечности. Именно человеческие вещи, по ее мнению, позволят нам не превратиться в машину. А в лекции «Мы и наши дети» отмечает, что никакой искусственный интеллект и самые совершенные программы никогда не заменят живого человека. Она обращает внимание на то, что важнее живого человеческого общения нет ничего.

Технологии предоставляют возможность избирательной самопрезентации. Люди могут писать о своих лучших качествах, мыслях и поступках и скрывать недостатки или примерить на себя ту роль, которую они не выполняют в реальной жизни. Компьютерно-опосредованная коммуникация гарантирует определенную долю анонимности, которая, с одной стороны, позволяет общаться более уверенно, не беспокоясь о том, как сказанное будет воспринято окружающими. С другой стороны, ведет к чрезмерной свободе, граничащей с вседозволенностью, когда агрессивное, асоциальное поведение, несоблюдение этических норм остается безнаказанным. Результатом является использование флейминга – враждебной коммуникации, направленной на критику адресата, которая создает токсичный климат для развития отношений в Сети. Приведем пример:

id45202517229 : канада нищее унылое г**но

Kirien8431:

@id452025172, Ахахахах, ну расскажи нам это. Я с 2009 года тут живу. Идеальная страна. А унылое г**но это ты (<https://www.iphones.ru/iNotes/user-posts/v-kanade-dazhe-dostavshchiki-edu-s-iphone-14-pro-max-a-ya-net-i-vot-pochemu-07-28-2023>).

Опасность заключается в том, что такая форма сетевого общения может перейти в общение реальное, у человека формируются устойчивые модели нарушения коммуникации, теряется способность соотносить себя с окружающими, свои слова с реакцией на них других людей.

Таким образом, нравственные последствия проникновения технологий в сферу общения скорее антигуманистические, они ведут к снижению навыков общения в реальной жизни. Разрыв между этическими предписаниями и реальной жизнью увеличивается. Нравственность, как было показано выше, напрямую связана с сохранением общества и его нормальным функционированием.

Реакцией на дегуманизацию общения стало введение в обиход в психологии термина *экологии общения* [12; 13; 14; 15]. Начал развиваться подход, в фокусе которого находится комфортное психологическое состояние адресанта и адресата, достигнутое путем построения такого общения, в основе которого лежит уважение к себе и собеседнику.

Полагаем, что экологический подход к общению правомерно транспонировать на лингвистику и изучить в его рамках конкретные языковые и речевые способы и средства, обеспечивающие сохранение психологического здоровья человека.

Термин *экология* был предложен Э. Геккелем. Это наука о взаимоотношении организмов между собой и окружающей средой. Можно предположить таким образом, что в рамках экологии общения правомерно рассматривать бережное, уважительное, внимательное отношение человека к человеку и / или человека к окружающей среде и самому себе. При этом окружающая среда понимается не только как биологические условия существования, но и условия социального существования. Можно утверждать, что

основу экологии общения составляют моральные ценности и этические нормы, о которых шла речь ранее и которые направлены на заботу об адресате, на представление о том, что другой человек – личность со своими желаниями, интересами, чувствами. Но экология общения не сводится к ориентации на адресата. Межличностное взаимодействие очень многогранно, поэтому забота о комфорте партнера по общению неразрывно связана с заботой о соблюдении (защите) собственных границ. Здоровое или экологичное общение характеризуется равновесием между соблюдением собственных интересов и интересов адресата, это общение, которое дарит ощущение радости и спокойствия всем его участникам. Неэкологичное, нездоровое обусловлено нарушением равновесия. Приведем пример:

Есть у меня подруга... Очень любит все свои проблемы мне рассказывать. Нет, не для того, чтобы посоветоваться или поплакаться, а для того, чтоб можно было слить свой поток негатива в свободные уши. И так всегда: как только встретимся с ней – начинается монолог как все плохо и ужасно. Сейчас у нее в жизни очень плохой и сложный период. Мне ее жаль. Но опять – каждый день я слышу ее жалобы, она даже не слушает то, что я ей советую – просто говорит, говорит, говорит. У меня от нее уже глаз дергается: (Везде достает – смс, соцсети, звонки, встречи. Очень за нее переживаю, но не знаю, как сказать, что не могу больше слушать ее монологи. Есть еще нюанс – когда мне хреново, она пропускает мои просьбы моральной поддержки мимо ушей, но, когда ей – я должна молча слушать только ее. Мне ее очень жаль как несчастную девушку, но я уже устала. Такое ощущение, что она у меня энергию произвольно ворует (<https://www.woman.ru/relations/friends/thread/4388243/>)).

Автор сообщения, основываясь на принципе альтруизма, строит общение этично, но неэкологично по отношению к себе. Такое общение создает дискомфорт для адресанта. Экология – это не только забота о Другом, но и отстаивание своих собственных границ.

Другой аспект этой проблемы – соблюдение границ партнера. Например, стремление оказать помощь человеку соответствует этическим принципам, но если собеседник в помощи не нуждается, то такое стремление неэкологично.

Мы с подругой дружим несколько лет. Проблема в том, что у нее вдруг появилась манера говорить, что мне НАДО делать: что есть, куда ходить, с кем общаться.

Недавно, например, я упомянула, что у меня болит спина, она стала советовать какие-то упражнения, скакалку, я поблагодарила и пояснила, что у меня сложный сколиоз, больной позвоночник на многое реагирует не так, как здоровый, например, прыжки нельзя, поэтому раз болит, буду обследоваться и консультироваться с врачом. Она настаивает: «Ну и что? у меня тоже есть искривление, а я прыгаю через скакалку. Ну вот у моего брата остеохондроз и ему прописали то и это (ничего, что это совсем другое заболевание?)».

Словом, как меня покорило, что она так со мной разговаривает как с маленькой, ничего не понимая в вопросе (<https://www.woman.ru/psycho/friendship/thread/4731367/>).

Из примера видно, что собеседник нарушает границы партнера по общению, превознося себя над ним. Такое общение этично с точки зрения дающего совет, но едва ли его можно считать экологичным, так как собеседник, которому дают совет, испытывает явный дискомфорт.

Кратко принцип экологичности можно сформулировать следующим образом: «Адресанту и адресату в процессе общения должно быть в равной степени комфортно».

Экология общения имеет отношение не только к созданию общекомфортных условий взаимодействия адресанта и адресата. Это понятие расширяется за счет создания комфортной среды обитания, когда на адресата не обрушивается то, что ему непонятно или неприятно. В современном языковом пейзаже города, подверженном влиянию англосаксонской и европейской культуры, нередко можно встретить названия организаций сферы обслуживания на иностранном, преимущественно английском языке. Но, во-первых, сами называтели не всегда грамотно и уместно употребляют то или иное слово. «Мужчин приглашает постричься *Barbershop* или «Барбершоп» – кому что нравится. Есть и вариант *Cut Barbershop*, что бессмысленно и непереводимо, но, очевидно, неплохо звучит по мнению назывателей» [16, с. 218–219]. Во-вторых, далеко не все городские жители владеют иностранными языками. Не совсем понятно, с какой целью в стране, где государственными языками являются русский и белорусский, кафе называют «Найт Сити Кофейня», при этом пишут кириллицей. Или название минского ресторана ВЕЕРЖА пишут с переключением кода. Для чего игровое пространство КНОРКІ написано латиницей? Очевидно, что адресат таких сообщений, не владеющий иностранными языками, может чувствовать себя некомфортно из-за непонимания написанного.

Итак, одним из условий сохранения и развития общества является комфортное взаимодействие между людьми. Считаем, что достижению гармоничной коммуникации способствует соблюдение этических принципов. Основное требование этичности – кооперативность, а кооперативность и предполагает соблюдение этических принципов. Кооперативное и этическое общение представляются явлениями однонаправленными, связанными с обеспечением гармоничных условий речевого взаимодействия. Можно предположить, что понятие экологии общения шире понятий кооперативности и этичности. В рамках экологии общения правомерно рассматривать, во-первых, бережное отношение к партнеру по общению (взаимодействие на условиях адресата), во-вторых, заботу о собственном комфортном существовании.

Общение на условиях адресата предполагает следующее.

1. Со стороны адресата:

- а) понимание смысла;
- б) принятие коммуникативного намерения;
- в) принятие формы общения.

2. Со стороны адресанта:
 - а) корректное сближение;
 - б) поиск общего опыта;
 - в) поиск общих смыслов;
 - г) самопрезентация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Slack, J. D.* Communication as Articulation / J. D. Slack // *Communication as... Perspectives on Theory* / ed. G. J. Shepherd. – London ; New Delhi, 2006. – P. 223–231.
2. *Горелов, И. Н.* Коммуникация / И. Н. Горелов // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 233.
3. *Поплавская, Т. В.* Введение в теорию коммуникации / Т. В. Поплавская, Т. А. Сысоева. – Минск : МГЛУ, 2015. – 96 с.
4. *Поплавская, Т. В.* Пойми меня правильно : интерпретация коммуникативного поведения / Т. В. Поплавская, Т. А. Сысоева. – М. : Флинта, 2019. – 272 с.
5. *Гриффин, Э.* Коммуникация: теории и практики / Э. Гриффин ; пер. с англ. А. А. Науменко. – Харьков : Гуманит. центр, 2015. – 688 с.
6. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа: https://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_-_mass.pdf. – Дата доступа: 24.08.2023.
7. *Матурана, У.* Древо познания [Электронный ресурс] / У. Матурана, Ф. Варела; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – Режим доступа: <https://avireaders.ru/download/drevo-poznaniya-1.html?f=fb2>. – Дата доступа: 24.08.2023.
8. *Капра, Ф.* Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / Ф. Капра, У. Маттеи. – М. ; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 328 с.
9. *Апресян, Р. Г.* Происхождение морали [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян // *Этика: энциклопедический словарь* / под общ. ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – Режим доступа: https://iphras.ru/enc_eth/137.html. – Дата доступа: 24.08.2023.
10. *Larson, Ch. U.* Persuasion. Reception and Responsibility / Ch. U. Larson. – 8th ed. – Boston : Wadsworth, 1998. – 416 p.
11. *Romano, V.* Introducción a la ecología de la comunicación [Recurso electrónico] / V. Romano. – Modo de acceso: <https://rebellion.org/introduccion-a-la-ecologia-de-la-comunicacion/>. – Fecha de acceso: 24.08.2023.
12. *Черемисова, И. В.* Духовность как критерий элитарности личности / И. В. Черемисова // *Современная психология в экономике, политике и социальной сфере : материалы III межрегион. науч.-практ. конф.* – Н. Новгород, 2008. – С. 71–78.

13. *Дубинина, Т. В.* Экология взаимодействия в работе с людьми [Электронный ресурс] / Т. В. Дубинина. – 2015. – Режим доступа: <https://dubinina.pro/ecologiya-vzaimodeystviya/ekologija-vzaimodejstvija>. – Дата доступа: 23.08.2023.
14. *Розенберг, М.* Язык жизни. Ненасильственное общение / М. Розенберг. – М. : София, 2018. – 178 с.
15. *Мутилина, Ю. Г.* Экология общения как фактор благоприятной социальной адаптации личности: возрастной аспект [Электронный ресурс] / Ю. Г. Мутилина // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-obscheniya-kak-faktor-blagopriyatnoy-sotsialnoy-adaptatsii-lichnosti-vozhrastnoy-aspekt>. – Дата доступа: 23.08.2023.
16. *Поплавская, Т. В.* Поликультурная идентичность в контексте городского пейзажа [Электронный ресурс] / Т. В. Поплавская // Русистика. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 213–228. – Режим доступа: [file:///C:/Users/stakh/Downloads/polikulturnaya-identichnost-v-kontekste-gorodskogo-peyzazha%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/stakh/Downloads/polikulturnaya-identichnost-v-kontekste-gorodskogo-peyzazha%20(1).pdf).

Поступила в редакцию 26.09.2023

Старасценка Таццяна Яўгенаўна
кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры мовазнаўства
і лінгвадыдактыкі
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Tatstsyana Starastsenka
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tstarascienka@gmail.com

ТЭАРЭТЫЧНЫ АСПЕКТ МАСТАЦКАЙ КАМУНІКАЦЫІ

THEORETICAL ASPECT OF LITERARY COMMUNICATION

У артыкуле разглядаюцца навуковыя падыходы беларускіх даследчыкаў да асэнсавання паняцця камунікатыўнасці мастацкага тэксту. Паказана неаднастайнасць разумення ўнутранай і знешняй дыялагізацыі, якая ствараецца паміж аўтарам і чытачом у паэзіі і паміж разнастайнымі суб'ектамі прозы. Выяўлены найбольш прыдатныя для далейшага вывучэння імпліцытнага мастацкага дыялогу пазіцыі навукоўцаў, а таксама тыя, якія яшчэ патрабуюць абгрунтавання.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *мастацкі тэкст; камунікатыўнасць; аўтар; чытач; унутраная дыялагізацыя; знешняя дыялагізацыя.*

The article discusses the scientific approaches of Belarusian researchers to understanding the concept of communicativeness of a literary text. The heterogeneity of understanding of internal and external dialogization, which is created between the author and the reader in poetry and between various subjects of prose, is shown. The most suitable positions of scholars for further study of the implicit artistic dialogue, as well as those that still need to be substantiated, are identified.

Key words: *literary text; communication; author; reader; internal dialogization; external dialogization.*

Камунікатыўны аспект тэксту дазваляе выявіць яго дынаміку праз адметны дыялог, які складаецца паміж аўтарам і чытачом, а таксама паміж унутрытэкставымі суб'ектамі. Спецыфіка такога дыялогу не знайшла належнай распрацоўкі ў беларускай навуковай парадыгме. Яго асаблівасці хоць і закраналіся, але без дастатковага абгрунтавання. Мэтай артыкула з'яўляецца аналіз навуковых пазіцый беларускіх даследчыкаў па ўнутранай і знешняй дыялагізацыі мастацкага тэксту.

Мяркуем, што знешні дыялог неабходна разглядаць на ўзроўні аўтара і чытача праз тэкст і яго адпаведныя моўныя рэпрэзентанты, залежныя ад ідыястылю пісьменніка. Разуменне ўнутранага дыялогу як імпліцытнага кантакту паміж рознымі суб'ектамі празаічнага наратыву дазваляе пашырыць паняцце дыялогу, які можа ахопліваць не толькі эксплікаваныя рэплікі персанажаў, а і значна большую парадыгму ўдзельнікаў мастацкага маўлення – наратара і персанажа, аўтара і персанажа, наратара і аўтара і інш., асабліва ў аўктарыяльным апаведзе. У дыягетычным наратыве, на наш погляд, варта

ўлічваць асаблівасць мадыфікацыі “я” ў дыялагічным па сутнасці маналогу праз выяўленне дынамікі “я – я”, паколькі менавіта дыялагічная арыентацыя дазваляе вывучаць персанажа і ў прасторы ўнутрыасобаснага кантакту. Камунікатыўны аспект мастацкага тэксту з пазіцыі знешняга і ўнутранага дыялогу павінен асэнсоўвацца на ўзроўні моўнай эксплікацыі.

У беларусістыцы ўвага да камунікатыўна-дзеяснага аналізу мастацкага твора распачынаецца ў канцы ХХ стагоддзя. Да гэтага часу такі аналіз праводзіцца пераважна з лінгвістычных пазіцый (М. В. Абабурка, А. А. Каўрус, І. Я. Лепешаў і інш.). Моўная асоба класікаў беларускай літаратуры Якуба Коласа, Янкі Купалы, М. Багдановіча, Ядвігіна Ш., Я. Брыля, І. Мележа, І. Пташнікава, В. Адамчыка, А. Кудраўца і іншых пісьменнікаў вызначаецца як адпаведны набор моўных сродкаў і спосабаў іх лінгвістычнай структуралізацыі. Прычым вертыкальны кантэкст у працах беларускіх даследчыкаў разглядаецца не з пазіцыі ўнутрытэкставых сувязей (унутраная дыялагізацыя), а з пазіцыі “глабальнага” вертыкальнага кантэксту. Ён уключае звесткі, звязаныя з рэальна-гістарычным каментарыем (тлумачэннем падзей, фактаў) і з асабістым жыццём пісьменніка. Такі падыход, безумоўна, правільны, аднак не арыентаваны на адпаведны тэрміналагічны апарат камунікатыўнага характару.

У працах беларускіх даследчыкаў канца 1990-х–пачатку 2000-х гг. разглядаюцца пераважна стылістычныя функцыі пэўных моўных адзінак (В. У. Азарка, С. А. Алісіевіч, Ю. М. Бабіч, В. Я. Барысенка, А. С. Васілеўская, А. В. Курбека і інш.) або даецца комплексны аналіз мовы мастацкага твора (І. І. Навасельцава, Л. І. Яўдошына і інш.).

Адметнай з’явай у беларускай філалогіі стала выданне М. Я. Цікоцкага “Сугучнасць слоў жывых... : Нататкі па стылістыцы мастацкай літаратуры” [1]. Апублікаванае яшчэ ў 1981 г., яно, па сутнасці, запачаткавала зварот да ўнутранай дыялагізацыі камунікатыўнай прасторы беларускага мастацкага тэксту. На думку даследчыка, традыцыйнай формай апавядання ў мастацкай прозе з’яўляецца аб’ектыўная форма – ад імя аўтара, ад трэцяй асобы. Аднак “менавіта тут, на фоне аб’ектыўнага аўтарскага апісання, больш выразна выступаюць галасы герояў” [1, с. 122]. Характарызуючы моўны вобраз апавядальніка, М. Я. Цікоцкі дарэчна зазначае яго складанасць у аповесці В. Быкава “Сотнікаў”, калі за знешне аб’ектыўнай манерай адбываюцца пастаянныя пераходы з аднаго пункту гледжання на другі. Прычым навуковец прытрымліваецца традыцыйнай у стылістыцы тэксту класіфікацыі кампазіцыйных тыпаў мастацкіх тэкстаў па суадносінах “вобраз аўтара – вобраз апавядальніка” і прыёмаў суб’ектывацыі аўтарскага апаведу. На багатым фактычным матэрыяле, узятым з твораў класікаў беларускай літаратуры і публіцыстыкі, М. Я. Цікоцкі ілюструе неаднастайнасць, а таму дынамічнасць камунікатыўнай прасторы мастацкага і мастацка-публіцыстычнага тэксту.

Што да пазнейшых даследаванняў, то варта адзначыць грунтоўнае і запатрабаванае даследаванне І. П. Кудраватых, выкананае на фактычным

матэрыяле класічных твораў рускай літаратуры ў рэчышчы камунікатыўнай лінгвістыкі [2]. Інтэрпрэтацыя тэксту вядзецца на аснове яго сегментацыі, пры якой вылучаюцца сінтаксічныя адзінкі – блокі інфармацыі. Кожны блок характарызуецца сукупнасцю значэнняў адзінак больш нізкага парадку яго структуры, куды ўваходзяць сказы і звышфразавыя адзінствы. Мяркуем, што паняцце *блок інфармацыі* можна супаставіць з фрагментам. Пры вылучэнні ядзернай структуры блока інфармацыі (словазлучэнне, сказ, група сказаў) паміж імі ўсталёўваюцца сістэмныя адносіны на ўсіх узроўнях мовы. Праз дыстантныя адносіны блокаў разглядаецца кагерэнтнасць усяго тэксту з улікам логіка-семантычнай, сінтаксічнай і стылістычнай кагезіі. Адметнасцю навуковага даследавання з’яўляецца акцэнт на семантычнай і граматычнай кагезіі, калі ў стварэнні мастацкага вобраза ўдзельнічаюць разнастайныя дзеяслоўныя формы і катэгорыі. Пры гэтым могуць узнікаць або, наадварот, “здымацца” граматычныя апазіцыі, якія маюць пэўную семантыку і фарміруюць асноўныя катэгорыі мастацкай прозы, а таксама структуру маўленчага суб’екта і адрасата ў паэзіі з адносінамі супастаўлення або супрацьпастаўлення. У стварэнні мастацкага вобраза, а затым яго чытацкім дэкадаванні вялікую ролю адыгрываюць граматычныя сродкі з эксплікацыйнай пэўнай семі і адценняў значэнняў. На аснове такіх тыпаў адносін паміж слоўнымі адзінкамі, як тоеснасць, уключэнне, перасячэнне, выключэнне, І. П. Кудравых разглядае асаблівасці фарміравання блокаў інфармацыі мастацкага тэксту. Такія блокі даследчыца звязвае з паняццем тэматычнай лініі як рада дыстантных адзінак з аднолькавай інфармацыяй адносна дэнатата і адрозных толькі па яе арганізацыі. Варта адзначыць, што ўпершыню на рускамоўным фактычным матэрыяле ў беларусістыцы праведзена арыгінальнае даследаванне, якое дазволіла асэнсаваць сутнасць мастацкіх катэгорый на аснове ўсіх моўных узроўняў, асабліва граматычнага, а таксама спецыфіку камунікатыўных адносін паміж асноўнымі суб’ектамі мастацкага тэксту.

Пры вызначэнні ролі функцыянальна-граматычных катэгорый персанальнасці і тэмпаральнасці ў стварэнні вобраза апавядальніка і вобраза аўтара М. А. Трыгук, па сутнасці, закранае праблему ўнутранай дыялагізацыі [3]. Адносіны ўзаемадапаўнення паміж вобразам апавядальніка і вобразам аўтара, якія разглядае аўтар даследавання, сведчаць пра “скрытую” камунікатыўную перспектыву мастацкага твора.

Унутраную дыялагізацыю В. А. Іяскевіч вылучае на ўзроўні свядомасці нарацара, які неадназначна ацэньвае ўнутраны свет персанажа [4, с. 12]. Аднак гэта сведчыць не столькі пра дыялог паміж апавядальнікам і персанажам, колькі пра роздум аднаго мастацкага суб’екта.

Пры разглядзе аўтарскай стратэгіі мастацкага ўвасаблення герояў Г. Г. Клокава праводзіць супастаўляльны аналіз маўлення аўтара і персанажа [5]. Адна са стратэгіяў аўтара, на думку даследчыцы, – максімальнае збліжэнне аўтара і героя, асабліва выражанае на лексічным узроўні. Хоць агульнасць супадзенняў у маўленні аўтара і персанажаў Г. Г. Клокава не

канкрэтызуе тэрмінам *дыялагізацыя*, але дыялагічная перспектыва такой стратэгіі відавочная.

Праблему знешняй дыялагізацыі мастацкага тэксту (аўтар – чытач) закранаюць С. Б. Кураш [6], В. І. Іўчанкаў [7; 8], В. Д. Старычонок [9; 10]. Як зазначае С. Б. Кураш, “адносіны «тэкст – камуніканы (адрасант і адрасат)» складаюцца ў заснаванасці перадачы вобразнай інфармацыі ад адрасанта да адрасата пасродкам інтэрактыўнага механізму, сутнасна роднаснага да метафары” [6, с. 207]. Ролю трапеічных сродкаў у актывізацыі чытацкай увагі і адпаведна – у фарміраванні знешняй дыялагізацыі адзначаюць таксама В. І. Іўчанкаў і В. Д. Старычонок.

Так, разглядаючы лінгвістычную арганізацыю тэксту У. Караткевіча, В. І. Іўчанкаў характарызуе паняцці імпліцытнасці і вобразнасці як узаемавызначальныя. На думку даследчыка, трапеічная якасць указвае на прысутнасць імпліцыту, успрыманне якога выключна індывідуальнае. Рэцыпіент толькі імкнецца максімальна спасцігнуць гэту якасць [7, с. 10]. У дадзеным імкненні, на наш погляд, заключаецца пачатак сутворчасці паміж прадукцэнтам і рэцыпіентам. Эфект сутворчасці В. І. Іўчанкаў бачыць на аснове неэксплікаванай інтэгральнай прыметы – вобразнай асновы параўнання (*tertium comparationis*). Такая прымета можа арганізоўвацца па адным ці па некалькіх семантычных параметрах. Даследчык прапануе лінгвістычны механізм фарміравання інтэгральнай прыметы: дэнатат пры апрацоўцы абстрагаваным мысленнем набывае рэфэрэнтную якасць. На ўзроўні дэнатата-рэферэнта ідзе адбор інтэгральных прымет (памер, форма і інш.) двух кампаратываў, у выніку чаго дэнатат звязваецца з рэфэрэнтам іншага дэнатата, набывае канкрэтную моўную форму, адлюстроўваецца ў свядомасці, і ў выніку развіваецца імпліцытнае значэнне верагоднаснай структуры [7, с. 8]. Пошук неэксплікаванай інтэгральнай прыметы, несумненна, актывізуе ўвагу чытача і закладвае стратэгію фарміравання знешняй дыялагізацыі. Эфект сутворчасці, на думку В. І. Іўчанкава, асабліва відавочны ў метафары (сціслым параўнанні), якая выражае толькі аб’ект параўнання. Свае лінгвістычныя назіранні В. І. Іўчанкаў працягвае і ў працэсе аналізу лінгвістыкі тропай Юрыя Казакова. “Троп, – піша аўтар, – уключае чытача ў сутворчасць, успрыманне яго індывідуальнае” [8, с. 40]. І з такім меркаваннем можна пагадзіцца.

На ролю метафары (асабліва індывідуальна-аўтарскай) у стварэнні знешняга дыялогу ўказвае і В. Д. Старычонок. У манаграфіі “Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў” даследчык пазіцыянуе параўнанне як першы этап утварэння метафары. Калі адбываецца рэдукцыя экспліцытнага параўнання ў метафару, то першы інгрэдыент параўнальнага звароту як бы адсоўваецца на другі план, паступова затухае і пераўтвараецца ў імпліцытны [9, с. 15]. Асабліва выразна імпліцытнасць праяўляецца ў індывідуальна-аўтарскіх метафарах, у выніку чаго, як піша В. Д. Старычонок, яны “не столькі выконваюць эстэтычную і інфармацыйную функцыі, колькі актывізуюць увагу адрасата” [9, с. 131]. Гэтай жа думкі даследчык

прытрымліваецца ў сваёй пазнейшай манаграфіі “Мнагазначнасць слова ў беларускай мове”, адзначаючы, што індывідуальна-аўтарскія метафары “служыць дадатковай вобразнай характарыстыкай да тых прымет, якія ўзуальна замацаваліся за дадзенай слоўнікавай адзінкай” [10, с. 30]. Мяркуем, такая дадатковая вобразная характарыстыка садзейнічае актывізацыі чытацкай увагі, узмацненню творчага пошуку рэцыпіента.

На матэрыяле англамоўнай мастацкай прозы XVIII–XX стст. Т. Ф. Пляханава вылучае наступныя маркеры зоны дыялагічнага кантакту аўтара з адрасатам (знешняй дыялагізацыі): часавы зрух, змена апавядальнай асобы, формы загаднага і ўмоўнага ладу, інтэрсуб’ектыўны мадальны план, “фатычныя” сродкі (разнастайныя формы звароту), сродкі праксемікі (словы і словазлучэнні, якія ўказваюць на адлегласць паміж аўтарам і адрасатам), семантычны зрух да абагульнення [11, с. 158–169]. Выклікае сумнеў аднясенне Т. Ф. Пляханавай да знешняй дыялагізацыі ўнутрытэкставага вымярэння, калі аўтар звяртаецца да аднаго са сваіх персанажаў. Разнастайныя формы звароту, або “фатычныя” сродкі, арыентаваны не толькі на чытача – яны ахопліваюць многія аб’екты навакольнага свету, таму іх варта разглядаць як сродкі адрасатнай паліфаніі мастацкага тэксту, а не звужаць межамі *аўтар – чытач*.

Да праблемы як знешняй, так і ўнутранай дыялагізацыі мастацкага тэксту звяртаецца літаратуразнаўца Я. А. Гарадніцкі [12]. Прычым некаторыя аспекты яго навуковых падыходаў прыдатныя і ў плане лінгвістычнага асэнсавання мастацкай камунікацыі. Так, параўноўваючы паэзію і прозу, даследчык адзначае неаднастайнасць сэнсавага напаўнення займенніка *я*. Аўтарскія ўстаноўкі паэта скіраваны на выражэнне творчых інтэнцый суб’екта творчасці, на мастацкую самарэфлексію. Як зазначае Я. А. Гарадніцкі, для беларускай паэзіі першых дзесяцігоддзяў XX ст. была ўласціва форма выказвання ад першай асобы, прамаўленне ад імя ўласнага “я” [12, с. 43]. Праблема адрасата была асабліва актуальная ў ранні перыяд творчасці Янкі Купалы, які імкнуўся наладзіць знешнія дыялагічныя сувязі, у выніку чаго ў яго паэзіі разгортваецца шматгалоссе. З такім меркаваннем можна пагадзіцца пры разглядзе адрасатнай паліфаніі паэтычных твораў Янкі Купалы на ўзроўні разнастайных зваротаў. Адметнасцю праявічнага твора, у адрозненне ад паэтычнага, з’яўляецца адсутнасць аўтарскай устаноўкі на непасрэднае выяўленне ўласных думак. Аўтар і апавядальнік не адно і тое ж, гэта розныя суб’екты прозы. Аўтар “давярае” апавядальніку (наратару) весці аповед і быць усюдыпранікальным. У мастацкай прозе (асабліва ў аўктарыяльным тыпе) прысутнічае сінкрэтычная апавядальная асоба, дзе рэальны ўдзел самога аўтара мінімальны, а маўленне кантамінуецца на імпліцытным узроўні (наратар і персанаж, персанаж і персанаж і інш.). Аналізуючы арганізацыю апавядальнага дыскурсу Якуба Коласа (прычым Я. А. Гарадніцкі ў якасці аб’екта нараталагічных даследаванняў разглядае не толькі прозу, але і паэзію пры ўмове, што лірычны твор мае сюжэтную арганізацыю),

даследчык характарызуе форму выражэння ад імя другой асобы як паказальнік маскі аўтара, спецыфічнага адчужэння “я” аўтара-апавядальніка, калі яго інтэнцыі праецыруюцца на іншы суб’ект, вынікае чаго з’яўляецца збліжэнне ў працэсе нарацыі пазіцыі аўтара і героя [12, с. 106–107]. Гэта свайго роду “скрытая камунікацыя”, якая ўяўляецца найбольш складанай, а таму і важнай пры вывучэнні камунікатыўнай прасторы мастацкага тэксту.

Некаторыя аспекты як унутранай, так і знешняй дыялагізацыі аналізуе А. І. Равуцкі [13]. Пагаджаемся з яго меркаваннем наконт прадстаўлення ў тэксце адрасата, які можа быць абагульненым (шырокае кола чытачоў мастацкага твора) або канкрэтным (рэальная асоба, персаніфікаваны неадусаўлёны прадмет, з’ява прыроды, нейкая душэўная якасць), а таксама адрасанта (для яго характэрны разнастайныя прыёмы пераўвасаблення). Выклікае пярэчанне суадноснасць асабовых займеннікаў і дзеяслоўных формаў першай асобы толькі з адрасантам, а такіх жа формаў другой асобы – толькі з адрасатам. Больш дарэчнай падаецца пазіцыя Я. А. Гарадніцкага, які адносіць формы выражэння ад другой асобы не толькі да адрасата, але і да адрасанта пры ўмове нараталагічнага кантэксту, дзе пазіцыі апавядальніка і персанажа збліжаюцца. Формы другой асобы ў гэтым выпадку адлюстроўваюць светаўспрыманне самога суб’екта маўлення. Такая з’ява часам назіраецца і ў паэтычным тэксце. Да спецыфічных сродкаў выражэння камунікатыўных сітуацый у самім тэксце А. І. Равуцкі адносіць, апрача няўласна-простай мовы, і ўсе віды дыялагічнага маўлення [13, с. 22]. Гэта пазіцыя патрабуе канкрэтызацыі, паколькі праблема ўнутранай дыялагічнасці вынікае з разумення глабальнага дыялогу і паліфанічнасці твора, якія, у першую чаргу, праяўляюцца ў маналагічных структурах тэксту, дзе і актуалізуюцца дыялагічныя адносіны.

Такім чынам, разнастайнасць навуковых пазіцый сведчыць пра неабходнасць далейшых даследаванняў камунікатыўнасці мастацкага тэксту, які ўяўляе сабой адметную прастору знешняга і ўнутранага дыялогу.

ЛІТАРАТУРА

1. *Цікоцкі, М. Я.* Сугучнасць слоў жывых...: нататкі па стылістыцы мастацкай літаратуры / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 1981. – 191 с.
2. *Кудреватых, И. П.* Стилистическая роль синтаксических единиц (блоков информации) в структуре русского художественного текста / И. П. Кудреватых. – Минск : Беларус. гос. пед. ун-т, 2001. – 202 с.
3. *Тригук, М. О.* Функционально-грамматические категории как средство создания образа повествователя и образа автора в прозе Т. Толстой и Л. Дранько-Майсюка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01 / М. О. Тригук ; Беларус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2016. – 26 с.

4. *Иоскевич, О. А.* Смыслорождающий и нарративный потенциал риторических фигур и тропов в художественном произведении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / О. А. Иоскевич ; Центр исслед. бел. яз. и лит., НАН Беларуси. – Минск, 2014. – 24 с.
5. *Клокова, А. Г.* Дискурсивный портрет персонажа и авторские стратегии его реализации в художественном тексте (на материале англоязычных коротких рассказов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Г. Клокова ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2017. – 25 с.
6. *Шур, В. В.* Слова ў мастацкім кантэксте: онімы, метафары : манаграфія / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазыр : Мазыр. дзярж. пед. ун-т, 2013. – 268 с.
7. *Ивченков, В. И.* Лингвистическая организация текста: в творческой лаборатории Владимира Короткевича / В. И. Ивченков. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2002. – 211 с.
8. *Ивченков, В. И.* Лингвостилистика тропов Юрия Казакова / В. И. Ивченков. – Минск : Пачатк. шк., 2002. – 112 с.
9. *Старычонак, В. Д.* Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манаграфія / В. Д. Старычонак. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 2007. – 188 с.
10. *Старычонак, В. Д.* Многазначнасць слова ў беларускай мове : у 3 кн. / В. Д. Старычонак. – Мінск : Колорград, 2017. – Кн. 3 : Другасныя намінацыі ў мастацкім дыскурсе. – 301 с.
11. *Плеханова, Т. Ф.* Текст как диалог / Т. Ф. Плеханова. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2003. – 251 с.
12. *Гарадніцкі, Я. А.* Па абодва бакі тэксту: увасабленні, інтэрпрэтацыі : манаграфія / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 272 с.
13. *Ревуцкий, О. И.* Анализ художественного текста как коммуникативно обусловленного связного целого / О. И. Ревуцкий. – Минск : Нац. ин-т образования, 1998. – 68 с.

Поступила в редакцию 26.09.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.1'37

Папейко Анатолий Анатольевич

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики
начального образования
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
г. Могилёв, Республика Беларусь

Anatoly Papeiko

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Theory and Methodology
of Primary Education
Mogilev State University
named after A. A. Kuleshov
Mogilev, Republic of Belarus
E-mail: anatoly_papeiko@mail.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ:
ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ СУБЪЕКТА**

**METAPHORICAL UNDERSTANDING OF LIFE
IN THE POETIC DISCOURSE OF M.I. TSVETAEVA:
VERB CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF SUBJECT**

Статья посвящена рассмотрению семантики глагольных конструкций в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, в которых лексический репрезентант концепта «жизнь» выступает в обобщенном значении субъекта. Исследование проведено на базе документов, размещенных в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка. Выводы затрагивают такие существенные черты поэтического дискурса М. И. Цветаевой, как активность и персонификация жизненного начала, динамика образного осмысления, усиление экспрессии за счет экономии языковых средств.

Ключевые слова: концепт; лексический репрезентант; русская поэзия; поэтический дискурс; семантика; глагольная метафора; М. И. Цветаева.

The article is devoted to the consideration of the semantics of verbal constructions in the poetic discourse of M.I. Tsvetaeva, in which the lexical representative of the concept life appears in the generalized meaning of the subject. The study was conducted on the basis of documents located in the poetry corpus of the National Corpus of the Russian Language. The conclusions touch upon such essential features of M.I.'s poetic discourse. Tsvetaeva, as activity and personification of life, the dynamics of figurative comprehension, increased expression due to saving linguistic means.

Key words: concept; lexical representative; Russian poetry; poetic discourse; semantics; verbal metaphor; M.I. Tsvetaeva.

Данные, отраженные в настоящей статье, были получены в ходе диссертационного исследования по теме «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование», актуальность которого объясня-

ется необходимостью осмысления динамических изменений, проявляющихся при сопоставлении семантики значимых единиц словаря в рамках каждого из трех важнейших периодов русской поэзии XX – начала XXI веков (Серебряный век, поэзия «шестидесятников», рубеж XX–XXI вв.).

Теоретическую базу исследования составили труды Ю. С. Степанова [1], Ю. Д. Апресяна [2], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], Ю. Н. Караулова [4], А. Д. Шмелева [5] и др. В качестве источника фактического материала были использованы документы, размещенные в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка [6].

Учитывая формально-грамматическую и смысловую сторону языкового знака, мы выделили 5 основных семантико-синтаксических секторов, составляющих содержательную сторону лексического репрезентанта концепта «жизнь» как одного из ключевых элементов языковой картины мира: 1) метафорический перенос наименования (имена существительные); 2) сравнение (имена существительные); 3) качественная характеристика (имена прилагательные); 4) конструкции со значением субъекта (глаголы); 5) конструкции со значением объекта (глаголы).

Целью настоящей статьи является рассмотрение группы глагольных конструкций со значением субъекта как образной характеристики жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой.

Спектр обобщенных глагольных значений, в рамках которых реализуется семантика *жизни* как субъекта, разнообразен – это действие, состояние, отношение, проявление и изменение признака и др.; при этом в подавляющем большинстве случаев актуализируются переносные, образно-метафорические значения глаголов. Интересно, что метафорическое осмысление жизни часто соотносится с понятием персонификации, т. е. жизнь в качестве глагольного субъекта в сознании читателя по замыслу автора должна отождествляться с человеком: совершать свойственные человеку поступки, иметь его характерные черты – словом, выступать в качестве антропоморфного существа. В смысловом отношении субъектные глагольные метафоры, отмеченные в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, могут быть описаны следующим образом.

1. «Желание, отношение». Семантика желания, отношения представлена глаголами *не хотеть*, *терпеть*. Первый из них с учетом отрицания не выражает потерю человеком желания, стремления, потребности продолжать жить (напомним, что жизнь в поэтическом дискурсе наделяется «человеческими» чертами, поэтому в определенной степени между понятиями *человек* и *жизнь* возможен знак контекстуального смыслового равенства). Утрата интереса к жизни может быть вызвана разными причинами, в первую очередь она обусловлена усталостью от безрезультатного противостояния и противодействия окружению – людям, обществу, реальности с ее жесткими обезличенными законами: *От участков, от касто- / вых – уставшая...* В качестве своеобразного «усилителя» изобразительно-вы-

разительной стороны может использоваться синереза – риторическая фигура речи, выражающая противопоставление без реального или мнимого противоречия и приобретающая особенную яркость на фоне антонимической пары «жизнь – смерть»: *Жизнь не хочет жить... но часто / Смерть не хочет умереть!* Глагол *терпеть* служит для характеристики окружающей реальности как субъекта принятия / непринятия людей разного склада, при этом реальность воспринимается как лицо крайне нетерпимое по своей природе, с некоторой благосклонностью относящееся только к выкрестам; очевидно, слово *выкресты* в данном случае относится не к лицам, перешедшим в христианство из другой веры, а в расширенно-переносном смысле к людям вообще, которые из корыстных соображений способны предавать прошлое, манифестировать изменение своих убеждений, публично и, скорее всего, лицемерно заявлять о них: *Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь / Овец – палачу!*

2. «Звук». Звуковое значение в некоторой степени можно отметить во многих глаголах, т. к. действие по своей природе часто сопровождается теми или иными звуками, но особенно четко проявляется сема звучания в следующих случаях: *выстукивать, провыть, прогудеть, пропеть*. Заметно, что в каждом из приведенных примеров звук как таковой служит для выражения иных смысловых пластов, актуализирующихся в том числе благодаря грамматической форме. Так, глагол *выстукивать*, употребленный в форме настоящего времени, приобретает значение ‘заявлять о чем-либо’, тем самым жизнь характеризуется как активное начало, обладающее неотъемлемыми правами и открыто заявляющее о них: *Из слуховых глушизн / Высокие права / Выстукивает жизнь*. Глаголы *провыть, прогудеть, пропеть*, помимо обозначения собственно звуковой составляющей, во-первых, отражают жизнь как субъект определенного чувства, состояния; во-вторых, свидетельствуют об «интровертности» жизни как субъекта, если учесть сочетание *сама над собой*; в-третьих, в контексте формы прошедшего времени указывают на преходящий, конечный, недолговечный характер жизни: *Это жизнь моя пропела – провыла – / Прогудела – как осенний прибор – / И проплакала сама над собой*.

3. «Воплощение в реальность». Семантика соответствия, соотношения жизни и реальной действительности вводится полнозначными глаголами *грезиться, сбыться*, выступающими в функции простого глагольного сказуемого (о способности глаголов представления выступать в иных синтаксических функциях, в частности в качестве полужнаменательной связки в составном сказуемом, см., например, [7]). *Грезиться* характеризует жизнь как нечто придуманное, мнимое, существующее только в сознании; при этом происходит взаимное замещение смысловых полюсов в оппозиции «мнимое – реальное», соотносимое со случаями взаимного обращения полюсов в оппозициях «жизнь – смерть», «хорошее – плохое», в результате чего представления о жизни приобретают значение реальности, а окру-

жающая действительность отождествляется с чем-то эфемерным, призрачным, со сновидением: *Уснуть, забыться бы с отрадной думою, / Что жизнь нам грезится, а это – сон!* Глагол *сбыться*, четко указывая на ирреальную модальность понятия жизни, при этом называет также причину, по которой жизни «не могут сбыться», т. е., почему в жизни отдельного человека невозможно воплощение истинных, сокровенных, самых значимых устремлений, и в роли такой непреодолимой преграды названа суета (*дребезг, свист*), наступающая с рассветом и символизирующая бытийные законы окружающей реальности: *Если бы – не – рассвет: / Дребезг, и свист, и лист, / Если бы не сует / Сих суета – сбылись / Жизни б...*

4. «Обещание». Семантику обещания представляют единицы *давать обеты, лгать*. Первая их них – это фразеологизм, имеющий выраженную высокую стилистическую окраску и означающий обещание, данное Богу или перед Богом; здесь содержится только обозначение факта неоднократных обещаний, а «расшифровка» будущего результата (т. е. сдержит ли жизнь как субъект свои обещания) целиком оставлена на усмотрение читателя, хотя в контексте сочетания *разочарования протяжность* более вероятными представляются нарушение обещаний, несбыточность надежд: *Жизнь! – Без голоса вступает в дом, / В полной памяти дает обеты... <...> ... вдоль всей голосовой версты / Разочарования протяжность*. Вторая единица – глагол *лгать* – имеет более широкую семантику (т. е. обозначает не только нарушение обещаний, но и передачу неправды, ложной информации в целом), однако вместе с тем сообщает результат, лишенный какой бы то ни было вариативности трактовки и усиленный в смысловом и экспрессивном плане соседствующими лексемами (*неподражаемо, сверх*), в результате чего появляется смысл как обилия лжи, так и ее изощренности: *Неподражаемо лжет жизнь: / Сверх ожидания, сверх лжи...*

5. «Адресат повеления». В данном случае речь идет об употреблении *жизни* в качестве субъекта будущего действия, просьба или повеление о совершении которого высказывается в настоящий момент: *понравься, уйди*. Таким образом, жизнь предстает еще и в роли субъекта взаимодействия с говорящим, выступающим в момент речи в качестве лица, выражающего интенцию, направленную на удовлетворение какой-либо его потребности. Потребность при этом может быть вызвана динамически изменяющимся или статичным отношением говорящего к собеседнику, т. е. к жизни. В случае с глаголом *понравься* говорящий (автор) выражает текущее приятное отношение к собеседнику (жизни) и одновременно просит его еще какое-то время оставаться таким же, сохранять свои качества в преддверии будущих неизбежных изменений; здесь можно усмотреть аллюзию на строку из стихотворения Ф. И. Тютчева «Последняя любовь» – *Продлись, продлись, очарованье*; сравн. с отрывком из стихотворения М. И. Цветаевой «Последний моряк»: *Как та с матросом – с тобой, о жизнь, / Торгуюсь: еще минутку / Понравься!..* В случае с глаголом *уйди* выражается, напротив,

неприятное отношение говорящего к своему собеседнику; неприязнь воспринимается как особенно сильная с учетом того, что уход жизни фактически означает ее прекращение, т. е. смерть самого говорящего: *Уединение: уйди, / Жизнь!*

6. «Исчерпаемость». О восприятии жизни как исчерпаемой субстанции свидетельствуют глаголы *истекать, хлестать*. Важно, что в предметно-вещественном плане жизнь при этом отождествляется с кровью, – напомним, что, согласно Библии, кровь являетсяместилищем души, жизненного начала, созданного Богом и полностью ему принадлежащего. По этой причине кровь запрещено употреблять в пищу, ее можно только приносить на алтарь в качестве жертвы либо выливать на землю при убое скота. Тем бóльшую экспрессию и полисемантическую приобретает образ жизни-крови, которую говорящий предоставляет окружению именно в качестве пищи; здесь уместна параллель с Тайной вечерей, во время которой Иисус Христос, предлагая своим ученикам вино и съестное, назвал находящееся на столе пресуществлением в Тело и Кровь Христовы. Интересно, что в качестве названия посуды для крови М. И. Цветаева употребила слово *миска*, в контексте его значение может восприниматься как сниженное (сравн.: *чаша, бокал* и т. п.) и тем самым выражать пренебрежительное отношение говорящего к окружающим: *Вскрыла жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь. / Подставляйте миски и тарелки!*

7. «Проявление активности». Значение проявления активности жизни представлено глаголами *распахнуться, расцвести*. В этом случае четко прослеживаются три направления семантизации художественного образа. Во-первых, это наделение самого понятия жизни чертами живого существа, человека (*распахнуться как раздвинуть полы своей одежды*) или объекта живой природы, растения (*расцвести*). Во-вторых, это пространственная характеристика жизни, указывающая на ее простор (*распахнуться как широко раздвинуться, отвориться*), ассоциируемый со свободой, возможностями. В-третьих, это дополнительный оттенок сожаления, присутствующего в «палитре ощущений» говорящего, сопровождающий и оттеняющий радость (реализуется сочетанием *но всё же*): *Жизнь распахнулась, но всё же... / Ах, золотые деньки!*

8. «Жизнедеятельность». Семантику жизнедеятельности представляют глаголы, обозначающие осуществление либо прекращение функций организма: *жить, засыпать, проплакать, тонуть*. При этом в каждом случае реализуется существенная смысловая составляющая. Так, глагол *жить* не столько указывает на функционирование организма, сколько называет, что именно является основной образной характеристикой либо движущей силой жизни, при этом в качестве объекта метафорического сопоставления, символизирующего необузданность проявления, может выступать стихия огня (*У огня на жалованьи / Жизнь живёт пожарами*), а в качестве движущей силы и «фонового чувства» – ревность (*Ревностью жизнь жива*).

Глагол *засыпать*, означающий переход в состояние сна, проводит параллель между замедлением, приостановкой окружающей жизни и некоторым успокоением, наступающим в душе по прошествии времени после травмирующего, ранящего события: *За окнами жизнь засыпала, / Уступала забвенью измена...* Глагол *проплакать*, наряду с обозначением собственно слезоотделения, акцентирует внимание на чувстве, вызывающем у жизни как субъекта данную реакцию, на сожалении жизни о самой себе (см. также сказанное в п. 2 о глаголах со значением звука *провыть, прогудеть, пропеть*). Глагол *тонуть* репрезентирует контекстуальное отождествление жизни с любимым человеком и служит объяснением состояния, в котором находится в момент гибели другого человека сам говорящий: *Окаменев – тупо – гляжу, / Как моя жизнь – тонет.*

9. «Отношение к месту». Семантика отношения к месту вводится в поэтический дискурс глаголами *лежать, вступать*. При этом жизнь может выступать и как субъект статичный, не меняющий своего местоположения, и как субъект, перемещающийся в пространстве. Показательно, что в обоих случаях прослеживается четкое «очеловечивание» жизни, ее отождествление с каким-либо лицом (*белый всадник, обезголосившая дива*). Кроме того, в рамках подгруппы отношения к месту мы замечаем пример имплицитного представления языковой единицы, т. е. тот случай, когда языковая единица в тексте не употребляется (вероятно, с целью экономии языковых средств и усиления экспрессии), но легко восстанавливается из контекста, как это происходит в случае с глаголом *лежать*: *Белый всадник – мой друг любимый, / Нынче жизнь моя – лбом в снегу.*

10. «Начало – конец». Темпоральная характеристика в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой соотносит жизнь с ее началом и концом, данная семантика эксплицируется при помощи глаголов *начинаться, отойти*. Знакомство с ближайшим контекстом первой из названных единиц позволяет заметить, что этап начала жизни оказывается связанным не только с определенной временной точкой, но и с пространственно-событийным планом, заключенным наряду с хронологической составляющей в адвербиальном маркере начала (*отсюда*): *Отсюда / Жизнь начинается твоя*. Любопытно, что стадия начала при этом обозначается напрямую, непосредственно, а стадия конца жизни вводится в поэтический дискурс эвфемистическим путем (сравн. употребленный в тексте вариант *отойти* с возможным «прямым» вариантом *закончиться*): *Отошла январским оловом / Жизнь с её обидами.*

11. «Физический контакт». Семантика физического контакта представлена репрезентантами *держать, разжать*. Первый, наряду со значением прикосновения, реализует сему управления, подчинения, при этом конкретная «расшифровка» употребленной формы повелительного наклонения *держи* обладает широким интерпретационным спектром и может быть понята читателем поливариантно – ‘получай в свое распоряжение’, ‘держи

возле себя', 'оказывай поддержку', 'удерживай от нежелательных поступков' и др.: *Жизнь: держи его!* Персонифицированный маркер *разжать* характеризует жизнь как сущность, динамически изменяющуюся во времени и тем самым напоминаящую человека, чей внутренний мир (понимание происходящего, отношение к себе и окружающим, восприятие важности тех или иных событий) изменяется с возрастом: *Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты, / Жизнь разожмет!*

12. «Соединение». Семантика соединения репрезентируется глаголами *венчать*, *слиться*. Первый из них представляет сему соединения в церковном, теологическом плане; при этом чин благословения брака – понятия священного и нерушимого для истинно верующих – в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой предполагает возможное и даже неизбежное нарушение супружеской верности: *Научил не хранить кольца, – / С кем бы жизнь меня ни венчала!* Второй репрезентант помогает ввести название атрибута, сопровождающего жизнь на каком-либо ее этапе, неотделимого от нее, метафорически отражающего ее черты (в нашем случае в качестве такого атрибута выступает гармонь): ... *ладонь с ладонью – / Так наша жизнь слилась с гармонью.*

13. «Литературная деятельность». Семантика жизни как субъекта литературной деятельности представлена повторяющимся глаголом *рифмовать*. В данном случае прием персонификации, «очеловечивания» самого понятия жизни проявляется особенно сильно: если выть, петь, гудеть и даже плакать могут многие живые существа (см. вышесказанное в п. 2 и п. 8), то заниматься литературной деятельностью – *рифмовать* – способен только человек. Кроме того, глагол *рифмовать* за счет расширения семантики может быть «расшифрован» как *отождествлять*, *приравнивать* и по этой причине рассмотрен в качестве отражения сущностных черт жизни, проявляющихся в ассоциативной связи со словами *лживо* и *жир*, что предполагает разнообразие вариантов читательской интерпретации: *Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, – / Безошибочен певчий слух!*

Особняком, т. е. вне вышеописанных подгрупп глагольных сочетаний со значением субъекта, стоят репрезентанты *даваться*, *оглянуться*. В контексте поэзии Серебряного века в целом, а также с учетом всех групп образного осмысления жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, данные единицы помогают раскрыть существенные черты образного восприятия жизни. Так, предикат *оглянуться* в совокупности с препозиционным отрицанием *не* означает преходящий, конечный характер жизни, неизбежность наступающих с течением времени изменений, безвозвратность утраченного (см. также вышесказанное в п. 2.): *И не оглянется / Жизнь крутобровая!* Репрезентант *даваться* с примыкающим адвербиальным уточнением *дорого* создает образ жизни как высочайшей ценности, которую надо заслужить своими внутренними качествами, поступками, умением сопротивляться «неправильным» законам окружающей реальности; одно-

временно дается оценка «правильной» жизни как трудной, требующей значительных душевных усилий: *Некоторым, без кривизн – / Дорого дается жизнь.*

Обобщив сказанное, сформулируем следующие основные выводы.

1. Жизнь в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой предстает как активное начало, что находит отражение в семах звука, движения, осязательных ощущений и др. При этом в ряде случаев жизнь очевидно персонифицируется, т. е. выступает в качестве субъекта собственной воли, способного на поступки, не зависящие от желаний говорящего. Активность, необузданность проявлений жизни приравниваются к стихии огня, при этом главными движущими силами жизни являются сильное чувство, страсть на фоне таких персонифицированных качеств, как интровертность, лживость, стремление к самореализации, противопоставление окружению.

2. Для поэтического дискурса М. И. Цветаевой характерно осмысление жизни как явления временного, недолговечного, имеющего конечный характер. Исчерпаемость жизни проявляется особенно заметно на фоне динамики отношения к жизни и взаимоотношений с нею как субъектом чувства, мысли, действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанов, Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект, 2004. – 992 с.
2. *Апресян, Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // *Вопр. языкозн.* – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во «ЛКИ», 2010. – 264 с.
5. *Шмелев, А. Д.* Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 224 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ruscorpora.ru. – Дата доступа: 30.08.2023.
7. *Голайденко, Л. Н.* Глаголы с семантикой представления в функции полужнаменательной связки в составном сказуемом: реализация модальных значений (на материале художественной прозаической речи) / Л. Н. Голайденко // *Нац. ассоциация ученых (НАУ). Сер. Филол. науки.* – 2015. – № 6 (11). – С. 56–61.

Поступила в редакцию 26.09.2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3 – 3.09

Бурдзялёва Ірына Аляксееўна
кандыдат філалагічных навук,
дацэнт, дацэнт кафедры
беларускай мовы і літаратуры
Мінскі дзяржаўны
лінгвістычны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Iryna Burdzialova
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of the Belarussian Language
and Literature,
Minsk, Belarus
Irlita@yandex.ru

ТРАНСФАРМАЦЫЯ РЭАЛІСТЫЧНАЙ ТРАДЫЦЫІ Ё ПРОЗЕ Ф. СІЎКО

TRANSFORMATION OF REALISTIC TRADITION IN F. SIUKO'S PROSE

У артыкуле на прыкладзе творчасці Ф. Сіўко аналізуецца агульная тэндэнцыя сучаснай прозы да пашырэння стылёвага спектра рэалістычнай літаратуры, яго ўзбагачэння вобразна-выяўленчымі сродкамі іншых эстэтычных сістэм. У творах пісьменніка разглядаецца спалучэнне традыцый класічнай рэалістычнай літаратуры з прыёмамі нерэалістычнага пісьма, даследуюцца функцыі мастацкай умоўнасці і фантастыкі, праявы магічнага рэалізму.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *традыцыі рэалізму; нерэалістычныя стылі пісьма; метафарызацыя тэксту; мастацкая ўмоўнасць; элементы фантастычнага; магічны рэалізм.*

Using F. Siuko's work as an example, this article analyzes the general trend in contemporary prose towards expanding the stylistic spectrum of realistic literature, enriching it with figurative and expressive means from other aesthetic systems. In the writer's works, it studies the combination of the traditions of classical realistic literature with techniques of non-realistic writing, as well as an exploration of the functions of artistic conventionality and fantasy, along with manifestations of magical realism.

К e y w o r d s: *traditions of realism; non-realistic writing styles; text metaphorization; artistic conventionality; elements of fantasy; magical realism.*

Сучасную літаратурную сітуацыю характарызуе шматвектарнасць творчых пошукаў, канцэптуальны плюралізм, калейдаскапічная змена мастацкіх форм. Але ў размаітым літаратурным працэсе праглядаецца ўстойлівая прыхільнасць да традыцый рэалізму, які сваёй скіраванасцю на аналіз чалавечых характараў у іх абумоўленасці грамадска-сацыяльнымі, гістарычнымі, побытавымі абставінамі застаецца па-ранейшаму запатрабаваным. Пры гэтым рэалізм як гнуткая і пластычная ідэйна-мастацкая сістэма плённа ўзаемадзейнічае з разнастайнымі нерэалістычнымі стылямі пісьма, узбагачае ўласныя паэтычныя сродкі за кошт вобразна-выяўленчых магчымасцяў іншых эстэтычных сістэм. У выніку ранейшы рэалістычны тып пісьма набывае новыя якасці, пашырае свае мастацкія магчымасці. Падобны сінтэз з'яўляецца агульнай тэндэнцыяй сучаснай літаратуры, важным этапам яе паступальнага развіцця ў пошуках новых эстэтычных форм і сродкаў.

І. Шаўлякова-Барзенка слушна заўважыла, што ў літаратурна-мастацкім дыскурсе апошніх дзесяцігоддзяў пачынае складацца паэтыка сімфанічнага тыпу з дамінантай класічнага тыпу творчасці: “... беларуская літаратура як літаратура класічнага тыпу з інверсійнай аксіялогіяй (традыцыянальнымі каштоўнасцямі) выяўляе ўсё большую цікавасць да посттрадыцыйных, сінтэтычных па сваёй сутнасці стылявых тэхнік” [1, с. 460]. Спалучэнне з прыёмамі нерэалістычных мастацкіх практык надае рэалізму ў творчасці сучасных аўтараў велізарную варыябельнасць. Мэтай артыкула з’яўляецца аналіз канкрэтных праяў гэтай актуальнай тэндэнцыі ў творчасці самабытнага пісьменніка Віцебшчыны Франца Сіўко.

Франц Сіўко арыентуецца на айчынную літаратурную традыцыю і з’яўляецца прыхільнікам прынцыпаў рэалізму, але ў пошуках індывідуальна-аўтарскага почырку ідзе па шляху эксперыменту і ўключае ў паэтыку “традыцыйнай” прозы стылеўтваральныя прыёмы іншых кірункаў. Творы Ф. Сіўко заўсёды маюць рэальную аснову, вынікаюць з асабістага вопыту, назіранняў і ўражанняў аўтара, арыентаваны на праўдзівае і аналітычнае адлюстраванне паліфаніі жыцця і супярэчлівасці натуры чалавека. Карыстаючыся прыёмамі традыцыйна-рэалістычнага пісьма, Ф. Сіўко дакладна і трапна аднаўляе прыродныя, прасторава-геаграфічныя, бытавыя рэаліі і стварае яркі вобраз беларуска-латышкага памежжа, што дазваляе весці гаворку пра лакальны тэкст у яго творчасці. Не апошняю ролю ў стварэнні спецыфічнага лакальнага тэксту пісьменніка мае адметная мова, насычаная дыялектызмамі і рэгіяналізмамі.

Для аповесцей Ф. Сіўко ўласцівы нелінейнасць і фрагментарнасць апаведу, перамяшэнне некалькіх пластоў нарацыі, якія часам вылучаны графічна розным шрыфтам, значную ролю мае рэтраспекцыя і прыём расшчаплення часу, спалучэнне ў адзін сюжэтны шэраг храналагічна адрозных падзей. Пісьменнік звяртаецца да адвечных філасофскіх і маральна-этычных праблем чалавечай экзістэнцыі. На аснове рэалістычна адноўленага жыццёвага, бытавога матэрыялу ён разгортвае сюжэты сваіх твораў так, каб раскрыць духоўны патэнцыял герояў, паказаць іх у няпростай сітуацыі маральнага выбару, вызначэння асабістай мадэлі паводзін.

Такія вострыя праблемы маральнага самавызначэння стаяць перад героямі аповесцяў, якія ўвайшлі ў зборнік “Раз шкілет, і два – шкілет” (2019). Змешчаныя тут чатыры творы напісаны ў розны час, але сабраныя аўтарам пад адной вокладкай невыпадкова: яны паяднаны агульнай тэмай наўмыснага зробленага або выпадковага злачынства/смерці, а таксама праблемай віны і пакарання/даравання. У кожнай аповесці смерць па чыёйсьці віне мае сюжэ-таўтваральную функцыю, з’яўляецца адпраўной кропкай пераходу аўтарскай увагі на духоўна-ментальны ўзровень персанажаў. Прыём плыні свядомасці дазваляе раскрыць унутраныя перажыванні трагедыі, якая наклала адбітак на ўсё далейшае жыццё герояў, – пакуты сумлення, спробу самапраўдання, прагу помсты. Памяць і пастаяннае вяртанне персанажаў у мінулае дазваляе скласці цэласную сюжэтную мазаіку, суаднесці былое з іх уласным цяперашнім існаваннем.

Літаратуру рэалізму вылучае традыцыйная скіраванасць да праблем чалавечай экзистэнцыі. Увага да экзистэнцыйнага кампаненту свядомасці бачна на прыкладзе аповесці Ф. Сіўко “Тыдзень вялікай коткі” з узгаданага зборніка. Як адзначае Г. Л. Нефагіна, “экзистенциальная стілевая тенденция концентрирует внимание на человеке, чье существование трагично, и трагизм этот самым героем не осознается, хотя ощущается. В этом случае экзистенциализм полностью лишен теоретических оснований и вряд ли осознан. Он скорее всего самозарождается из повседневности в тисках сменяющих друг друга «пограничных ситуаций»” [2, с. 276]. Жыццё галоўнай гераіні, Людмілы Гарнак, як і яе маці Любы, напоўнена трагічнай адзінотай, непрыкаянасцю і жыццёвай неўладкаванасцю. Характар Людмілы вызначаюць дзіцячыя ўражанні ад паўночнага горада А, куды былі сасланы бацькі і дзе памёр маленькі брат, жыццё ў галечы з маці ў правінцыйным гарадку, а потым і смерць маці на вачах дзяўчынкі ад рукі былога лагернага наглядчыка Васіля Зелянухі. Напластаванне трагічных падзей, у якіх ёсць канкрэтныя вінаватыя, фарміруе ў душы гераіні адчуванне недаверу да іншага, хранічнай варожасці свету і немагчымасці асабістага шчасця. Сукупнасць гэтых перажыванняў нараджае прагу помсты і жаданне адплаты крыўдзіцелям.

Фіксуючы эмацыянальныя і псіхалагічныя зрухі ў характары сваёй гераіні, пісьменнік ставіць яе перад адвечнай маральнай дылемай: забыць і дараваць, або адпомсціць і самой пакараць зло і несправядлівасць. Праблема злачынства і пакарання працінае ўвесь твор. Якія разбуральныя працэсы адбываюцца ў душы чалавека, які абірае помсту, але як тады пакараць зло? *Але ж і міма подласці праходзіць не выпадае. Ёсць рэчы, якіх не ўнікаць трэба, а наадварот, — набліжацца да іх, каб не даць ім мажлівасці паўтарыцца ў прышласці,* – разважае Людміла [3, с. 150].

Аповесць Ф. Сіўко вылучаецца вобразнай асацыятыўнасцю і ёмістай метафарычнасцю. Праблемы забойства і пакарання, злачынцы і ахвяры, пераможцы і пераможанага паўстаюць у творы як бінарныя апазіцыі, як непадзельна злучаныя паміж сабой праблемы-спарышы, падмацаваныя ў тэксце зрокавым вобразам соснаў-спарышоў з падвешанымі паміж імі арэлямі, які застаўся ў памяці Людмілы з “паўночнай” пары яе дзяцінства. Гэты вобраз становіцца ў творы метафарычным і прасочваецца на розных ўзроўнях твора. Перавернутая выява соснаў-спарышоў з арэлямі графічна праглядаецца ў зашыфраванай назве паўночнага горада А. Спарышамі з’яўляюцца лёсы маці і дачкі, якія гінуць ад рукі аднаго і таго ж чалавека. Пабачаная Людмілай сцэна забойства маці, калі тая сшчапілася з Зелянухам, таксама выклікала ў яе памяці знаёмы вобраз: *абрысы іх сплеценых у адно паставаў нагадвалі абрысы камля хвой-спарыша ў А.* [3, с. 133]. Імя галоўнай гераіні таксама бінарнае: на пачатку яна Люся, а потым, пасля перажытага гора і рашэння помсціцца, мяняе імя на Мілу. Метафара спарышоў выклікае асацыяцыі з шалямі, на якіх ляжыць складаны маральны выбар гераіні. Яе настроі і ацэнка ўласнага рашэння гойдаюцца з такой жа вялікай амплітудай, як тыя арэлі на соснах-спарышах з дзяцячых успамінаў. Урэшце, яна сцвярджаецца ў абраным выбары: *Цень ад гэтага граху, у адрозненне ад папярэдніх, ні на хвіліну не азмрочыць рэшту адпушчаных ёй лёсам гадоў* [3, с. 153].

Выношваючы план помсты, Людміла без перабольшання жыве тэлевізійнымі праграмамі пра паляванне: чалавека на жывёліну, жывёл паміж сабой. Матыў адвечных ловаў драпежніка і ахвяры, калі пераможца і пераможаны мяняюцца месцамі, прадказвае фінал аповесці. Драпежнік і здабыча, за якімі пільна сочыць кінакамера аператара, заўсёды побач і цікаюць адзін за адным. Так злучаны паміж сабою Людміла Гарнак і састарэлы Зелянуха, які, тым не менш, не страціў ранейшага спрыту. Людміле так і не ўдаецца спраўдзіць помсту, яна сама становіцца ахвярай і гіне ад рукі Васіля Зелянухі. Непакаранае злачынства паўтараецца, цяпер ужо з дачкой. Зло аказваецца больш моцным, рашучым, бо не абцяжарана рэфлексіямі, як у Людмілы. Зелянуха зноў застаецца пераможцам і, здзейсніўшы чарговае забойства, мае выгляд чалавека, які ўдала схадзіў на паляванне. “Прыкрываюць” яго злачынства сын і следчы па прозвішчу Бібікаў – нашчадак таго следчага, які калісьці абы як “расследаваў” забойства маці, Любы Гарнак.

Трагізм і адзінота галоўнай гераіні абумоўлена і чалавечай адчужанасцю, абьякавасцю, адсутнасцю хоць якой спагады і спробы паразумення. Так, першае каханне Людмілы, Аляксандр Дарашэнка, не палічыў патрэбным пагаварыць з ёй і высветліць прычыны непрыемнага інцыдэнту, праз які яны рассталіся. Атрымаўшы праз многа гадоў ад яе ліст, сам не ведаючы чаму, не адказаў ёй, а сустрэўшы ў санаторыі – зрабіў выгляд, што не пазнаў. Ён абірае ролю пасіўнага назіральніка за падзеямі, а пасля паведамлення пра забойства Людмілы спакойна кладзецца спаць: *Дрэма, цяжкая, як хмары за акном, авалодвае ім, і ён наступова правальваецца ў сон* [3, с. 176].

Пачуццё агульнай віны за ненаўмыснае забойства, агульны тайны грэх паяднаў герояў аповесці “Раз – шкілет, і два – шкілет” са зборніка з аднайменнай назвай. Звычайная бытавая сітуацыя скончылася смерцю двух чалавек, якая здарылася праз неабдуманую юначую помсту Тадэвуша Дзерваеда. Ён у свой час балюча перажыў зробленае, але таямніцу нікому не раскрыў, ні перад кім не павініўся, а з цягам часу дасягнуў кампрамісу з сумленнем і навучыўся жыць з гэтым грахам. Выкуплення віны не адбылося, наадварот, ён дасягнуў згоды з сабой, і толькі выпадковыя дробязі нагадваюць яму пра былое: *Перамалолася, перагарэла – час не толькі лекар, але і магільшчык яшчэ той, аказваецца* [3, с. 284]. Напрыканцы твора, нягледзячы на прыгаданні трагічны эпизод з юнацтва, апускаецца ў сон і Тадэвуш Дзерваед.

Сон апаноўвае напрыканцы і героя аповесці “Шула-мегаполіс”, у якой пісьменнік з ўласцівай яму рэалістычна-аналітычнай манерай падымае праблему рэлятывізацыі і разбурэння традыцыйных маральна-этычных каштоўнасцяў. Успаміны пра няспраўджаныя адносіны, сустрэча з былым каханнем, пачуццё віны за смерць сястры, да якой ён ускосна спрычыніўся, за сябра, на дапамогу якому не пажадаў прыйсці, – усё гасіцца пад ўздзеяннем жыццёвай прагматычнай філасофіі. Час прыпарушвае раны і герой дзівіцца, *як неўпрыцяж усё зрабілася неістотным з прамінулага жыцця, як незаўважна аддалілася, стала абьякавым тое, што колісь гарачыла кроў* [3, с. 79]. Нягледзячы на чарвячок сумлення, які *выпаўзае вужакай з нетраў памяці і вярэдзіць, вярэдзіць глуды дакорам*, герой засынае. *Мінулым не будзеш жыць вечна, – заспакойвае ён сябе* [3, с. 67].

Калі жаночыя вобразы ў аповесцях Ф. Сіўко дзейсныя і актыўныя, то мужчынскіх персанажаў, як правіла, аб'ядноўвае слабы асобны пачатак, эмацыйная неразвітасць, духоўная атрафія, абьякавасць і аморфнасць. Невыпадкова некаторыя апавяданні пісьменніка маюць адметныя назвы “КЛёнік. Апавед эгаіста”, “Мары з бульвара Даву. Апавед гіпатоніка”. У галоўнага героя апошняга твора, які гасцюе ў сваяка ў Парыжы, завязваюцца адносіны з жанчынай. Ён і яна ў Парыжы часова. Сустрэча ўзрушвае душу галоўнага героя, нараджаючы няўлоўнае, няпэўнае пачуццё магчымага кахання. Але яно не рэалізуецца часткова з-за нерашучасці героя, а часткова з-за адсутнасці сугучнасці і эмацыйнага супадзення ў людзях. Як кажа герою яго новая знаёмая, *да таго ж мы зусім розныя. У мяне сто сорок ціск, у цябе – сто дзесяць* [3, с. 41]. Невыпадкова жанчына па імені *Мары* так і застаецца марай, якая пасля вяртання героя-гіпатоніка ў звычайнае будзённае жыццё паступова растае ў памяці.

Энтрапію і абясцэньванне чалавечага жыцця Ф. Сіўко паказвае ў апавяданні “Куфар айца Тамаша. Апавед віжаватага”, стварыўшы ўмоўна-рэалістычную сітуацыю. Духоўная дэвальвацыя акаляючага свету знаходзіць сваё выражэнне ў алегорыі. Месіянер айцец Тамаш спавядае новую рэлігію, якая завецца рэлігіяй рэчаў. Пры гэтым яго старажытны, цяжкі куфар *рэч найгалоўная, бо служыць схронам для ўсіх астатніх*. Пакінуты без увагі на агульным калідоры, ён запаўняецца жыхарамі дома друзам і смеццем: *Бульбянае шалупінне ўперамешку з маянэзам, папера, рыбная луска, дзіравыя шкарпэткі, дзяржальна ад патэльні, квашаныя яблыкі...*[4, с. 51]. Пісьменнік выкарыстаў метафарычна-алегарычную форму адлюстравання чалавечага існавання, якое самі людзі напаўняюць бессэнсоўнасцю, брудам і нікчэмнай драбязой. Айцец Тамаш неаднаразова нагадвае пра паўсюдную аднолькавасць людзей, што падкрэслівае паўтаральнасць і агульнасць сітуацыі.

Выкарыстоўваючы магчымасці рэалістычнага пісьма, пісьменнік шукае дадатковыя спосабы сэнсавага насычэння твораў і звяртаецца да ўмоўна-алегарычных форм, якія, дзякуючы фантастычным дапушчэнням, дазваляюць больш востра паказаць алагічную сутнасць рэальнасці. Падобныя эўфемістычныя формы Ф. Сіўко ўжывае ў прыпавесці “Дзень бубна”, у якой паказаны абсурдны, але, тым не менш, пазнавальны свет. Парадаксальная рэчаіснасць выклікала незваротныя працэсы знішчэння асобы, расчалавечванне чалавека. Ён згубіў сваё найменне, страціў боскую сутнасць і пераўтварыўся ў біялагічную адзінку, атрымаўшы назву *цюха*. За гэтай назвай-новатарам пісьменніка праглядаецца слова *пенцюх* – недарэка, няздара, няздольная ні на што людскае. Нарацыя ў творы вядзецца ў двух пластах: ад імя маладой жанчыны-цюхі па імені Кіці, якая жыве і працуе ў рыбгасе “Мярэжы” недзе ў Азёрнай Цюхані, і паралельнага апаведу рыбіны-вугрыхі Стужкі. Вугрыха надзеленая здольнасцю жыць не толькі ў вадзе, але і перамяшчацца па лужынах і роснай траве па сушы і такім чынам назіраць за жыццём цюхаў, якое падаецца ёй дзіўным і бессэнсоўным.

Галоўным пачуццём цюхаў ёсць страх. Прычым пачуццё страху распаўсюджваецца і на прыватнае, штодзённае жыццё. Так, у свядомасці цюхі Кіці страх хранічны: *Страх зрабіць не так, як патрабуецца, страх камусьці не дагадзіць, не спадабацца, урэшце, — самы, бадай, галоўны, прынамсі, для яе галоўны — застацца да скону ў адзіноце, бы заціснутая з усіх бакоў вузкае прасторы става рыбіна* [5, с. 193].

Метафарычным увасабленнем дыктатуры робіцца бубен, пад рытмы якога праходзіць жыццё цюхаў, напоўненае кампаніямі барацьбы то з бабрамі, то з выдрамі, то з андатрамі, а потым і з вуграмі, якія нібыта знішчаюць палеткі. Удары бубна задаюць рытм жыцця, яго агульнасць, уніфікуюць існаванне прыватнага чалавека, падпарадкоўваючы яго агульнай сістэме, вымагаючы сінхранізацыі думкі і дзеяння. Адзінае, што можна проціпаставіць дыктату бубна – біялагічны інстынкт, які выпадае з-пад кантролю грамадства. Любошчы *тубыльцаў цюхаў* займаюць вугрыху таму, што *хоць і чыняцца з перасцярогаю быць заспетымі падчас іх ды асуджанымі – вось жа дурноце!* – да сябе падобнымі, усё ж, у адрозненне ад астатняга, што яны робяць, маюць у сабе драбок разняволенасці. Гэта адзіны, бадай, бок іхняга існавання, дзе кожны пачуваецца збольшага гаспадаром самога сябе [5, с 161].

Яднае цюху Кіці і вугрыху Стужку тое, што яны абедззве жывуць законамі прыроды і апанаваны інстынктам працягу роду, але ў вугрыхі разважанні і пачуцці больш узвышаныя, больш “чалавечыя”, чым у жанчыны-цюхі. Стужка надзелена здольнасцю да рэфлексій і перажыванняў. Прынамсі, калі шукаць ў сутнасці абедзвюх гераінь любоў не толькі як біялагічную з’яву, а з’яву больш высокага, духоўнага парадку, то ў найбольшай ступені яна ўласціва менавіта вугрысе. Адметнасць аповесці Ф. Сіўко ў тым, што аповед вугрыхі мае першыства і дамінуе ў творы. Персаналізацыя нарацыі рыбіны і цюхі падкрэсліваецца і рознымі шрыфтамі: звычайным – вугрыхі, жанчыны – курсівам, як нешта хутчэй дадатковае ці другараднае.

Пад назвамі Цюха Прыморская, Цюха Захмызная, Цюха Прыазерная і іншымі ўмоўнасцямі праглядаецца абсурдызм штодзённага і палітычнага жыцця постсавецкіх краін, бо пры ўсёй неверагоднасці адлюстраванага створаная сітуацыя адэкватна жыццёвай рэальнасці. Такім чынам, пры ўжытых эўфемічных формах адлюстравання жыцця аповесць захоўвае рэалістычны характар, але дэманструе здольнасць рэалізму да выкарыстання мастацкай ўмоўнасці, фантастыкі, мастацкага дапушчэння і іншых стылёвых сродкаў.

Зварот да прыёмаў нерэалістычнага пісьма, спецыфічная роля фантастычнага ў тэксце дазваляе весці гаворку пра праявы магчнага рэалізму ў творчасці Ф. Сіўко. У першую чаргу гэта яскрава праяўлена ў прыпавесці “Удог”, у якой пісьменнік праз прыватныя лёсы сваіх герояў, насельнікаў вёскі Дубраўка, стварае абагульненую карціну беларускага быцця. Гэта быццё пазначана праблемай – стратай народам сваёй ідэнтычнасці, гістарычнай памяці, годнасці і волі быць гаспадаром і абаронцам свайго Дому. Гаворка ўрэшце вядзецца нават пра страту першаснага для ўсяго жывога біялагічнага

інстынкту самазахавання. У аповесці гэтыя небяспечныя працэсы правакуюцца, а потым множацца і ўзмацняюцца праз загадкавае дрэва ўдог з яго магічнай сілай. Кволы парастак гэтага дрэва быў прыўнесены і ўкаранёны на зямлі Дубраўкі яшчэ ў даўнім часе Лістападаўскага паўстання звонку, з чужой мясціны з ўмоўнай назвай Крайна. Прырода не ведае падобнай расліны. Гэты вобраз – творчая знаходка пісьменніка пры імкненні па-мастацку адлюстраваць ірацыянальныя, разбуральныя працэсы, якія адбываюцца ля асноў самой экзістэнцыі народа. Правобразам удога відавочна былі інвазіўныя расліны, моцныя, жывучыя і атрутныя для тутэйшай экасістэмы.

У аповесці Ф. Сіўко магічнае арганічна ўплецена ў рэальны свет бытавой штодзённасці, адноўлены аўтарам з падрабязнымі дэталямі вясковага жыцця, гаспадарчай працы, сямейных стасункаў герояў. Адпаведна ўніверсальным прыкметам магічнага рэалізму, фантастычнае ў творы не парушае законаў рэчаіснасці, ствараючы ўражанне жыццёпадабенства, прымаецца і не аспрэчваецца дзеючымі асобамі. Мастацкі свет аповесці з элементамі магічнага не супярэчыць гістарычнаму кантэксту, а цалкам сугучны і адпаведны яму.

Эстэтыцы магічнага рэалізму ўласціва выкарыстанне яркіх ёмістых вобразаў-знакаў, сімвалаў і метафар, часта запазычаных з фальклору. У беларускім фальклоры ёсць нешматлікія “злыя” расліны, або камбінацыя раслін, адварам з якіх можна апаіць і затлуміць розум. Але аўтар свядома абірае не тутэйшую расліну, а стварае фантастычны вобраз дрэва ўдог – метафарычны знак агрэсіўнага чужога свету. Злавесная сутнасць чужаземнай расліны падкрэсліваецца яго знешнім выглядам: колкія іголачкі на канцах лістоў, чырвоныя і салодкія ягады, гладкі, склізкі ствол, пакручастыя і няроўныя, але моцныя галіны. Учэпістасць і неверагодная жыццёвая сіла гэтай расліны перадаецца і праз графічнае напісанне яго назвы з кручкаватым *g* на канцы, праз фанетыку слова – кароткае і цвёрдае яго гучанне. Не сам удог наўпрост, а салодкія ягады, на якія дрэва незвычайна ўраджаюцца, і пітво з іх на нейкі час пазбаўляе розуму, свядомасці, скажае адэкватнае ўспрыняцце свету.

У аповесці такі напой замбіруе людзей і абуджае ў іх ірацыянальную прагу да разбурэння і знішчэння. Пакаштаваўшы гарэлкі з ягадамі ўдога вар’яцеюць паўстанцы-касінеры, яна ж была прычынай руйнавання ачму-рэлым натоўпам толькі што адрэстаўраванай панскай сядзібы ў 1970-я гг., калі разгортваецца асноўнае дзеянне твора. Пад’еўшы ягад удога, хлопчык Ромка бяздумна падпальвае пуню, у якой згарае бацька. Потым ён і сам згарыць у вогнішчы, раскладзеным на рэштках знішчанага панскага дому.

Важным момантам магічнага рэалізму, падкрэсленым літаратуразнаўцамі і ўласцівым аповесці “Удог”, з’яўляецца адмова ад псіхалагізму ў тлумачэнні ўчынкаў і паводзін герояў. У аповесці сапраўды адсутнічае апісанне ці аналіз унутранага стану ці матывацыі герояў, бо ірацыянальныя паводзіны жыхароў Дубраўкі інспіраваныя магічным уздзеяннем удога. Само з’яўленне гэтага зла і яго культывацыя звязана з вобразамі трох пакаленняў жанчын адной сям’і, якія ў розныя часы, пачынаючы з 1831 г., прыязджаюць

сюды з Крайны. Гэта Пелагея – Слава (вяскоўцы будуць зваць яе Стасяй) – Наталля. Яны падобныя адна на адну знешне і ўвасабляюць сабой дэманічны пачатак.

Пісьменнік паказвае, як паступова мяняецца духоўны свет тутэйшага люду, яго якасныя характарыстыкі: мацнее адчуванне бязвольнасці, страху, абьякавасці, схільнасці да знішчэння сваіх матэрыяльных і духоўных каштоўнасцяў. Небяспечна тое, што большасць тутэйшых не заўважае злавесна-спушталальнай сілы ўдога. Ён настолькі прыжыўся ў навакольным асяродку, што стаў звычайнай з’явай, і на думку многіх прыносіць бяспрэчныя выгады. У выніку такой падмены ва ўсведамленні свайго і чужога, добра і зла, мяняюцца месцамі прычыны і наступствы ірацыянальных паводзін герояў. Сведчаннем такога пераіначвання духоўнай сутнасці, страты самавітасці, нацыянальнага разувааблення ў аповесці служыць перайменаванне вёскі Дубраўка ў Падкрайну.

Хаця магічны рэалізм асацыюецца найперш з лацінаамерыканскім раманам, гэта паняцце ўпершыню з’явілася ў еўрапейскай культурнай прасторы. У выяўленчым мастацтве Еўропы магічны рэалізм часта выступаў сінанімічным адменнікам тэрміна *постэкспрэсіянізм* з яго ўтрыраванымі, дэфармаванымі формамі і кідкімі прыёмамі, народжанымі адчуваннем дысгармоніі свету і крызіснымі грамадскімі з’явамі. У аповесці Ф. Сіўко элементы магічнага рэалізму таксама адлюстроўваюць трывожны настрой аўтара, звязаны з імкненнем ёміста і востра акрэсліць праблему і эфектыўна ўздзейнічаць на чытача.

Так, у творчасці Ф. Сіўко адметным чынам, у адпаведнасці з яго індывідуальна аўтарскім мастацкім светабачаннем, праявілася агульная тэндэнцыя сучаснай прозы да стылёвага сінтэзу, узбагачэння магчымасцяў рэалізму прыёмамі іншых мастацкіх практык.

ЛІТАРАТУРА

1. *Шаўлякова-Барзенка, І.* Аксіясфера беларускай літаратуры XXI стагоддзя: феномен скрыжавання дыялогаў / І. Шаўлякова-Барзенка // *Нацыянальныя культуры в міжкультурной коммуникации* : сб. науч. ст. : в 2 ч. – Минск : Колоград, 2016. – Ч. 2. – С. 454–461.
2. *Нефегина, Г. Л.* Динамика стилевых течений в русской реалистической прозе 80–90-х годов [Электронный ресурс] / Г. Л. Нефагина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-stilevyh-techeniy-v-russkoj-realisticheckoy-proze-80-90-h-godov>. – Дата доступа: 02.09.2023.
3. *Сіўко, Ф.* Раз – шкілет, і два – шкілет : аповесці / Ф. Сіўко. – Мінск : Галіяфы, 2019. – 344 с.
4. *Сіўко, Ф.* Асіметрыя : аповеды, эсэ, запісы / Ф. Сіўко. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2005. – 222 с.
5. *Сіўко, Ф.* Дзень бубна : прыпавесці, аповесць / Ф. Сіўко. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2008. – 276 с.

Поступила в редакцию 14.09.2023

Кудрявцева Ирина Константиновна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой зарубежной
литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Kudriavtseva
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
irina.kudriavtseva@gmail.com

“A WALLED GARDEN” BY P. TAYLOR FROM THE PERSPECTIVE
OF FEMINIST LITERARY CRITICISM

РАССКАЗ П. ТЕЙЛОРА «САД, ОКРУЖЕННЫЙ СТЕНАМИ»
В СВЕТЕ ФЕМИНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

The article offers an analysis of the short story “A Walled Garden” written by the American author Peter Taylor, a Pulitzer Prize winner, from the perspective of feminist literary criticism. Such concepts of feminist literary discourse as the patriarchal system of values, gender roles and stereotypes, the traditional patriarchal ideal of womanhood and others are considered in relation to the fictional world created by the author, in the cultural and historical context of the writer’s life and works, in connection with the story’s system of images.

К е у w o r d s: feminist literary criticism; patriarchal system of values; gender roles and stereotypes; American literature; Peter Taylor.

В статье представлен анализ рассказа «Сад, окруженный стенами» американского писателя Питера Тейлора, лауреата Пулитцеровской премии по литературе, с позиций феминистского литературоведения. Такие понятия феминистского литературного дискурса, как патриархатная система ценностей, гендерные роли и стереотипы, традиционно-патриархатный идеал женщины и т.п., рассматриваются применительно к созданной автором художественной реальности, с учетом культурно-исторического контекста творчества писателя, специфики созданных им художественных образов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: феминистская литературная критика; патриархатная система ценностей; гендерные роли и стереотипы; литература США; Питер Тейлор.

Feminist literary criticism remains to be a productive method of examining literary texts and identifying their deeper meanings. The influential works of such 20th-century authors as V. Woolf, S. de Beauvoir, K. Millet, E. Showalter, S. Gilbert, S. Gubar, H. Cixous and others paved the way for literary interpretation practices based on the intellectual and political advances of the feminist movement. Reading through a feminist lens presupposes analyzing women’s experiences as they are represented in literary works written by male and female authors, examining fictional reality in terms of gender inequality, prejudices and assumptions about women, their resistant attitudes and search for identity in the patriarchal (male-dominated) society, the basic assumption being that literature reflects both society at large and the political and social ideologies of specific authors, which it supports or questions. According to the “Encyclopedia of

Feminist Literary Theory,” the value of feminist literary inquiry is that it teaches its practitioners “how to listen to the unheard voice, how to discern what is said in the moment of silence, how to ask about crucial gaps in any account of history or knowledge, and how to frame questions that recognize that “the personal is political” ” [1, p. xxviii].

Feminist literary criticism is one of the critical approaches discussed in the textbook “Contemporary Interpretation Strategies” (Minsk: MSLU, 2009) used by 5th-year students specializing in literature at Minsk State Linguistic University. In Chapter 3 “Social and Political Criticism. Feminist Criticism” the theoretical material is followed by two stories to be analyzed by students – “The Yellow Wallpaper” by Charlotte Perkins Gilman and “The Chaser” by John Collier. In each of these texts, it is the male character who represents the ideology of the patriarchal society while the female character can be seen as a victim of patriarchy, her desires and unique subjectivity not considered to be important. Students generally don’t have much difficulty in identifying this dichotomy. On the other hand, in the story “A Walled Garden” written by the American author Peter Taylor (1917–1994) both of the principal characters are female – the mother, Mrs. Harris, and her daughter, Frances Ann, who is in her early thirties. Men appear in the story only in the background: Mr. Harris is dead and the young man who is waiting for Frances Ann to prepare herself to go out does not really materialize as a character in the story. In fact, his words in the conversation with Mrs. Harris are left out by the author, so the story becomes Mrs. Harris’s monologue. My teaching practice has demonstrated that “A Walled Garden” can be successfully used as an additional text to be studied within the framework of the feminist approach to literature. The aim of the article is to demonstrate that “A Walled Garden” can serve as an illustration of how the older generation of women enforces traditionalist, patriarchal values upon the younger one, expecting it to conform to particular ideals of femininity and gender roles, which is a fresh perspective for many students.

Peter Taylor was a well-known American short story writer and novelist, winner of the Pulitzer Prize for his novel “A Summons to Memphis” (1986). “A Walled Garden” appeared in Taylor’s collection “Happy Families Are All Alike” (1959), which featured ten stories set in the cities of the American Midwest and the South. Taylor himself was a Southerner born in Trenton, Tennessee. Among his college teachers and friends were Allen Tate, Robert Penn Warren, Randall Jarrell and other significant literary figures of that time. In his works Taylor explored the psychological impact of socioeconomic and cultural changes upon the traditionally patriarchal, conservative and racially divided southern society, and how it responded to 20th-century pressures of urbanization, industrialization, the Civil Rights movement and women’s movement. It’s important to mention that Taylor was from a distinguished family of politicians, lawyers and businessmen, and his characters are also usually middle and upper-class. Many of them find it hard to change habitual roles and psychological patterns.

In Taylor's story Mrs. Harris tells the young man, her daughter's companion whom Mrs. Harris has never met before, about the efforts she has put into creating a beautiful garden *out of a virtual chaos of a backyard*, as well as into raising her daughter as a lady. She describes her garden (which is modelled on her mother's garden) in a very detailed manner, naming the plants (magnolia, marigold, larkspur, roses, hyacinths, jasmine etc.) and foregrounding the connection between her own life and the life of the garden: *...I lost Mr. Harris in the dreadfully hot summer of '48 (people don't generally realize what a dreadful year it was – the worst year for perennials and annuals, alike, since Terrible '30. Things died that year that I didn't think would ever die. A dreadful summer)...* [2, p. 165–166]. It becomes clear to the reader that this garden with its carefully but artificially created beauty is Mrs. Harris's major sphere of interest and a projection of her personality.

Mrs. Harris stresses the fact that her daughter, just like the back yard of the house, for a long time remained a wild creature. She describes what she disliked most about her daughter as a child and a teenager – her dirty clothes and her uncivilized behavior: *Yes, in those days she used to run here and there with people of every sort and variety, it seemed to me. <...> And you should have seen her as a tot of twelve when she would be somersaulting and rolling about on this very spot. Honestly, I see that child now, the mud on her middy blouse and her straight yellow hair in her eyes* [Ibid, p. 166]. Mrs. Harris's efforts to "civilize" her daughter met with resistance from both her husband (*But Mr. Harris would let me put no restraint upon her*) and Frances Ann herself who refused to be the sweet girl her mother expected her to be. Mrs. Harris recollects: *When I used to come back from visiting my people at Rye, she would grit her teeth at me and give her confidence to the black cook. I would find my own child become a mad little animal* [Ibid]. Mrs. Harris still remembers *the strongheadedness of her teens that had to be overcome and the testiness in her character when she was nearer to twenty than thirty* [Ibid].

One particular episode became a turning point in the woman's struggle with her daughter's disobedience and "savage" appearance. Mrs. Harris had been absent for two months caring for her sick mother, and upon return she was displeased with her daughter's unwillingness to communicate and her lack of interest in the new ruffled dress and paper cutouts that Mrs. Harris brought her as presents. The girl tried to run away intending first to hide in the hedge at the far end of the yard and later to climb the wire fence. To Mrs. Harris her daughter more than ever resembled a *little Indian or an angry little cat, a scowling little creature*, so she kept raising her voice *in more intense rage and greater horror at her ugliness* [Ibid, p. 166–167]. She herself was immaculately dressed (high heels, a hat with a veil, a heavy travelling suit) and had some difficulty chasing after Frances Ann. In fact, before she managed to catch the girl by the hand and force her down the fence, Mrs. Harris had torn the veil and turned her ankle in the ditch; and when she tried to catch up with her running daughter again, she turned her other ankle and fell on the ground. According Mrs. Harris, while she was lying there, Frances Ann

climbed into the swing that was hanging from a *dirty old poplar* and began to swing staring *straight down at her mother through her long hair – which, you may be sure, young man, I had cut the very next day at my own beautician’s and curled into a hundred ringlets* [2, p. 168].

This episode changed the power dynamics in the mother-daughter relationship. Now, as Mrs. Harris puts it, *she does see it my way*, suggesting that her daughter, like her unruly hair, has been tamed: *Gardens and floral design have occupied her – with what guidance I could give – have been pretty much her life, really* [Ibid, p. 165]. In fact, Mrs. Harris is surprised that her daughter has met someone outside their little circle of “flower-minded people”: *She makes so few friends nowadays <...>, sees so few people outside our own garden here, really, that I find it quite strange for there to be someone who doesn’t know flowers* [Ibid].

If we examine Mrs. Harris’s system of values and her focus on appearance and female occupations such as gardening from a feminist perspective, it will become clear that she has a very rigid understanding of female gender roles. Women for her are primarily care-takers (*For three years I nursed that little magnolia there, for one whole summer did nothing but water the ivy on the east wall of the house... [Ibid]*), their task is to cultivate themselves, their children and their environment, because uncultivated, unconquered nature, including human and especially female nature, is “evil” and “savage.” The mother’s actions reveal her as a socially constructed, artificial product of the patriarchal society, deprived of natural feminine intuition, unaware of how to behave in unpredictable, non-standard situations. Her daughter’s as well as her own uncontrolled, natural behavior terrifies and repulses her as improper, “unfeminine” (*I believe it was the extreme heat that made me speak so very harshly... I did not jerk her, I didn’t jerk one bit, as she wished to make it appear... [Ibid, p. 167]*).

For Mrs. Harris, women are expected to control their movements, thoughts, feelings and actions, and most obviously, their appearance. Their clothes and hair should demonstrate cleanliness and discipline. As noted by Thom Hecht, “disciplined hair is a powerful representation of controlling authority on and off the body,” it shows “women in control or in need of control” [qtd. in: 3, p. 156]. Moreover, in the patriarchal society outward beauty is one of a woman’s chief commodities, consequently, many efforts go into women’s ‘self-cultivation’ – their use of cosmetics, fashions and hairstyling. This emphasis on female beauty is what feminists have always seen as denigrating women, turning them into objects and causing their fears and anxiety. No wonder the agenda of early feminists included “the right to ignore fashion” [4, p. 12]. The peak of the second wave of the feminist movement in the USA was the boycott of 1968 Miss America pageant in which ‘a freedom trash can’ was created for discarded copies of *Cosmopolitan*, hair curlers and restrictive undergarments. Many modern-day feminists, as Edith Snook notes, “have detailed and contested the dilemmas adhering to beauty, including standards informed by racist, classist and sexist ideals, the veneration of thinness

and youth, the violence adhering to its production, including cosmetic surgery, and its economic consequences, including the trivialization of women's work, the drain on female resources and the commodification of the beautiful woman in media culture" [3, p. 8].

The southern setting of "A Walled Garden" (the action takes place in or around Memphis, Tennessee) adds another dimension to its feminist interpretation. In the 19th and much of the 20th centuries the symbolic image of the white upper-class southern lady was central to the hierarchical structure of southern society. As noted in "Encyclopedia of Southern culture," "...southern womanhood has much in common with the ideas of British Victorian lady and of American true womanhood. All deny to women authentic selfhood; all enjoin that woman suffer and be still, all show women as sexually pure, pious, deferent to external authority, and content with their place in the home. Yet southern womanhood differs in several ways <...>. The southern lady had been from the start at the core of a patriotic impulse; the identity of the South is contingent in part upon the persistence of its tradition of the lady. Secondly, the ideal of southern womanhood seemed to have lasted longer than the other ideals, even to the present. Thirdly, southern womanhood has from the beginning been inextricably linked to racial attitudes. Its very genesis, some say, lay in the minds of guilty slaveholders who sought an image they could revere without sacrificing the gains of racial slavery. And finally, the class – aristocratic – that the image of the lady represents has deeper ideological roots in the South than elsewhere in the United States" [5, p. 1528]. The white southern lady's appearance was thus an important part of cultural semiotics in a social fabric structured by class and race, as well as gender. In this context the attempts of the mother in the story to confer "a clothing conscience" upon her daughter are meant to emphasize not only her femininity, but also her high placement in the social ranking.

All in all, Mrs. Harris seems to have a clear understanding of her mission as a mother and an upper-class woman – to create out of her daughter an ideal lady, a proper woman for the androcentric world. This is probably Mrs. Harris's way not only of controlling her daughter but also of loving and protecting her. The story becomes an illustration of what the French philosopher and writer Simone de Beauvoir noted in her sensational book "The Second Sex" (1949, 1953 English translation): "One is not born, but rather becomes, a woman", it's a destiny that is "imposed upon her by her teachers and by society" (qtd. in [6, p. 342]).

Frances Ann, on the contrary, represents a new generation of women, with a strong urge towards liberty and independence. She is still weak to confront the existing traditionalist assumptions but is nevertheless able to express her dissatisfaction. In spite of her mother's constant pressure she readily socializes, as seen from Mrs. Harris's words: *She throws herself into whatever work she undertakes. <...> She simply spent herself on the Chest Drive this year* [5, p. 165]. Frances Ann doesn't want to limit her world by the walled garden, as the presence of the young man suggests.

In conclusion, it can be said that the story transcends its immediate theme – intergenerational conflict – and may be seen as a tale about shaping and revealing gender identities, obeying rules and strengthening hierarchies. The garden in the story is not a feminine paradise but rather a prison for Frances Ann, associated with restrictions and limitations (besides the wall separating the garden from the outside world, there are all kinds of ornamental hedges, fences, partitions in it). By stressing the self-justifying and domineering tone of Mrs. Harris’s speech Taylor implies that he doesn’t endorse the values that this character represents. The story becomes a critique of women’s psychological dependence on traditionalist assumptions concerning femininity; Taylor suggests that these assumptions are losing their legitimacy in a changing and developing 20th-century southern society.

LITERATURE

1. *Kowaleski-Wallace, E.* Introduction to the paperback edition / E. Kowaleski-Wallace // *Encyclopedia of Feminist Literary Theory* / ed. E. Kowaleski-Wallace. – London ; New York : Routledge, 2009. – P. xxii–xxx.
2. *Taylor, P.* *The Old Forest and Other Stories* / P. Taylor. – New York : Picador USA, 1996. – 368 p.
3. *Snook, E.* *Women, Beauty and Power in Early Modern England. A Feminist Literary History* / E. Snook. – New York : Palgrave Macmillan, 2015. – 230 p.
4. *Cott, N. F.* *The Grounding of Modern Feminism* / N. F. Cott. – New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1987. – 372 p.
5. *Encyclopedia of Southern Culture* / ed. by C. R. Wilson, W. Ferris. – Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 1989. – 1634 p.
6. *LeGates, M.* *In Their Time : A History of Feminism in Western Society* / M. LeGates. – New York : Routledge, 2012. – 400 p.

Поступила в редакцию 12.10.2023

Леська Лілія Пятроўна

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры беларускай
і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Liliya Leska

PhD in Philology
Associate Professor of the Department
of Belarusian and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
leska.l.5@yandex.ru

АСПЕКТЫ ВІЗУАЛЬНАГА Ў ВЕРШАВАНЫХ КАЗКАХ В. ВІТКІ

ASPECTS OF THE VISUAL IN POETIC FAIRY TALES BY V. VITKA

У артыкуле выпрацаваны метадалагічны інструментарый для даследавання праблемы візуальнага ў вершаваных казках В. Віткі. У якасці цэнтральных прыёмаў аналізу праблемы візуальнага выкарыстаны зрокава акцэнтаваныя прыёмы погляду на самога сябе, погляду іншага, панарамнага агляду і графічныя вобразы.

Дамінантным вобразам мастацкай геаметрыі ў вершаваных казках “Вавёрчына гора”, “Буслінае лета”, “Казка пра цара Зубра” з’яўляецца вобраз кола. З аднаго боку, гэта вобраз прадметнага свету пісьменніка (драўлянае кола – аснова для дамоўкі буслоў), з другога – сімвалічна-мысленны вобраз-знак выражэння цэнтральнай канцэпцыі твора (яднання сям’і ў казцы “Вавёрчына гора”, самапазнання ў казках “Буслінае лета” і “Казка пра цара Зубра”).

Візуальны свет твораў В. Віткі зменліва рухомы, у ім суіснуюць аўтарскія бачанні і ўяўленні чытачоў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *V. Vitka; візуальнасць; мастак; беларуская дзіцячая літаратура; вершаваная казка; вобраз кола; зрокава-візуальны.*

The article develops methodological tools for studying the problem of the visual in V. Vitka’s poetic fairy tales. Visually accentuated techniques are used as the central techniques for analyzing the problem of the visual: the techniques of looking at oneself, another person’s view, panoramic view and graphic images.

The dominant image of artistic geometry in the poetic fairy tales “Squirrel’s Sorrow”, “Stork’s Summer”, “The Tale of Tsar Aurochs” is the image of the wheel. On the one hand, it is a part of the writer’s world of objects (a wooden wheel is the basis for the stork’s nest), on the other hand, it is a symbolic mental image – the expression of the central concept of the work (family unity in the fairy tale “Squirrel’s Sorrow”, self-knowledge in the fairy tales “Stork’s Summer” and “The Tale of Tsar Aurochs”).

The visual world of V. Vitka’s texts is dynamic, it combines the author’s concepts and readers’ beliefs.

Key words: V. Vitka; the visual; artist; Belarusian children’s literature; poetic fairy tale; the image of the wheel; visual.

Праблема візуальнага ў мастацкім свеце В. Віткі не была прадметам асобнага даследавання, хаця творчая спадчына майстра пісаць для чытачоў “нападрас” шматстайна і рознааспектна вывучана ў артыкулах і манаграфіях Р. Бензярука, С. Марчанкі, А. Марціновіча, В. Несцяровіч, М. Шаўлоўскай, У. Юрэвіча, М. Яфімавай.

Мэта дадзенага артыкула – асэнсаваць аспекты візуальнага ў вершаваных казках В. Віткі.

Мэтазгоднасць пастаноўкі праблемы візуальнага на матэрыяле казак “Вавёрчына гора”, “Буслінае лета”, “Казка пра цара Зубра” В. Віткі абгрунтаўваецца тым фактам, што большасць вершаваных твораў паэта паспяхова праілюстравана мастакамі У. Басальгам¹, Т. Беразенскай, Л. Зеневіч, І. Іскрынскай, М. Казловым, К. Шаранговічам, а паэтычная кніга “Чытанка-маляванка” стала плёнам надзвычай творчага саюза пісьменніка В. Віткі і мастака А. Луцэвіча. Гукі і фарбы ў зборніку выступаюць не адасобленымі прыкметамі паэтычнай рэальнасці, а сутнаснымі ўвасабленнямі быццёвага адзінства. Дзякуючы сумеснай працы мастакоў² і паэта ствараецца яркае прадстаўленне цэласнасці мастацкага свету, шматстайныя аспекты якога асэнсоўваюцца айчыннымі даследчыкамі.

Вершаваныя казкі В. Віткі, прадстаўленыя ў візуальных відах мастацтва, сталі “жыццяздольнымі” як культурныя архетыпы, набылі папулярнасць, ператварыліся ў мадэлі для выхавання і выклікалі з’яўленне шматлікіх інтэрпрэтацый.

Так, У. Юрэвіч тлумачыць, што “мастацкае бачанне пісьменніка праявілася ў пільнай увазе да *дробязей*, якіх так шмат у аўтабіяграфіі В. Віткі: *Памятаю дзедаву хату. Яе акенцы былі выпілаваны на шырынню роўна аднаго бярвяна. І хоць мы жылі ў асяродку, наша хата была самай крайняй пры забалочанай лугавіне, якая грэбляй дзяліла вёсачку напалам. За хатаю адразу ж пачыналіся глінішчы, ямы, з якіх людзі капалі на свой абыход гліну. У глінішчах я пасвіў карову*” [1, с. 167]. Даследчык слухна падкрэслівае, што В. Вітка дасягае выключнай маляўнічасці ў выяўленні ідэі, бо звяртаецца да самага звыклага. У якасці яскравага прыкладу крытык прыводзіць казку “Вавёрчына гора” (1948), адзначаючы, што поспех гэтага твора ў дзіцячай аўдыторыі быў непазбежны, “бо хто ж з дзяцей не захапляўся вавёркай” [1, с. 179]. Хай дзесяць разоў на дзень убачыць дзіця гэтую лясную прыгажуню, усё роўна будзе бурна радавацца. Паэт гэта неаднойчы назіраў і таму так лёгка пайшоў на тое, каб улюбёнку дзятвы – рыжую пястуху апанавала гора:

Забалелі ў вавёрачкі зубкі –

Не можа раскусіць арэхавай шкарлупкі [2, с. 18].

У. Юрэвіч лічыць, што “В. Вітка ўмее жыць вобразамі, асвоенымі ўжо чытачом, і таму духоўная аддача, на якую разлічвае аўтар, беручыся за рэалізацыю сваёй задумы, заўсёды пэўная і высокая” [1, с. 179]. У невялікай

¹ *Басальга, У.* Ex libris Васіля Віткі (Выяўленчы матэрыял) / У. Басальга – Мінск, [паміж 1980–1990] (1 л.: літагр. ; 12,5х9 ; 13,5х9,5 см.).

² У кнізе “Азбука Васі Вяселкіна”, што выйшла ў серыі “Кнігі нашага дзяцінства” змешчана не толькі біяграфія В. Віткі, але і на апошніх старонках зборніка мэтанакіравана прыводзяцца звесткі пра жыццё і творчасць мастака Л. Зеневіч.

казцы “Дударык” (1962) усё традыцыйна звыклае: і каменьчык у полі, на якім прымасціўся дударык, і дудка на раменьчыку, на якой ён пачынае граць, і сорак восем карабоў пірагоў, якімі надараюць яго за добрую ігру, і клопат пра тое, як забраць пірагі.

Мы пагаджаемся з тлумачэннямі У. Юрэвіча і лічым, што першым штуршком да стварэння візуальна дакладнага малюнка рэчаіснасці з’яўляецца правільны выбар звыклых для дзяцей сітуацый і вобразаў. Але мастакоўскае бачанне В. Віткі не абмяжоўваецца толькі пільнай увагай да дэталю, яно скіравана на канцэптualaнае кадзіраванне, на графічнае шыфраванне.

Даследчык беларускай дзіцячай літаратуры М. Яфімава ў артыкуле “Сонцам сеяў свой палетак” слухна падкрэсліла, што ў адным са сваіх ранніх вершаў, надрукаваных В. Віткам ў 1928 г., ён пісаў: *На сонца вяслую, на сонца*. Літаратуразнавец успрыняла ўзнёсла-рамантычныя словы паэта як “эстэтычны код сэрца паэта” [3, с. 163], што прагне вышыні і цяпла. Кодам гармоніі, гарманічнай цэласнасці і завершанасці паэзіі для В. Віткі стаў вобраз сонца¹, а шлях паэта “скіраваны на сонца” [4], да вышыні. “Высокае неба ідэалу” пазначана і ў псеўданіме паэта. “Віткай”, “вешкай”, згодна з трактоўкай Р. Бензярука, на роднай Случчыне называлі “вяху – высокую тычку са шматком сена ўверсе, якой аддзялялі ўчасткі, надзелы” [5, с. 54].

Прыводзіць Р. Бензярук і другую трактоўку псеўданіма Вітка: “Ёсць і гістарычнае тлумачэнне: з часоў Грунвальда нашыя продкі вогненнымі віткамі (“віцамі”) называлі спецыяльныя каралеўскія гарматы, якія пад час вялікай небяспекі склікалі сялянскае апалчэнне. Каралеўскі пасланец на кані з запаленай віткай на дыдзе нёсся па гарадах і весях, абвяшчаючы пра бяду, што насунулася на краіну.

Відаць, нездарма менавіта ў часы ліхалецця стаў Крысько Віткам, узнікаючы сваімі творамі землякоў-беларусаў на барацьбу з бязлітаснымі ворагамі” [Там жа]. У абодвух выпадках псеўданім Вітка “расшыфроўваецца” як сімвалічнае папярэджанне, пазначанасць. І сапраўды, паэзія Васіля Віткі стала агульнапрызнаным арыенцірам, школай паэтычнага майстэрства, узорам.

Такім чынам, айчынныя даследчыкі заўважылі, што В. Вітка па-майстэрску рэпрэзентуе навакольны свет, звяртаючыся да візуальных вобразаў.

Паняцце візуалізацыі, візуальных сродкаў як адной з найбольш значных уласцівасцей мастацкай вобразнасці ў апошні час шырока выкарыстоўваецца ў розных навуках: літаратуразнаўчай, культуралагічнай, філасофскай². Ас-

¹ Сонечным казачнікам называе В. Вітку і Т. Макарэвіч (*Макарэвіч, Т. Сонечны казачнік / Т. Макарэвіч. – Бібліятэчны свет. – 2017. – №4. – С. 24*).

² *Ивлева, А. Ю. Культурное пространство художественного текста: от символа-предела к символу-образу : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.21 / А. Ю. Ивлева. –*

пекты візуальнага сталі прадметам асэнсавання айчынных і замежных да-следчыкаў: Я. Гарадніцкага¹, С. Кауфман².

Звяртаючыся да візуальных спосабаў рэпрэзентацыі рэчаіснасці, В. Вітка прапануе чытачу стратэгію яе трактоўкі і вызначае ступень жыццёпадобнасці ці ўмоўнасці.

Спосабам выяўлення ўмоўнасці ў мастацкіх тэкстах В. Віткі сталі графічныя фігуры, вобразы-сімвалы, вобразы-знакі.

Графічны малюнак Беларусі ў мастацкім бачанні В. Віткі выяўлены ў вобразе зялёнага лістка (верш “Беларусь”):

На карце вялікага свету
Яна як зялёны лісток,
Песня гарачага лета,
Крынічнай вады глыток [6, с. 115].

Вобраз зялёнага ў гэтым вершы – знакавы, але дамінуючым сярод візуальна-зрокавых аўтарскіх вобразаў, паводле нашага бачання, з’яўляецца вобраз кола з розным сімвалічна-сэнсавым нападуненнем і яго інварыянтныя мадыфікацыі: вобраз дупла (казка “Буслінае лета”), лустэрка (казка “Буслінае лета”, “Казка пра цара Зубра”), кароны (“Казка пра цара Зубра”).

У вершаванай казцы “Вавёрчына гора” цесным *колам* аб’ядноўваецца сям’я вавёрачак перад агульнай бядою, перад хваробаю Веры-вавёрачкі, добрай матулі і бабулі. Бегаюць дочки, клапоцяцца ўнучкі, грэюць прымочкі, прыкладаюць анучкі, каб дапамагчы вавёрачцы суняць боль.

Візуальна бачны вобраз кола ў казцы “Буслінае лета”, ўжо ў кароценькім уступным слове аўтара – запрашэнні да суразмоўніцтва, сумеснага ўваходжання ў таямнічы казачны свет:

Гэта будзе доўгая казка.
А пакуль што на некалькі слоў
Адкажыце вы мне, калі ласка,
Хто з вас бачыў белых буслоў,
Іх старую дамоўку на вязе,
На драўляным шырокім коле.
Можа, з вас хто туды лазіў,
Аглядаў з вышыні наваколле,
Пазнаёміўся з буслам, з бусліхай?
Калі не, ну дык слухайце, ціха [2, с. 34].

Саратов, 2009. – 36 с.; Сузрюкова, Е. Л. Визуальные образы в творчестве А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. Л. Сузрюкова. – Новосибирск, 2019. – 22 с.

¹ *Гарадніцкі, Я.* Суадносіны вербальнага і візуальнага / Я. Гарадніцкі // Максім Багдановіч і сучасны літаратурны працэс : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 100-годдзю першых публікацый вершаў М. Багдановіча, Мінск, 27 ліст. 2009 / Рэсп. ін-т выш. шк. ; уклад. К. А. Кандраценка. – Мінск, 2011. – 160 с.

² *Кауфман, С. Н.* Визуальность в поэтике Н. В. Гоголя: повествовательный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / С. Н. Кауфман. – Новосибирск, 2013. – 15 с.

Аўтар акцэнтуюе ўвагу на рэальным драўляным коле, якое дзед Мікола ўзняў на вяз і тым самым забяспечыў буслоў утульнай дамоўкай.

“Драўлянае кола” не толькі мае выразныя характарыстыкі прадмета, але і валодае значнымі сімвалічнымі адценнямі, што перадаюць перыпетыі доўгага сяброўства, прыязнага суседства чалавека і птушак, гарманічнага суіснавання чалавека і прыроды.

Пашырэнне, узбагачэнне сімвалічнага значэння вобраза кола ў казцы “Буслінае лета” прачытваецца ў кантэксце прыёмаў погляду іншага, погляду з вышыні, панарамнага агляду. Узгадаем момант, як Васіль прыходзіць у гасці да буслоў і аглядае наваколле з вышыні птушынага палёту:

Я пісаць пра ўсё не стану –
Адбылося ўсё па плану.
Браўся ўжо на захад дзень,
Як з’явіўся я ў гняздзе.
Першы раз я ўбачыў свет –
І далёка і шырока,
Пэўна, ні адзін паэт
Не ўздываўся так высока [2, с. 57].

У гасцінай дамоўцы буслоў Васю запрашаюць сесці за круглы стол. У такім сяброўскім коле прыемна знаходзіцца гасцю і любаватца выхаванымі, разумнымі дзецьмі-буслянятамі, дабрабытам у птушынай сям’і.

Вандроўка ўзбагаціла Васіля не толькі новымі ведамі пра жыццё буслоў, але і дала пэўнае ўяўленне пра тое, якім павінен быць пісьменнік, творца. У сувязі з гэтым Вася не хавае свайго задавальнення:

Нездарма я ўсе ж хадзіў
Па вясёлым свеце,
Наглядзеўся розных дзіў,
Так патрэбных дзецям.
І цяпер ізноўку па-парадку
Усё магу пачаць спачатку [2, с. 76].

Радасныя, спавядальныя словы хлопчыка сталі выяўленнем аўтарскай канцэпцыі мастака і мастацтва. В. Вітка як настаўнік, без адкрытай дыдактычнасці і павучальнасці, такой стамляльнай для дзяцей, дае першыя ўрокі творчасці, тлумачыць маленькім чытачам як жа ж стаць сапраўдным паэтам. Абавязковай умовай для фарміравання мастака з’яўляецца яго блізкасць да прыроды. І сапраўды, Вася першапачаткова з’яднаны з прыродай. Цэлы дзень ён пісаў свой “шэдэўр” на ўлонні прыроды, а калі наступіў адвечорак, схаваў напісанае ў дупле.

Чароўная “схованка” – важны сюжэтно-кампазіцыйны момант казкі. “Вандроўка ў пошуках загубленага” [7] стала дарогай добрых знаходак – як пазнання навакольнага свету, так і спасціжэння асабістай мастакоўскай вартасці.

Працэс разумення каштоўнасці творчых набыткаў, згодна з трактоўкай В. Віткі, уключае ў сябе некалькі этапаў. Па-першае, напісанаму патрэбна крыху адляжацца, потым аўтарскі “шэдэўр” павінны прачытаць і ацаніць уважлівыя чытачы, як гэта зрабіў дзяцел (казка “Буслінае лета”). Гэта ён знайшоў Васілёў твор, а пасля гэтага доўга птушкі *слібізавалі*, сэнс глыбокі ў ім шукалі, але так і не знайшлі яго [2, с. 75]. Відавочна, што першая рэдакцыя пісьмовай работы была *слабаватай, сырой*, хаця хлопчык шмат *выхваляўся, што ён паэт...* [2, с. 75]. Толькі крытычны погляд іншага (погляд дзятла – не толькі лекара ляснога, а выхавацеля і настаўніка для пачынаючых пісьменнікаў) паспрыяў мастакоўскаму сталенню Васіля.

Дзяцел быццам тлумачыць, што сапраўднае мастацтва павінна адпавядаць высокім патрабаванням, а калі не, то яго будуць выкарыстоўваць толькі для гаспадарчых патрэб, а не для духоўнага росту. Лясны лекар прыгадаў, што калі ён прачытаў напісанае Васілём і так і не знайшоў высокага сэнсу, тады з чыстага ліста паперы змайстраваў сабе ён дзверы, *каб не дзьмуў у хату вецер, як былі малыя дзеці* [2, с. 76].

Такі ўмоўны пераход ад пошуку высокіх ідэй да спажывецкіх патрэб, безумоўна, вучыць дзяцей быць патрабавальнымі да створанага імі, умець правільна ставіцца да крытычных заўваг, выпраўляць асабістыя памылкі.

Выхаваўчыя мэты В. Вітка вырашае і ў вершаванай казцы “Казка пра цара Зубра” (1960). *Іскрыстым, звонкім вадаспадам, афарыстычна адточаных радкоў пачынаецца казка* [3, с. 165]. Дзеці разам з аўтарам захоплена аглядаюць прасторы Белавежскай пушчы, дзе столькі прыгажосці, шмат розных лясных жыхароў. Між імі вылучаецца прыгожы магутны зубр, з якім не пабаяўся ўступіць у спрэчку Вася, кемлівы хлапчук. Зубр паабяцаў Васі, што выпусціць яго з лясных нетраў на волю толькі тады, калі хлопчык зможа паказаць яго сыночку-зубраняці па тэлевізару перадачу. Ашчадна і клапатліва ставячыся да багаццяў роднай прыроды, Вася выйграў умоўны паядынак з царом Зубрам. Хлопчык паказаў сваю перадачу лясным жыхарам. Экранам паслужыла люстраная паверхня возера, антэнай – хмель, нават музыка суправоджае паказ:

Гуў нібы віяланчэль
Аksamітным басам чмель
І ўся слухала зямля
Музыку “Палёт чмяля” [2, с. 92].

У дзіцячай казцы В. Віткі тоіцца глыбокая філасофія разумення ўзаемаадносін чалавека і прыроды. Чалавек заўсёды будзе пераможцам, калі правільна спасцігне і выкарыстае багацці прыроды, не парушыць натуральную гармонію. На ідэйны змест твора выразна працуюць візуальна-зрокавыя вобразы кароны і возера-люстэрка. У водным адбітку ўсе звяры бачаць у сваім абліччы як адмоўнае, так і станоўчае. Але не ўсе правільна разумеюць убачанае. Воўк абурыўся, ён не паверыў сваім вачам, не пагадзіўся з тым, што на экране ён выглядае злосным і грубым. І, магчыма б, Вася быў бы забітым, каб не яго смеласць і справядлівасць цара Зубра:

І пачуўся царскі голас:
Калі зваліцца хоць волас
З галавы маіх гасцей
Не далічыце касцей!
Хто парушыў слова чэсці,
Каб са свету Васю звесці? [2, с. 95]

Высакародны Зубр справядліва рассудзіў спрэчку, прызнаў перамогу Васіля і здаў карону ў музей. Магутнасць, чэснасць і справядлівасць цара прыроды была ўвекавечана ў эмблеме МАЗа.

Такім чынам, праведзенае даследаванне дае магчымасць падкрэсліць, што для творчасці В. Віткі характэрна мастацкая цэласнасць, гарманічная натуральная паяднанасць выявы паэтычнага малюнка, думкі і канцэпцыі.

Візуальнасць – важны аспект мастацкай вобразнасці казак В. Віткі. У мастацкім свеце вершаваных твораў паэта аспекты візуальнага рэальна перадаюцца ў зрокава акцэнтаваных прыёмах і матывах погляду, сузірання, панарамнага агляду, погляду іншага і глыбокага самапазнання, пры дапамозе якіх выяўляецца аўтарская пазіцыя і бачанні герояў і чытачоў.

Адным з дамінантных графічных вобразаў візуальнасці В. Віткі з’яўляецца вобраз кола, што ўспрымаецца наглядна ў казцы “Буслінае лета” і мысленна ўяўляецца ў казках “Вавёрчына гора”, “Казка пра цара Зубра”.

Новым этапам у вывучэнні візуальнага ў паэтыцы вершаваных казак В. Віткі бачыцца нам разгляд умоўна-сімвалічнага пераходу ад прадметнай падрабязнасці і дэталёвасці да канцэптуальнай абагульненасці, ад шматкаляровай малюнкавасці партрэтаў і яркіх апісанняў герояў, прадметаў, дрэў з вершаваных зборнікаў “Казкі і краскі” (1983), “Госці” (1983) (як у выпадку з *буриштыновым грэбнем Пеці-Певунца* – дырэктара пачатковай птушынай школы (“ППШ”)¹ або з вогненна-чырвонымі ягадамі арабін (“Вавёрчына гора”), генеральскім мундзірам верабейкі з пагонамі ды шнурамі (казка “Генерал верабей”), чырвонай манішкай і шэрым пінжаком гіля (зборнік “Госці”, верш “Гіль”)) да геаметрычных фігур, абрэвіатур (казкі “Вавёрчына гора” “Буслінае лета”, “ППШ”).

ЛІТАРАТУРА

1. *Юрэвіч, У.* Сейбіт добра і справядлівасці / У. Юрэвіч // Погляд. Літаратурная крытыка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1974. – С. 166–193.
2. *Вітка, В.* Дзецям: выбр. творы : у 2 кн. / В. Вітка – Мінск : Юнацтва, 1986. – Кн. 2. : Казкі, апавяданні : Для мал. і сярэд шк. узросту – 350 с.
3. *Яфімава, М.* Сонцам сеяў свой палетак / М. Яфімава. – Польшча. – 2011. – № 5. – С. 163–167.

¹ У казцы “ППШ” В. Вітка нават рэкамендуе: “Дзеся цікавасці па гэтай казцы зрабіць інсцэніроўку.

4. *Марціновіч, А.* Святло чароўнага ліхтарыка. Выбраныя старонкі гісторыі беларускай дзіцячай літаратуры : дапам. для пед. дашк. устаноў : у 2 кн. / А. Марціновіч. – Мінск : Народная асвета, 1997. – Кн. 1. – 176 с.
5. *Бензярук, Р.* Жыў на свеце дзед Васіль. Кніга абразкоў пра Васіля Вітку, ягоны час і сяброў / Р. Бензярук, В. Крысько. – Брэст : Академия, 2006. – 63 с.
6. *Вітка, В.* Беларусь / В. Вітка // Крынічка. Хрэстаматыя для дзяцей малодшага школьнага ўзросту / уклад. Р. І. Шастак. – Мінск : Радыё-плюс, 2012. – 432 с.
7. *Шаўлоўская, М. Ф.* Дыдактычны матэрыял па беларускай дзіцячай літаратуры : вучэб. дапам. / М. Ф. Шаўлоўская. – Мінск : БДПУ, 2007. – 82 с.

Поступила в редакцию 04.07.2023

Макаревич Юлия Сергеевна
магистр,
преподаватель-стажер
кафедры зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Makarevich
MA in Philology,
Trainee Teacher
of the Department of World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
miss_navanna@mail.ru

Кудрявцева Ирина Константиновна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Kudriavtseva
PhD in philology, Associate Professor,
Head of the Department of World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
irina.kudriavtseva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНАХ АМАНДЫ КРОСС

PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF INTERTEXT IN THE NOVELS OF AMANDA CROSS

В статье исследуется феномен интертекстуальности в литературе на материале произведений Аманды Кросс (псевдоним американской писательницы Кэролин Голд Хайлбрун), которая внесла существенный вклад в разработку детективного жанра в литературе США XX века. Для выявления типов и функций интертекста в детективных романах Аманды Кросс были исследованы ее произведения “The James Joyce Murder” и “Poetic Justice”. Выявлены следующие типы межтекстового взаимодействия (по классификации Ж. Женнета): собственно интертекстуальность, архитекстуальность, паратекстуальность. Сделан вывод о том, что творчество писательницы является ярким примером того, как интертекстуальные включения и отсылки расширяют повествовательное пространство произведения детективного жанра, способствуют углублению его тематики и проблематики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *интертекстуальность; детектив; аллюзии; цитаты; литература США; Аманда Кросс.*

The article explores the phenomenon of intertextuality in literature on the basis of the fiction of Amanda Cross (the pen name of the American author Carolyn Heilbrun) who made a significant contribution to the development of the detective genre in the 20th century USA literature. To identify the types and functions of intertext in Amanda Cross’s detective novels, her works “The James Joyce Murder” and “Poetic Justice” were analysed. The following types of intertextual interaction (according to J. Gennett’s classification) were revealed: intertextuality, architextuality, paratextuality. It is concluded that the writer’s work is a vivid example of how intertextual inclusions and references expand the narrative space of a work of the detective genre, contribute to the deepening of its themes and issues.

Key words: *intertextuality; detective genre; allusions; quotations; American literature; Amanda Cross.*

В современных литературных текстах интертекстуальные включения играют важную роль в восприятии и анализе текста произведения читателем. Это связано с тем, что авторы часто используют элементы других культурных традиций и произведений, чтобы точнее передать суть своего произведения. Интертекстуальность реализуется как в художественных, так и в научных текстах, но нас в данной статье интересует только художественный дискурс. Проблемой межтекстовых взаимодействий занимались М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Р. Барт, Ю. Кристева и др. М. М. Бахтин, русский философ, культуролог и языковед, подчеркивает, что роману свойственно пророчить факты, предсказывать и влиять на реальное будущее. Роман соприкасается со стихией незавершенного настоящего, что не дает жанру замереть и застыть [1, с. 473]. М. М. Бахтин утверждал, что «увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир» [2, с. 306]. Культурный диалог, рассматриваемый с философской точки зрения, предполагает активное взаимодействие между автором и читателем (зрителем, слушателем), которое происходит при восприятии произведений искусства. М. М. Бахтин называет данное свойство «диалогизмом», оно присуще всей литературе, так как автор всегда обращается и к современной, и к предшествующей литературе.

Явление «текст в тексте» было знакомо с давних пор, находило свое отражение и в классической литературе, но сам термин *интертекст* был введен только в 1967 г. – постструктуралистской французской исследовательницей литературы и языка Ю. Кристевой в статье, посвященной осмыслению и развитию идей М. М. Бахтина (цит. по [3, с. 105]). Ю. Кристева расширяет концепцию диалогичности, созданную Бахтиным, и утверждает, что для каждого художественного текста характерны множественность и противоречивость смысла, при этом роль интертекстуальности заключается в усилении его смысловой полифоничности и приращении смысла.

Согласно Р. Барту, художественный текст не является законченным продуктом, он находится в динамике создания и пересоздания, а также тесно связан с другими текстами и обусловлен культурными кодами. Р. Барт указывал, что создать полностью оригинальное произведение невозможно, так как оно неизбежно будет основано на цитатах, идеях и концептах других текстов мировой культуры. В статье «Смерть автора» Р. Барт заявляет о том, что главной фигурой становится читатель и его способность интерпретировать и воспринять историю [4]. Р. Барт подчеркивал важность открытости текста в смысловом плане, где его значения многочисленны и не могут быть полностью поняты даже опытным читателем, так нельзя остановить движение текста, «течение смысла».

За последние полвека изучение феномена интертекстуальности получило широкое распространение. Как указывает А. В. Кремнева : «...дальнейшее более детальное изучение вопроса о функциях интертекстуальных включений должно вестись в аспекте выявления взаимозависимости интертекста и литературного направления, к которому принадлежит автор, а также жанра

текста» [5], из чего следует, что интертекстуальность и ее функции соприкасаются с жанровой спецификой произведения и непосредственно с нею взаимодействуют.

Цель данного исследования – выявление интертекстуальной составляющей произведений американской писательницы Кэролин Хайлбрун, которая писала под псевдонимом Аманда Кросс. Ее книги переведены на многие языки, в том числе на русский, и продолжают оставаться в центре внимания читательской аудитории. В своей серии детективных романов о Кэйт Фэнслер, преподавательнице английской литературы в университете и детективлюбителе, писательница широко обращается к текстам произведений классиков мировой литературы, которые выполняют значимые функции на разных уровнях организации художественного целого. Стоит отметить, что Кэролин Хайлбрун сама занималась преподавательской деятельностью, она также известна как представитель феминистской литературной критики.

Тематика произведений Аманды Кросс включает темы творчества, преподавания, преступности, психоанализа, отношений между полами и т.п., что предполагает взаимодействие с широким кругом культурно значимых текстов. Всего в серии детективных романов Аманды Кросс четырнадцать произведений, но нами для анализа выбраны два романа как наиболее репрезентативные с точки зрения интертекстуальности и аллюзивности – “The James Joyce Murder” (рус. перевод – «Убийство по Джеймсу Джойсу») и “Poetic Justice”. В романе “The James Joyce Murder” действие связано с неизвестной ранее рукописью Джеймса Джойса, и именно она становится мотивом преступления. Детективный сюжет романа “Poetic Justice” сосредоточен на творчестве англо-американского поэта Уистена Хью Одена, произведения которого героиня анализирует со студентами в момент совершения преступления.

Детектив (англ. *detective* – сыщик; от лат. *detectio* – раскрытие) – литературное произведение, для которого характерны следующие признаки: наличие тайны преступления, моральное и физическое столкновение сыщика-профессионала или сыщика-любителя и преступника, процесс расследования, при котором проверяются и отрабатываются различные версии случившегося, установление личности преступника, восстановление всех обстоятельств преступления [6]. Ю. М. Лотман говорит о популярности детектива из-за его причастности к сюжетным жанрам. Путешествия, фантастика и детективы дают персонажу «условную, значительно большую, чем в реальной жизни, свободу относительно обстоятельств» [7, с. 109]. Расширение границ детективного жанра не прекращается и способствует развитию многих поджанров, в которых отражаются социальные проблемы, такие как классовое, гендерное и расовое неравенство, кризис социальных институтов, несправедливость полицейской системы, положение личности в современном обществе и особенности ее социализации.

В процессе исследования мы опирались на классификацию транстекстуальности Жерара Женетта, одного из основателей современной нарратологии. Он рассматривал транстекстуальность в своей работе «Палимпсесты» с точки зрения поэтики структурализма. Сам он определял свою теорию как теорию структурализма и отмечал, что поэтика всегда стремилась к описанию транстекстуальности. Транстекстуальность в понимании Жерара Женетта имеет сходство с интертекстуальностью в понимании Ю. Кристевой и является одним из значимых способов интерпретации и прочтения художественных произведений. Жерар Женетт выделил следующие 5 форм транстекстуальности.

1. Интертекстуальность. Присутствие одного текста в другом. Например, цитаты, плагиат, аллюзии. Это является одним из самых частотных видов транстекстуальности. Особенно востребован этот тип транстекстуальности в произведениях, которые можно отнести к направлению постмодернизма в мировой литературе.

2. Гипертекстуальность. Взаимодействие с целым предшествующим текстом.

3. Метатекстуальность. Комментирующие отношения между текстами. Текст взаимодействует с другим текстом не называя его и не цитируя его.

4. Архитекстуальность, подразумевающая жанровое взаимодействие между художественными произведениями. Ж. Женетт считает этот вид транстекстуальности одним из важнейших, так как именно взаимодействие жанров способно изменить поэтику текста.

5. Паратекстуальность, проявляющаяся в отношении литературного произведения к своему заглавию, эпиграфу и т.п. [8, p. 1–4].

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что в своих произведениях Аманда Кросс использует целый ряд межтекстовых взаимодействий. Прежде всего, мы выявили собственно интертекстуальность. В анализируемых романах было обнаружено значительное количество цитат из произведений англоязычных писателей и поэтов, раскрывающих личность главного героя, Кэйт Фэнслер, ее образ мыслей.

Например, в романе “Poetic Justice”, в котором источником аллюзий становится поэзия Уистена Хью Одена, главная героиня цитирует данного поэта: *She reprimanded herself for crotchetiness. “...unready to die,” Kate thought, “but already at the stage when one starts to dislike the young.”* [9, p. 13]. Поэзия Одена становится импульсом для размышлений главной героини, ее самоанализа в связи с кризисом среднего возраста и изменением ситуации вокруг нее.

Примечательно использование автором аллюзивных имен в характерологических целях. В романе “The James Joyce Murder” появляются две яркие героини – пожилая профессор Грейс Нол и Эвелин, ее молодая коллега. Имя Грейс служит аллюзией на рассказ Джеймса Джойса “Grace”, а имя Эвелин отсылает читателя к рассказу Джеймса Джойса “Eveline” и она, подобно его героине, нерешительна.

Следующим типом транстекстуальности является архитектстуальность. Кейт называет себя «престарелой Нэнси Дрю», отсылая к детективным произведениям о девушке-детективе Нэнси Дрю. Нэнси Дрю является 18-летней американкой, детективом-любителем, созданной коллективом авторов под псевдонимом Кэролин Кин (англ. Carolyn Keene). Нэнси вступает в отношения с мужчинами, но не стремится к замужеству, что обусловлено ее молодым возрастом. В расследовании преступлений ей помогают ее друзья – братья Харди, подруги Бесс и Джесс, парень Нэд, ее отец, которые всегда готовы прийти на помощь, если расследование зайдет в тупик. Подобным образом, в романах Аманды Кросс Кейт Фэнслер скептически настроена по поводу замужества, а в системе персонажей также обнаруживаются помощники детектива, например, прокурор Рид, который сначала консультирует героиню как профессионал-юрист, а впоследствии становится мужем героини.

Еще одним жанром, с которым у романов Аманды Кросс образуются архитектстуальные связи, является жанр университетского романа. В произведениях Аманды Кросс взаимодействуют жанровые структуры детектива и университетского романа, так как большое значение, особенно в романе “Poetic Justice”, придается изображению университетской среды, в которой находится Кейт. В романе преступление совершено в стенах университета, и в него оказываются вовлечены преподаватели, чья профессиональная деятельность изображена в романе. Также затрагиваются проблемы столкновения идеалов героини и реалий университетской жизни в контексте расследования преступления.

При рассмотрении паратекстуальных связей можно отметить, что они фиксируются уже в его заголовке. Так, роман Аманды Кросс “James Joyce Murder” практически полностью фокусируется на деятельности этого известного писателя-модерниста, и именно его рукопись становится причиной преступления, а само заглавие романа является аллюзивным. Главы романы названы в соответствии с рассказами самого Джеймса Джойса из сборника «Дублинцы» (“Dubliners”). Также в книге “Poetic Justice” в качестве эпиграфа к прологу служит стихотворение Уистена Хью Одена:

*though one cannot always
Remember exactly why one has been happy,
There is no forgetting that one was [9, p. 12].*

Цитаты из произведений Одена присутствуют в начале каждой главы романа, формируя читательские ожидания относительно описываемых в главе событий, т.е. один текст вступает во взаимодействия с другим текстом. Например, эпиграф первой главы следующий:

*Though mild clear weather
Smile again on the shire of your esteem
And its colors come back, the storm has changed you:
You will not forget, ever,
The darkness blotting out hope, the gale
Prophesying your downfall [Там же, p. 21].*

В самом деле, в первой главе содержится образно-символическая параллель к эпиграфу, в которой актуализируются такие значения слова *downfall*, как ‘падение’, ‘крушение’ и ‘крах’: грядут реформы, которые изменят университет, по мнению Кейт, к худшему.

Таким образом, можно сделать вывод, что интертекстуальность представляет собой важную часть литературного текста, которая проявляет себя в современной детективной литературе. Межтекстовые взаимодействия имеют ключевое значение, так как они дают возможность читателю проанализировать текст иначе, увидеть и воспринять замысел автора. Произведения Кэролин Хайлбрун (Аманды Кросс) является ярким примером межтекстового взаимодействия в детективном жанре, так как это позволяет ей наиболее глубоко подойти к конструированию образов и отражению социальной ситуации в своих художественных произведениях, которые изобилуют интертекстуальными включениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Эпос и роман / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 447–483.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
3. *Шукуров, Д. Л.* Дискурс М. М. Бахтина и теория интертекстуальности / Д. Л. Шукуров // Известия вузов. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Вып. 3 (2). – С. 105–109.
4. *Барт, Р.* Смерть автора [Электронный ресурс] / Р. Барт. – Режим доступа: https://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Estetika_Leschinskaya/4.pdf. – Дата доступа: 24.10.2022.
5. *Кремнева, А. В.* Интертекстуальные включения в художественном тексте: функция характеристики персонажа / А. В. Кремнева // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2018. – № 3 (126). – С. 81–85.
6. *Книгин, И. А.* Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / И. А. Книгин. – Саратов : Лицей, 2006. – 270 с. – Режим доступа : https://licey.net/free/16-kritika_proizvedenii_literatury_obschie_voprosy_otnosheniya_k_literature/60-slovar_literaturovedcheskih_terminov.html. – Дата доступа: 27.11.2022.
7. *Лотман, Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти раамат, 1973. – 135 с.
8. *Genette, G.* Palimpsests / G. Genette. – Lincoln, NE : Univ. of Nebraska Press, 1997. – 490 p.
9. *Cross, A.* Poetic Justice / A. Cross. – New York : Avon Books, 1970. – 169 p.

Поступила в редакцию 03.10.2023

Хмяльніцкі Мікалай Мікалаевіч
доктар філалагічных навук, дацэнт,
загадчык кафедры кітайскай філалогіі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Mikalai Khmialnitski
Habilitation Doctor of philology
Associate Professor
Head of Chinese Philology Department
Belarusian State University
Minsk, Belarus
KhmelnickiNN@bsu.by

ІМАГАЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ С. П. МУСІЕНКА:
БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІ ВЕКТАР

IMAGOLOGICAL RESEARCH OF S. P. MUSIENKA:
BELARUSIAN-POLISH VECTOR

У артыкуле разглядаюцца навуковыя здабыткі С. П. Мусіенка як даследчыка беларуска-польскіх літаратурных сувязей праз прызму імагалогіі. Ахарактарызаваны асноўныя аб'екты літаратуразнаўчай увагі вучонага: тэарэтычна-метадалагічныя прынцыпы імагалогіі як навукі, жыццё і творчасць А. Міцкевіча, Э. Ажэшка, Г. Сянкевіча, С. Выспянскага, З. Налкоўскай, А. Карпюка і інш., феномен беларуска-польскага культурнага памежжа, беларуская/польская рэцэпцыя твораў пісьменнікаў Польшчы і Беларусі. Выяўлены асноўныя вектары імагалогічных даследаванняў С. П. Мусіенка, прысвечаных характарыстыцы форм і ўзроўняў іншанацыянальнай прысутнасці ў творах польскіх аўтараў XIX–XX стагоддзяў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *імагалогія; кампаратывістыка; літаратурныя сувязі; рэцэпцыя; польская літаратура; беларуская літаратура; традыцыя; стэрэатып; дыскурс; памежжа.*

The article examines the scientific achievements of S. P. Musienka as a researcher of Belarusian-Polish literary relations through the prism of imagology. The paper characterises the main objects of the scholar's literary attention, including theoretical-methodological principles of imagology as a science, the life and work of A. Mickiewicz, E. Orzeszkowa, H. Sienkiewicz, S. Wyspiański, Z. Nałkowska, A. Karpiuk, etc., the phenomenon of Belarusian-Polish cultural borderland, Belarusian and Polish reception of the works of writers from Poland and Belarus. The main vectors of S. P. Musienka's imagological research dedicated to the characterisation of the forms and levels of foreign presence in the works of the Polish authors of the 19th–20th centuries are revealed in the article.

К e y w o r d s: *imagology; comparative studies; literary connections; reception; Polish literature; Belarusian literature; tradition; stereotype; discourse; borderland.*

Дыялог літаратур у сацыякультурным арэале славян – гэта гістарычная неабходнасць і аб'ектыўная заканамернасць. Дадзены працэс абумоўлены разнастайнымі фактарамі: гістарычнай рэтраспектывай і перспектывай, моўнай агульнасцю, геаграфічнай блізкасцю, міждзяржаўнымі адносінамі і інш. У выніку такога ўзаемадзеяння ўтварылася адмысловая прастора памежжа, сутнасныя характарыстыкі якой знайшлі ўвасабленне ў мастацкай творчасці розных аўтараў славянскіх краін ад Сярэднявечча да Новага і Навейшага ча-

соў. Гэты пласт прыгожага пісьменства стваралі ў першую чаргу пісьменнікі, народжаныя на памежных тэрыторыях, якія апрыйёры былі запраграмаваны на культурную і літаратурную трансгрэсію.

Падобныя дыялагічныя сустрэчы беларускага субстрату (у самым шырокім сэнсе гэтага слова) і пісьменніцкай свядомасці ў зоне сацыякультурнага сумежжа беларусаў і палякаў мелі сваю спецыфіку ў розных літаратурных эпохі. У выніку гэтага працэсу, як слушна адзначыў У. Казбярук, “польская літаратура да пачатку ХХ стагоддзя стварыла свае традыцыі ў адлюстраванні жыцця беларускага народа, прытым разнародныя. Такія паэты і празаікі, як А. Міцкевіч, Ю. І. Крашэўскі, У. Сыракомля, Э. Ажэшка, М. Канапніцкая і многія іншыя майстры слова, у адпаведнасці са сваім уласным бачаннем заканамернасцей жыцця і грамадскіх працэсаў, уласнымі адносінамі да беларускага народа і да сацыяльных праблем, у адпаведнасці з творчымі схільнасцямі, асаблівасцямі пісьменніцкага таленту, кожны па-свойму паказвалі гэта жыццё” [1, с. 42].

Важную ролю ў сучасным навуковым дыскурсе адыгрывае літаратурназнаўчая імагалогія, якая дапамагае спасціжэнню (адкрыццю) свайго з дапамогай чужога субстрату ў творах розных жанраў. Імагалагічны вектар вывучэння кантэксту і самабытнасці славянскага сацыякультурнага сумежжа ў апошнія дзесяцігоддзі даў плённыя вынікі як у тэарэтычным, так і ў практычным аспектах: з’явіўся шэраг прац, прысвечаных складаным пытанням узаемадзеяння літаратур суседніх з Беларуссю краін, у першую чаргу даследаванню жыцця і творчай спадчыны пісьменнікаў – ураджэнцаў беларуска-польскага сумежжа розных перыядаў [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Заснавальнікам і яскравым прадстаўніком імагалагічнага падыходу ў літаратурназнаўстве на матэрыяле руска-польскіх узаемадачынненняў стаў В. А. Хораў, працы якога з’яўляюцца грунтоўным навуковым падмуркам для вывучэння польска-іншаславянскіх літаратурных сувязей [11; 12; 13; 14; 15]. *Імагалогія*, паводле вызначэння расійскага вучонага, “ставіць сваёй задачай выявіць сапраўдныя і ілжывыя ўяўленні аб жыцці іншых народаў, стэрэатыпы і прадуманыя ўяўленні, якія існуюць у грамадскай свядомасці, іх паходжанне і развіццё, іх грамадскую ролю і эстэтычную функцыю ў мастацкім тэксце” [12, с. 22]. Такім чынам, імагалогія рэпрэзентуе новы тып сістэмна-цэласнага аналізу і твораў розных жанраў, і мастацкай спадчыны пісьменнікаў, і канкрэтнай літаратуры, якая ўспрымаецца ў святле як нацыянальнай, так і іншанацыянальнай традыцыі, аўтарскай свядомасці, сістэмы стэрэатыпаў, моўнай карціны свету таго ці іншага народа.

Важнасць і значнасць імагалагічнага падыходу ў айчынным навуковым дыскурсе засведчыла Святлана Піліпаўна Мусіенка, якая ў сваіх працах даказала яго неабходнасць і плённасць менавіта пры даследаванні беларуска-польскіх літаратурна-культурных сувязей: “Для беларускай навукі вялікую актуальнасць набывае не толькі пытанне вывучэння беларускіх нацыянальных стэрэатыпаў, якія нарадзіліся і выраслі ў межах беларускай культуры, увабралі ў сябе яе традыцыі, каштоўнасці і прыярытэты, але і пытанне аб

стварэнні ахоўнага асяроддзя для далейшага развіцця гэтых стэрэатыпаў, недапушчэння ўплываў, якія могуць уздзейнічаць на гэты працэс, скажаючы, у рэшце рэшт, нацыянальную карціну свету. Відавочна, што беларускі стэрэатып паляка, які быў і застаецца аб'ектам трансфармацыйных уплываў, мае ў гэтым вялікую патрэбу" [16, с. 184].

Доктар філалагічных навук, прафесар С. П. Мусіенка – аўтар больш чым 200 навуковых работ, апублікаваных у Беларусі, Расіі, Польшчы і многіх краінах Еўропы, рэдактар і сааўтар шматлікіх літаратуразнаўчых выданняў, зборнікаў навуковых прац, матэрыялаў канферэнцый і круглых сталоў. У грунтоўных публікацыях вучонага рэканструюецца сацыякультурны кантэкст розных перыядаў беларуска-польскіх літаратурных узаемадачыненняў, аналізуецца творчасць пісьменнікаў дзвюх краін у парадэгме “беларускасць – польскасць”, “нацыянальнае – універсальнае”, а таксама даследуюцца этнічныя стэрэатыпы і іх адлюстраванне ў суседніх літаратурах, праблемы рэцэпцыі, функцыянавання ключавых беларускіх рэалій, вобразаў і матываў у творах прадстаўнікоў літаратуры Польшчы [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца цэласны, заснаваны на прынцыпе гістарызму разгляд славеснага мастацтва беларускага і польскага народаў, які здзяйсняецца С. П. Мусіенка праз прызму імагалогіі ў яго эвалюцыі, ва ўзаемадзеянні і ўзаемапрацікненні. Гэта дазваляе прасачыць працэсы станаўлення і развіцця сацыякультурнага феномена сумежжа, вызначыць і канкрэтызаваць ролю беларускай праблематыкі ў творах польскіх аўтараў розных стагоддзяў.

Імагалагічны падыход, які творча і шматаспектна выкарыстаны ў працах С. П. Мусіенка, актуалізуе міждысцыплінарны вектар даследаванняў, дэманструе плённыя вынікі пры разглядзе духоўна-культурнай спадчыны суседніх славянскіх народаў праз прызму нацыянальнай свядомасці, літаратурных традыцый. З дапамогай такіх паняццяў, як *мадэль мыслення*, *імідж* (вобраз), *стэрэатып*, *этнастэрэатыпы*, *рэцэпцыя*, *тыпалогія* і інш., даследчык будоўвае цэласную сістэму імагалагічных пошукаў і характарыстык [9; 16; 26; 27; 28]. Так, у адной са сваіх прац вучоны слухна адзначае: “Высвятленне і стараннае вывучэнне гістарычных каранёў беларускага стэрэатыпа паляка, умоў і фактараў яго генезісу, зразумела, у большай ступені неабходна самім беларусам для развіцця ўласнай нацыянальнай самасвядомасці, фарміравання гістарычнай памяці, правільнай арыентацыі ў сучасным свеце. А сам стэрэатып у гэтай сувязі можна назваць адным з інструментаў працэсу «канстрування» беларускай нацыі, які і сёння ўсё яшчэ ідзе. Веданне акалічнасцей яго генезісу мае таксама практычную важнасць, бо дазволіць больш выразна бачыць сутнасць праблем, якія існавалі і існуюць у беларуска-польскіх адносінах” [16, с. 179].

Літаратуразнаўца неаднаразова падкрэслівала актуальнасць і плённасць імагалагічнага напрамку даследаванняў, надаўшы яму ў сваіх публікацыях шматстайнае практычнае ўвасабленне. Яна здзейсніла сапраўдны навукова-асветніцкі подзвіг, адкрыўшы ў Гродзенскім дзяржаўным універсітэце імя

Янкі Купалы першы ў гісторыі дзвюх краін музей вядомай польскай пісьменніцы Зоф’і Налкоўскай, жыццё і творчасць якой былі пэўны час звязаны з Гродна. Росшукі дакументаў, размовы са сведкамі, сустрэчы са спецыялістамі, тэксталагічныя штудыі, праца ў архівах далі свой плён: з’явілася наватарскае выданне “Творчасць Зоф’і Налкоўскай” (на рускай мове, 1989) – першае манаграфічнае даследаванне ў СССР пра знакамітую польскую пісьменніцу, у якім былі выкарыстаны неведомыя раней архіўныя матэрыялы, паказана значнасць Гродна ў творчай біяграфіі З. Налкоўскай. Падзеяй у навуковым жыцці стала выданне манаграфіі С. П. Мусіенка “Рэалістычны раман у польскай літаратуры міжваеннага дваццацігоддзя” (2003), якая з’яўляецца грунтоўным даследаваннем жанравай спецыфікі і ідэйна-мастацкай разнастайнасці польскага рамана акрэсленага перыяду з выходамі ў беларускі кантэкст. Не менш знакавай падзеяй стаў выхад кнігі “Ідэйна-мастацкія пошукі ў польскай прозе 1950–60-х гг.” (2015), у якой сістэмна прадстаўлены асноўныя тэндэнцыі яе развіцця, творчыя індывідуальнасці розных аўтараў азначанага перыяду з улікам грамадска-палітычнай сітуацыі і сацыякультурнай дынамікі.

Вектар імагалагічных пошукаў С. П. Мусіенка дастаткова шырокі: навуковец актыўна даследуе беларуска-польскія літаратурныя ўзаемасувязі, феноменалогію сумежжа, віды і ўзроўні рэцэпцыі, механізмы стварэння Іншага ў нацыянальным культурным кантынууме. Аб’екты асаблівай увагі і любові С. П. Мусіенка як прадстаўніка беларускай школы літаратуразнаўчай імагалогіі – жыццё і творчасць Адама Міцкевіча і Элізы Ажэшка. Іх спадчына не раз становілася эпіцэнтрам шматлікіх міжнародных і рэспубліканскіх навуковых канферэнцый, круглых сталаў, семінараў, якія праводзіліся ў Гродна. Гэтым вялікім пісьменнікам – ураджэнцам беларускай зямлі С. П. Мусіенка прысвяціла дзесяткі грунтоўных публікацый [6; 29; 30; 31; 32; 33]. Значную ўвагу даследчык звяртала ў сваіх працах на ролю беларускіх фактараў (атачэнне, мова, прырода, фальклор, звычаі і традыцыі), на фарміраванне творчай індывідуальнасці Адама Міцкевіча, праблему “малой радзі-мы” (ад факта да настальгіі), формы прысутнасці і функцыянавання беларускіх рэалій у яго творах (“Балады і раманы”, “Тражына”, “Дзяды” і інш.).

Беларуска-польскае памежжа ў літаратурнай спадчыне Элізы Ажэшка – яшчэ адзін вектар зацікаўленасці С. П. Мусіенка. Гэтай пісьменніцы Святлана Піліпіўна прысвяціла шмат артыкулаў, у якіх даследавала гродзенскі складнік, міфы, звязаныя з жыццём і творчасцю “малодшай сястры Міцкевіча” (С. Бжазоўскі). Беларускі даследчык шматаспектна разгледзела такія пытанні, як беларускае сялянства ў творчым успрыманні Э. Ажэшка, стэрэатыпы беларуса і беларускай вёскі ў польскай літаратуры XIX ст., нацыянальна-этнічныя рысы беларусаў праз прызму сацыяльнай несправядлівасці, беларускія традыцыі, абрады, фальклор у творах пісьменніцы, роля прыроды наднё-

манскага краю, мастацкі вобраз жыцця народаў рэгіёна, легенды і гістарычная праўда ў асвятленні паўстання 1863 года.

Імагалагічныя даследаванні – ядро дзейнасці “Міжнароднага інстытута Адама Міцкевіча”, створанага прафесарам С. П. Мусіенка ў 2009 г. на базе Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гэтая інстытуцыя аб’яднала навукова-дыдактычныя намаганні беларускіх, польскіх і расійскіх даследчыкаў найперш у галіне імагалогіі як гуманітарнай навукі, распрацаванай вучоным на аснове канцэпцыі і тэарэтыка-метадалагічных палажэнняў прафесара В. А. Хорава ў дачыненні да праблемы ўзаемнага ўспрымання беларусамі палякаў і палякамі – беларусаў. Шматлікія публікацыі беларускага вучонага, выкананыя ў імагалагічным рэчышчы, адкрываюць новыя ракурсы асэнсавання нібыта вядомых мастацкіх твораў польскіх пісьменнікаў розных перыядаў, актуалізуюць міждысцыплінарны вектар даследаванняў, а таксама скіроўваюць навуковую думку да вывучэння духоўнай спадчыны іншага народа праз прызму ўласнай нацыянальнай свядомасці, рэканструкцыі адпаведнай парадыгмы ўзаемаўспрымання суседніх славянскіх народаў, зафіксаванай у помніках культуры, літаратуры і мастацтва.

Тэарэтычныя палажэнні, сфармуляваныя ў працах В. А. Хорава і С. П. Мусіенка, атрымалі ў свой час і вучэбна-практычнае ўвасабленне: Святлана Піліпаўна з’явілася аўтарам двух арыгінальных спецыяльных курсаў для студэнтаў, у якіх на багатым матэрыяле быў рэалізаваны імагалагічны падыход: “Помнікі культуры Гродна ў творчасці Зоф’і Налкоўскай” [34] і “Узаемадзеянне і ўзаемаўплыў моў і літаратур у сучасным мастацка-літаратурным працэсе (імагалагічны аспект)” [27], якія карысталіся нязменнай цікавасцю сярод студэнтаў і калег. Тут актуальныя праблемы імагалогіі набылі канкрэтнае нападзенне і арыгінальную інтэрпрэтацыю, што садзейнічае павышэнню літаратуразнаўчай кампетэнцыі філолагаў-паланістаў, паглыбленню іх краязнаўчага досведу. Напрыклад, у спецкурсе “Узаемадзеянне і ўзаемаўплыў моў і літаратур у сучасным мастацка-літаратурным працэсе (імагалагічны аспект)” разглядаліся такія тэмы і праблемы, як імагалогія ў эпоху глабалізацыі, агульначалавечыя і нацыянальныя фактары ў развіцці сусветнай і нацыянальных літаратур і мастацтваў, адметнасць нацыянальнага вобраза (імаго) і яго істотныя прыкметы, беларус ва ўмовах этнакультурнага памежжа, беларус як этнакультурны тып у польскай літаратуры, эмацыянальна-суб’ектыўнае ўвасабленне беларуса ў творчасці польскіх пісьменнікаў, уплыў этнакультурных і сацыяльна-псіхалагічных рысаў беларуса на польскую літаратуру, беларус як герой польскай літаратуры ў яе гісторыі і сучасным развіцці (Міцкевіч, Ажэшка, Налкоўская, Канвіцкі) і інш. [27]. Важна падкрэсліць, што кожная з прапанаваных тэм можа стаць прадметам асобнага міждысцыплінарнага даследавання на матэрыяле беларускай і польскай літаратур.

Літаратуразнаўца неаднойчы адзначала актуальнасць імагалогіі як навукі, яе запатрабаванасць і практычнае значэнне: “Калі весці размову аб сучаснасці XX і XXI стагоддзяў, то іх характэрнай рысай з’яўляецца немаг-

чымасць захавання замкнёнасці з’яў. Вынаходніцтвы і дасягненні асобных людзей і народаў становяцца дасягненнямі ўсяго чалавецтва. Таму і стала актуальнай патрэба вывучэння «іншага» ці «чужога», якія з’яўляюцца прадметам імагалогіі – навукі, вельмі неабходнай сучаснаму жыццю, яго ідэалогіі, культуры, гісторыі чалавека і чалавецтва” [27, с. 180].

Імагалагічны падыход, прадэманстраваны ў працах С. П. Мусіенка, дазваляе выявіць ролю і значэнне беларускіх рэалій, вобразаў і матываў у іх цэласным узаемадзеянні ў польскамоўным тэксце, што ў значнай ступені абумовіла спецыфіку рэгіянальнага развіцця мастацтва слова. Многія творы літаратуры Польшчы, як слушна даводзіць і абгрунтоўвае беларускі даследчык, з’яўляюцца алегорыяй нацыянальнага быцця народаў памежнага рэгіёна, бо ў іх выяўлены прыродна-ландшафтныя асаблівасці кантактнай зоны, зафіксавана канцэптuallyнае адзінства ў асэнсаванні сакральнага сэнсу малой і гістарычнай радзімы, архетыпу дома і матыву мяжы.

Разгледжаныя працы і высновы С. П. Мусіенка даказваюць, што імагалогія – актуальны і запатрабаваны напрамак айчыннага літаратуразнаўства, скіраваны на выяўленне спецыфікі нацыянальных вобразаў Беларусі і Польшчы ва ўзаемным успрыманні і асэнсаванні, вызначэнне і апісанне феномена польска-беларускага літаратурнага сумежжа. Пры імагалагічным падыходзе беларускасць, якая атрымала ідэйна-мастацкае ўвасабленне фактычна ва ўсіх родава-жанравых сістэмах польскай літаратуры і вызначыла праблемна-тэматычны спектр твораў, разглядаецца шматаспектна і канцэптuallyна.

Такім чынам, тэарэтыка-метадалагічныя палажэнні імагалогіі пры даследаванні беларуска-польскага літаратурнага ўзаемадзеяння, бліскуча прымененыя ў працах С. П. Мусіенка, рэпрэзентуюць міждысцыплінарны вектар даследаванняў, з’яўляюцца грунтоўным падмуркам для будучых штудый па выяўленні прысутнасці і функцыянавання беларускай праблематыкі не толькі ў прыгожым пісьменстве Польшчы, але і ў іншых славянскіх літаратурах.

ЛІТАРАТУРА

1. *Казбярук, У.* Ступені росту. Беларуская літаратура канца XIX – пачатку XX ст. і традыцыі польскіх пісьменнікаў / У. Казбярук. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 189 с.
2. *Бахановіч, Н. Л.* Абліччы Іншага ў шматмоўнай літаратуры Беларусі XIX стагоддзя : манаграфія / Н. Л. Бахановіч ; навук. рэд. І. М. Запрудскі ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. – Мінск : Беларуская навука, 2022. – 305 с.
3. Беларуска-еўрапейскія літаратурныя ўзаемасувязі і імагалогія / Т. П. Барысюк [і інш.] ; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, М. У. Мікуліч. – Мінск : Беларуская навука, 2022. – 492 с.
4. Літаратурныя сувязі: праблемы імагалогіі : Хораўскія чытанні / рэдкал.: С. Ф. Мусіенка [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2016. – 217 с.
5. *Лойка, А.* Роздум пра польскую паэзію XX стагоддзя і яе дачыненні да Беларусі / А. Лойка // Шлях да ўзаемнасці : навук. зб. па матэрыялах Міжнар.

- канф. і чытанняў / Каф. бел. філал. Варш. ун-та [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2000. – С. 7–22.
6. Творчество Адама Мицкевича в имагологическом восприятии в науке XXI столетия : сб. науч. работ / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; Науч.-дидакт. координац. центр «Международный ин-т им. Адама Мицкевича» ; под науч. ред. С. Ф. Мусиенко ; редкол.: С. В. Гончар [и др.]. – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – 254 с.
7. *Хмяльніцкі, М. М.* Дыялог культур і традыцый: беларускі дыскурс у польскай літаратуры 1918–1939 гг. / М. М. Хмяльніцкі. – Мінск : БДУ, 2021. – 208 с.
8. Хоревские чтения. Память культуры: Гродно в жизни и творчестве Зофьи Налковской : сб. науч. работ : в 2 т. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; отв. ред. С. Ф. Мусиенко ; редкол.: И. В. Жук [и др.]. – Гродно : ЮрСаПринт, 2015. – Вып. 2. – Т. 1. – 292 с.
9. *Musijenko S.* Wiktora Aleksandrowicza Choriewa koncepcja imagologii / S. Musijenko // *Studia bibliograficzne*. – 2017. – № 3. – S. 11–43.
10. *Musijenko S.* “Wesele” Stanisława Wyspiańskiego w ujęciu imagologicznym (spojrzenie z Białorusi) / S. Musijenko // *Bibliotheca Mundi. Studia bibliologiczne ofiarowane Janowi Leńczukowi*. – Białystok : Uniwersytet w Białymstoku, 2016. – S. 779–789.
11. *Хорев, В. А.* Об истоках и развитии этнических стереотипов (на материале польско-русских литературных отношений) / В. А. Хорев // *Польская мова і літаратура ў кантэксце славянскіх культур* / рэд. С. Мусіенка. – Гродна : ГрДУ, 1995. – С. 68–81.
12. *Хорев, В.* Имагология и изучение русско-польских литературных связей / В. Хорев // *Поляки и русские в глазах друг друга* / отв. ред. В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2000. – С. 22–32.
13. *Хорев, В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов : имагологические очерки / В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2005. – 231 с.
14. *Хорев, В. А.* Белорусские мотивы в творчестве Тадеуша Конвицкого / В. А. Хорев // *Белорусско-российский диалог (культура и литература Беларуси XX–XXI вв.)* / Рос. акад. Наук ; Ин-т славяноведения ; Нац. акад. наук Беларуси ; Ин-т литературы им. Я. Купалы. – М. : Институт славяноведения РАН, 2006. – С. 136–144.
15. *Хорев, В. А.* Имагологический аспект культурной памяти / В. А. Хорев // *День и вся жизнь : сб. науч. работ ; под ред. С. Ф. Мусиенко*. – Гродно : ЮрСаПринт, 2013. – С. 22–31.
16. *Мусіенка, С.* Беларускі стэрэатып паляка як прадмет гісторыка-імагалагічнага вывучэння / С. Мусіенка // *Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей*. – Минск : РИВШ, 2016. – С. 177–184.
17. *Мусіенка, С.* “Калі я думаю пра Гродна...” (Гродзенскія матывы ў творчасці Зоф’і Налкоўскай) / С. Мусіенка // *Краю мой – Нёман. Гродзеншчына літаратурная. Паэзія, проза, крытычныя артыкулы* / уклад. Д. Бічэль-Загнетава, А. Цяжкі ; рэдкал.: Ю. Голуб [і інш.]. – Мінск : Мастацкая літаратура,

1986. – С. 211–231.

18. *Мусіенка, С. П.* Беларуска-польскія літаратурныя ўзаемасувязі / С. П. Мусіенка // *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. – Мінск : Беларуска-савецкая энцыклапедыя, 1984–1987. – Т. 4. – 1987. – С. 346–350.*

19. *Мусиенко, С. Ф.* Творчество Зофьи Налковской / С. Ф. Мусиенко. – Минск : Наука и техника, 1989. – 205 с.

20. *Мусиенко, С. Ф.* Гродненские мотивы в творчестве Зофьи Налковской / С. Ф. Мусиенко // *Зофье Налковской посвящается... : материалы науч. конф., Гродно, 16–18 мая 1989 г. / под общ. ред. С. Ф. Мусиенко, С. А. Габрусевича. – Минск : Полымя, 1991. – С. 32–41.*

21. *Мусиенко, С. Ф.* Реалистический роман в польской литературе межвоенного двадцатилетия (20–30-е гг. XX в.) : монография / С. Ф. Мусиенко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 262 с.

22. *Мусіенка, С.* Гродна ў дзённіку і творчасці Зоф’і Налкоўскай / С. Мусіенка // *Творчасць Зоф’і Налкоўскай і славянскія літаратуры : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 17–18 мая 2004 г. / ГрДУ імя Я. Купалы. – Гродна : ГрДУ, 2005. – С. 32–40.*

23. *Мусіенка, С.* Генрых Сянкевіч на Беларусі / С. Мусіенка // *Powieść historyczna dawniej i dziś. – Kraków : Wydawnictwo Naukowe AP, 2007. – S. 334–343.*

24. *Мусиенко, С.* Роман Зофьи Налковской «Недобрая любовь» – гродненские реалии / С. Мусиенко // *Pogranicza. Kresy. Wschód a idee Europy. Wiktor Choriew in memoriam. – Białystok : Uniwersytet w Białymstoku, 2013. – S. 723–734.*

25. *Мусиенко, С. Ф.* Жанрово-стилевые искания в польской прозе конца 50-х – середины 60-х гг. XX века : монография / С. Ф. Мусиенко ; Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы, Науч.-дидакт. координац. центр «Международный ин-т им. Адама Мицкевича», каф. иностр. яз. – Гродно : ЮрСаПринт, 2015. – 200 с.

26. *Мусиенко, С.* Польская литература в имагологической интерпретации В. А. Хорева / С. Мусиенко // *Балтийский филологический курьер. – 2013. – № 9. – С. 99–113.*

27. *Мусиенко, С.* Имагология в белорусском литературоведении (программа и некоторые размышления автора-составителя) / С. Мусиенко // *Лингвистика и методика в высшей школе : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; отв. ред. В. С. Истомин. – Гродно : ЮрСаПринт, 2014. – Вып. 6. – С. 177–184.*

28. *Мусиенко, С. Ф.* Гродно в имагологическом пространстве трудов В. А. Хорева / С. Ф. Мусиенко // *Літаратурныя сувязі: праблемы імагалогіі : Хораўскія чытанні / рэдкал.: С. П. Мусіенка [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2016. – С. 7–11.*

29. *Мусіенка, С. П.* Гродна ў жыцці і творчасці Элізы Ажэшка і Зоф’і Налкоўскай / Мусіенка С. П. // *Роднае слова. – № 8. – 2009. – С. 20–25.*

30. *Мусиенко, С. Ф.* Проблема кресов в польском и белорусском социально-бытовом романе (Э. Ожешко, З. Налковской, А. Карпюка) / С. Ф. Мусиенко // Публічная бібліятэка ў кантэксце сацыякультурнай прасторы рэгіёна: два стагоддзі гісторыі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Гродна, 16–17 верас. 2010 г. ; да 180-годдзя з дня заснавання ДУК “Гродзенская абласная навуковая бібліятэка імя Я. Ф. Карскага” : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Гродна, 2–3 чэрв. 2011 г. ; да 170-годдзя з дня нараджэння Э. Ажэшкі / [да зборніка ў цэлым: склад. Л. В. Мальцава, М. Э. Ігнатовіч]. – Гродна : Гродзенская друкарня, 2013. – С. 97–110.
31. *Мусиенко, С. Ф.* Адам Мицкевич – Александр Пушкин: схожесть и различие (имагологический аспект) / С. Ф. Мусиенко // Творчество Адама Мицкевича в имагологическом восприятии в науке XXI столетия : сб. науч. работ / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы, Науч.-дидакт. координац. центр «Международный ин-т им. Адама Мицкевича» ; под ред. С. Ф. Мусиенко ; редкол.: С. В. Гончар [и др.]. – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – С. 71–94.
32. Творчасць Элізы Ажэшкі і беларуская культура : зб. навук. прац / Гродз. дзярж. ун-т імя Янкі Купалы ; каф. польск. філал. ; пад рэд. С. П. Мусіенкі. – Гродна : ГрДУ, 2002. – 332 с.
33. Творчество Элизы Ожешко в эстетическом пространстве современности : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; под ред. С. Ф. Мусиенко ; редкол.: С. Ф. Мусиенко [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 383 с.
34. *Мусиенко, С. Ф.* Спецкурс «Памятники культуры Гродно в творчестве Зофьи Налковской» / С. Ф. Мусиенко // Актуальныя праблемы паланістыкі-2009 : зб. навук. арт. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – С. 229–240.

Поступила в редакцию 14.07.2023

Чарота Уладзімір Іванавіч

кандыдат філалагічных навук, дактарант
Цэнтр даследаванняў беларускай
культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Uladzimir Charota

PhD in philology, Post-PhD Researcher
Centre of Studies of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National
Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
vladimir.charota@gmail.com

ЦЫТАТЫ З ЛІТАРАТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ФРАНЧЭСКА ПЕТРАРКІ
Ў “ФРЫНАСЕ” М. СМАТРЫЦКАГА

THE QUOTATIONS FROM THE LITERARY HERITAGE
OF FRANCESCO PETRARCA IN “THRENOS” BY M. SMATRYCKI

У артыкуле даследуюцца дзве цытаты з літаратурнай спадчыны Франчэска Петраркі, прыведзеныя ў “Фрынасе” (1610) М. Сматрыцкага. Аналіз перакладаў на лацінскую і польскую мовы ўрыўка з 138-га санета “Канцаньерэ” дазваляе сцвярджаць, што толькі адзін з іх (на польскую мову) можа належаць М. Сматрыцкаму, другі ж (на лацінскую мову) здзейсніў нехта іншы, і пісьменнік-палеміст толькі прывёў яго ў сваім творы. Вывучэнне фрагмента з аднаго з “Лістоў без адраса” дало падставы меркаваць, што абодва творы Ф. Петраркі аўтар “Фрынаса” мог працытаваць па зборніку “De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu...” (1582) Я. Ласіцкага.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *палемічная літаратура Беларусі; Мялецій Сматрыцкі; цытата; пераклад; Франчэска Петрарка; санет.*

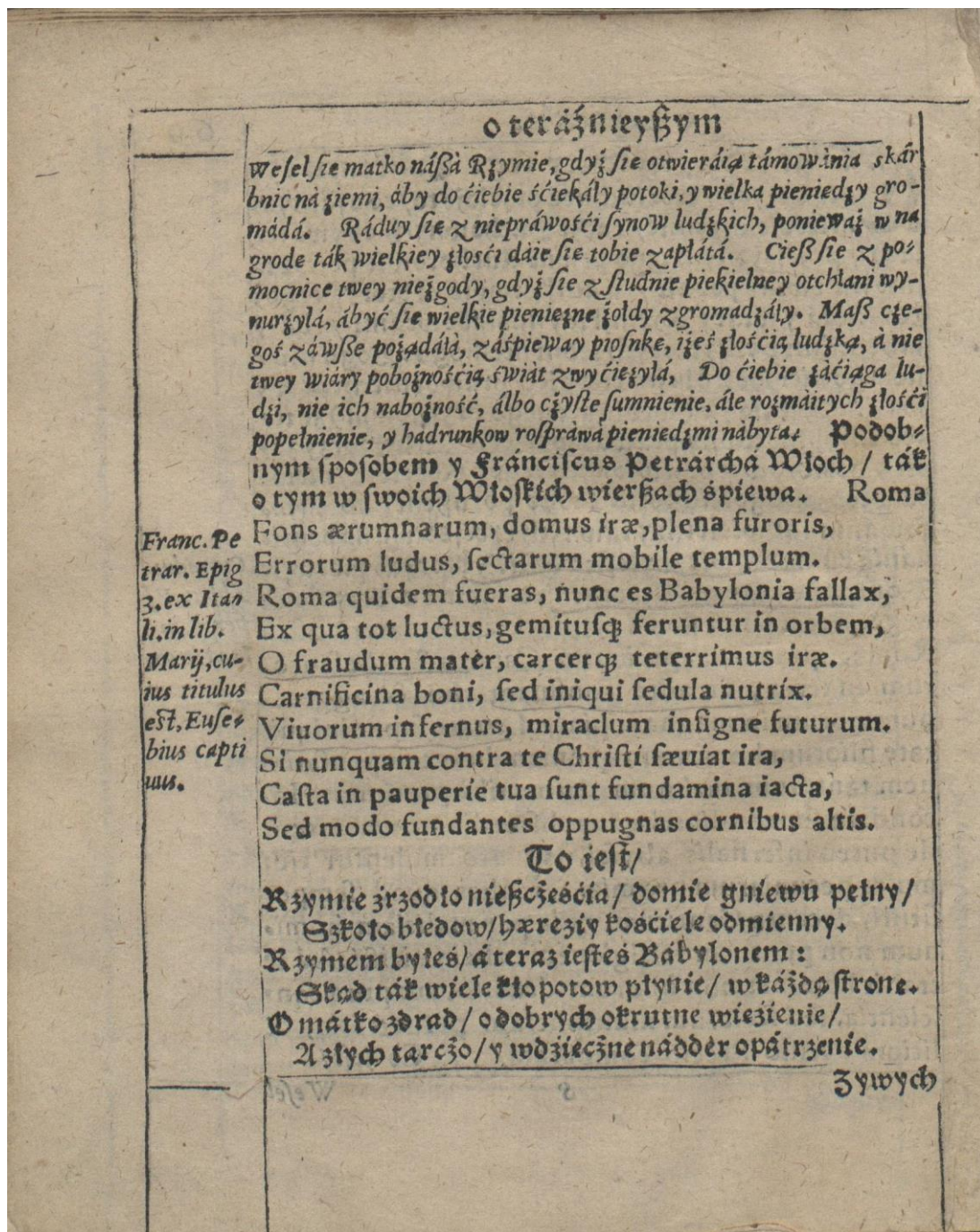
The article examines two quotations from the literary heritage of Francesco Petrarca given in “Threnos” (1610) by M. Smatrycki. The analysis of translations of a fragment of the 138th sonnet of “Canzoniere” into Latin and Polish allows us to state that only one of them (in Polish) can belong to M. Smatrycki, while the other one (in Latin) was made by someone else and the writer-polemicist only cited it in his work. The study of a fragment from one of the “Letters without a title” gave us a reason to suppose that the author of “Threnos” could quote both works of F. Petrarca from the collection “De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu...” (1582) by J. Lasitzki.

Key words: *polemical literature of Belarus; Mjalecij Smatrycki; quotation; translation; Francesco Petrarca; sonnet.*

Выдадзены ў 1610 г. на польскай мове ў Вільні пад псеўданімам Theophil Ortholog “Фрынас [у некаторых крыніцах сустракаецца варыянт “Трэнас”. – У. Ч.], альбо Плач адзінай св. Саборнай Апостальскай Усходняй

Царквы з тлумачэннем Догматаў Веры” (далей у тэксце “Фрынас”. – У. Ч.) [1] пісьменніка і царкоўнага дзеяча Мялеція Сматрыцкага (свецкае імя Максім, 1577–1633) стаў не толькі найбольш значным яго творам, але і выдатным помнікам палемічнай літаратуры Беларусі. Характарызуе яго тое, што ў спрэчцы з католікамі і ўніятамі аўтар выкарыстоўвае ў якасці аргументаў супраць “Рымскага Касцёла” даволі шмат вытрымак з твораў пісьменнікаў, якія з’яўляліся не толькі вернікамі, служыцелямі, але і абаронцамі Заходняй царквы і рымскай веры. Сярод такіх аўтараў, *сведчанні якіх тут у гэтай кнізе* [у “Фрынасе”. – У. Ч.] *цытаваліся* [1, к. [15v]], прысутнічае і *Franciscus Petrarca* – вялікі італьянскі паэт Франчэска Петрарка (Petrarca Francesco; 1304–1374), які быў католікам і меў духоўнае званне. Ён пакінуў пасля сябе знакаміты зборнік лірыкі “Канцаньерэ” (“Кніга песень”), паэмы, маральна-філасофскія трактаты, іншыя паэтычныя і праязічныя творы на лацінскай і італьянскай мовах, а таксама багатую эпістальную спадчыну.

У айчынных літаратуразнаўчых слоўніках, вучэбна-метадычных дапаможніках, даследаваннях можна сустрэць наступныя сцвярджэнні, якія не адпавядаюць рэчаіснасці, але працягваюць распаўсюджвацца: “У гісторыю літаратуры Беларусі санет упершыню ўвайшоў у 1610 г., калі Мялецій Сматрыцкі змясціў у сваім славутым «Фрынасе» ўласны пераклад аднаго з санетаў Петраркі на лацінскую і польскую мовы” [2, с. 287–288; 3, с. 230]; “У беларускай традыцыі [санет. – У. Ч.] ўпершыню з’явіўся ў 1610 годзе, калі М. Сматрыцкі змясціў у сваім «Трэнасе» ўласны пераклад аднаго з санетаў Ф. Петраркі на лацінскую і польскую мовы” [4, с. 136]; “Упершыню ў беларускай літаратуры санет з’явіўся дзякуючы перакладу М. Сматрыцкім аднаго з санетаў Ф. Петраркі на лацінскую і польскую мовы («Фрынас», 1610)” [5, с. 22]; “Першым перакладчыкам санета ў Беларусі і ва Украіне лічыцца Мялецій Сматрыцкі. Ён пераклаў санет СXXXVIII Франчэска Петраркі. Насамрэч былі зроблены два пераклады гэтага твору на дзве літаратурныя мовы Рэчы Паспалітай – польскую і лацінскую, і змешчаныя ў яго знакамітай кнізе «Трэнас»... Фактычна, у М. Сматрыцкага быў асобны варыянт лацінскага перакладу” [6, с. 189]; “У гісторыю літаратуры Беларусі санет упершыню ўвайшоў у 1610 годзе, калі М. Сматрыцкі змясціў у сваім славутым «Трэнасе» (Вільня, 1610) уласны пераклад аднаго з санетаў Петраркі («Папскаму двару ў Рыме») на лацінскую і польскую мовы” [7, с. 195] і г. д. Усе літаратуразнаўцы, якіх мы працытавалі, маюць на ўвазе Санет СXXXVIII “Fontana di dolore, albergo d’ira...” (“Крыніца пакут, прыстанне гневу...”) з “Канцаньерэ”, паколькі фрагмент толькі гэтага паэтычнага твору Ф. Петраркі падаецца на дзвюх мовах у творы пісьменніка-палеміста.

Мал. 1. “ΘΡΗΝΟΣ, to iest Lament...” (W Wilnie, 1610), k. 69 odw.

Па-першае, у чацвёртым раззеле “Фрынаса”, які ... змяшчае трактат пра цяперашні Рымскі Касцёл... [1, к. 68 odw.], на палях, побач з лацінскамоўным урыўкам верша італьянскага паэта, канкрэтна ўказана крыніца, з якой гэты фрагмент быццам бы быў узяты: *Franc. Petrar. Epig 3. ex Itali. in lib. Marij, cuius titulus est, Eusebius captivus* (гл. мал. 1). Упершыню кніга “Eusebius captivus, sive Modus procedendi in Curia Romana contra Luteranos... per Hieronymum Marium” убачыла свет у Базелі. Год яе выдання на тытульным лісце не быў пазначаны, але лічыцца, што адбылося гэта ў 1553 г., паколькі пасля змешчанага ў самым пачатку кнігі ліста-прысвячэння стаяць

месца і дата яго напісання: “Basileae, III Nonas Novembris, Anno M.D.LIII” [8, р. [16]]. Праведзеная намі зверка тэкстаў цытаты ў “Фрынасе” і адпаведнага фрагмента перакладу на лацінскую мову санета італьянскага паэта, змешчанага ў базельскім выданні “Eusebius captivus...” [8, р. 191], выявіла, што яны амаль ідэнтычныя: адрозніваюцца толькі знакамі прыпынку і словам *Roma* пасля фразы *Podobnym sposobem y Franciscus Petrarcha Wloch tak o tym w swoich Wloskich wirszach spiewa* (‘Падобным чынам і Франчэска Петрарка Італьянец так пра гэта ў сваіх італьянскіх вершах спявае’) (гл. мал. 1). Яго, хутчэй за ўсё, дадаў сам М. Смятрыцкі, каб падкрэсліць, што аўтар “Канцаньерэ” пісаў пра Рым. Невядома, зрабіў гэта пісьменнік-палеміст наўмысна альбо проста не ведаў, што ў часы Ф. Петраркі папская рэзідэнцыя знаходзілася не ў Рыме, а ў французскім горадзе Авіньён (так званае “авіньёнскае паланенне папаў” або “вавілонскі палон” у 1309–1377 гг.) і што 138-ы санет, як і два папярэднія (Санет CXXXVI. “Fiamma dal ciel su le tue treccie piova...”, Санет CXXXVII. “L’avara Babilonia ha colmo il sacco...”) “скіраваны супраць папскага двара ў Авіньёне” [9, с. 563]. У італьянскім літаратуразнаўстве гэтыя вершы нават называюць “tre sonetti antiavignonesi” (“тры антыавіньёнскія санеты”) [10, р. 21, 24]. Апошнія чатыры радкі верша Ф. Петраркі, якія адсутнічаюць у “Фрынасе”, гучаць у перакладзе на лацінскую мову наступным чынам: *Quid nam frontis habes meretrix? quo niteris audax? / Spes in adulterijs, spes est in divite cista. / Non igitur redeat te Constantinus adaugens, / Protinus at miserum qui sustinet auferat orbem* [8, р. 191].

Айчынны літаратуразнавец У. Г. Кароткі сцвярджае, што з арыгінала лацінскамоўны пераклад 138-га санета, частку якога прывёў у сваім творы усходнеславянскі пісьменнік, здзейсніў сам аўтар кнігі “Паланёны Яўсебій, або Форма выступлення супраць лютэранаў у рымскай курыі...” – “Тіеранім Марый (Масарый)” [11, с. 64]. Наколькі нам вядома, пад гэтым псеўданімам пісаў Джыролама Масары (Massari Girolamo; паміж 1480 і 1485–1564 гг.) [12]. Трэба адзначыць, што ў першым выданні сваёй кнігі ён надрукаваў усе тры антыавіньёнскія санеты Ф. Петраркі як ў арыгінале, так і пераствораныя на лацінскую мову [8, р. 188–191]. (Заўважым: у цюрыхскім выданні 1597 г. кнігі Дж. Масары ёсць толькі пераклады гэтых трох паэтычных твораў з “Кнігі песень”, а тэксты на італьянскай мове адсутнічаюць [13, р. 80v–81]). Цікава, што прыкладна ў той жа час П’етра (П’ер) Паала Верджэрыя Малодшы (Vergerio Pietro (Pier) Paolo il Giovane; 1498–1565), той самы, які быў знаёмы з Мікалаем Радзівілам Чорным і ў 1556 г. па яго запрашэнні наведаў ВКЛ, надрукаваў сваю кнігу “De idolo lauretano...” (“Пра ідала ларэтанскага...” [Tübingen?], 1554). У ёй на апошняй старонцы змешчаны гэты ж пераклад 138-га санета Ф. Петраркі на лацінскую мову (адрозніваецца ад апублікаванага Дж. Масары толькі знакамі прыпынку) [14].

Звернем увагу на тое, што ў той жа год і ў наступныя П. П. Верджэрыя шмат зрабіў для папулярызацыі трох санетаў (СХХХVI, СХХХVII і СХХХVIII) з “Канцаньерэ” італьянскага паэта і так званых яго “Лістоў без адраса” (зб. “Liber sine titulo” або “Liber sine nomine”), у якіх крытыкавалася папская курыя ў Авіньёне [10, р. 23–24, 27–28]. Існуюць дакументы, якія пацвярджаюць знаёмства аўтараў кніг “Паланёны Яўсебій...” і “Пра ідала ларэтанскага...”: у 1551 г. Дж. Масары ехаў у Базель з рэкамендацыйным пісьмом П. П. Верджэрыя да Г. Булінгера і вёз з сабою яго “памфлет у форме пасланьня супраць сабора”, які павінен быў перадаць Тэадору Бэза [12]. А вось інфармацыю наконт таго, усё ж такі хто з іх двух (не выключана, што і нехта іншы) быў аўтарам лацінскамоўнага перакладу 138-га санета Ф. Петраркі, мы знайсці не змаглі. Ды гэта ў рамках дадзенага даследавання не так і істотна. Галоўнае, што мы высветлілі: са змешчаных у “Фрынасе” двух перакладаў урыўка Санета СХХХVIII. “Fontana di dolore, albergo d’ira...” толькі адзін (на польскую мову) можа належаць М. Сматрыцкаму, другі ж (на лацінскую мову) здзейсніў нехта іншы намнога раней, і пісьменнік-палеміст толькі працытаваў яго ў сваім творы.

Па-другое, як намі было ўжо адзначана, у “Фрынасе” на дзвюх мовах падаецца толькі фрагмент, а дакладней першыя дзесяць радкоў 138-га санета Ф. Петраркі (гл. мал. 1). У арыгінале і цалкам гэты твор італьянскага паэта з’яўляецца ўзорам санета, а вось абодва ўрыўкі, надрукаваныя ў “Фрынасе”, нельга назваць прыкладамі, па якіх можна скласці ўяўленне пра гэтую цвёрдую форму верша: павінен складацца з 14, а не з 10 радкоў; у арыгінале наступная рыфмоўка – АВВА АВВА CD[E CDE], у польскамоўным перакладзе – ААВВССDDEE, а лацінскамоўны пераклад выкананы “без рыфм і наогул без спроб захавання санетнай формы” [15, с. 53]. Прычым сам М. Сматрыцкі, у выпадку калі ён не быў знаёмы з 138-м санетам у арыгінале і падчас працы над “Фрынасам” меў пад рукою цюрыхскае выданне “Eusebius captivus...” (1597), у якім адсутнічаюць італьянскамоўныя тэксты трох твораў з “Канцаньерэ”, мог і не ведаць, што ён цытуе на лацінскай мове і перакладае на польскую менавіта санет. Нават калі пісьменнік-палеміст і ведаў пра гэтую цвёрдую форму верша і яе ўласцівасці, па лацінскамоўным перастварэнні зразумець, што перад ім менавіта яе прыклад, ён мог хіба што толькі па колькасці радкоў. Трэба ўлічваць таксама, што ў цюрыхскім выданні мы не знойдзем слова *санет* (італ. *sonetto*), бо Дж. Масары перакладаў яго на лацінскую мову як *epigramma* (бел. *эпіграма*).

Улічваючы ўсё сказанае, на нашу думку, можна толькі канстатаваць, што чытачы “Фрынаса” знаёміліся са зместам дзесяцірадковага ўрыўка з Санета СХХХVIII. “Fontana di dolore, albergo d’ira...” Ф. Петраркі праз пераклады на лацінскую і польскую мовы, але ні ў якім разе нельга сцвярджаць, што дзякуючы перакладам фрагмента верша Ф. Петраркі, змешчаным у палемічным творы М. Сматрыцкага, у 1610 г. санет упершыню ўвайшоў у гісторыю літаратуры Беларусі або ўпершыню з’явіўся ў беларускай традыцыі.

Zywych piekto/dziw bedzie wielki nieslychany
 Jesli cie w swym nie zetrze gniewie/ Pan nad pany
 W ubostwieſ fundowane/w pokorze/w czyſtoſci/
 Teraz wſzystko to tłumisz rogiem ſwey hardoſci.

Tenże przytaciełowi ſwemu/ Story od niego ra-
 dy zadal/ iesliſze do Rzymu iechać/ a tam taki czas
 strawić miał/ tymi ſłowy odpowiada: Libet ex te
 querere, quid viro optimo cum peſſimis locis? Quid
 tibi cum Babylone? Quis oro non fugiat Babylone-
 nem? & victorum ſimul omnium & laboris ac to-
 tius miſeriae moeſtam domum? Viſa loquor non au-
 dita. Nulla tibi pietas, nulla reuerentia, de veri-
 tate ſileo. Nam quis vnquam vero locus, vbi om-
 nia mendacijſ plena ſunt? Adiuro te Pater per te-
 met ipſum, ne illuceas, vnde nemo vnquam exē-
 plo melior factus, peſſimi autem innumera-
 biles re-
 diere. To ieſt/ Lubo mi cie ſpytać, co dobremu mezo-
 z wielce ſlemi mieyſcami? Coć z Babylone? Ktoż proſze nie
 uchodzi Babylonu? y wyſtepkow weſpol wſelakich, prace a wſel-
 kiej nedze troſkliwego domu? Widziane rzeczy a nieslychane po-
 wiadam. Niemaſt tam zadney pobożnoſci: zadney imienia Bo-
 żego reuerenciej, opravdżie milcże. A bowiem co ja mieyſce tam
 prawdżie? gdzie lakomſtwo wſzystko napelnia? poprzyſiegam cie
 przez cie ſamego Oycze, abyſ nie ſedł tam, ſkad nikt z przyklá-
 du lepszym nie zoſtal, a ſlych bez licżby ſpogorſzenia wyſlo. A
 Mantuanus Baptyſta Minich/ z miáſtemi weſpol y
 wiary pobożnoſć/ inżná ſmiertelnym tożku leżaca/
 tak żátoſnym wierſem opiewa.

Roma quid iſanis toties? quid ſanguine gaudes?
 Quid geris imbelli ſpicula tanta manu?

S ij

Quo

Idem Frã-
 ciſc. Epist
 ad amicũ,
 tale habet
 initium diu
 diſtulisti.

Baptyſta
 Mantuan.
 lib. I. ſylu.

Мал. 2. “ΘΡΗΝΟΣ, to iest Lament...” (W Wilnie, 1610), k. 70.

Пасля прыведзеных урыўкаў з верша італьянскага паэта М. Сматрыцкі піша: Ён жа сябру свайму, які ад яго парады жадаў, ці ехаць у Рым і там нейкі час правесці, такімі словамі адказвае, і далей цытуе, як пазначана на палях, урывак у арыгінале з “Epist. ad amicum, tale habet initium diu distulisti” (“Ліст да сябра, такі мае пачатак “Diu distulisti...””), а потым падае яго ва ўласным перакладзе на польскую мову (гл. мал. 2). Мы ўстанавілі, што гэта вытрымка з ліста “Fran. Petrarca amico, S. Quod in Gallijs habitare disideret, dissuadet” (з “Liber sine nomine”). Але у творы М. Сматрыцкага памылка, бо

ў лісце Ф. Петраркі не *distulisti*, а іншая форма гэтага ж дзеяслова – *distuli*. Параўнаўшы тэксты гэтага твора эпістэлярнага жанру, надрукаваныя ў кнізе з 16 лістамі італьянскага пісьменніка (падрыхтавана П. П. Верджэрыя) і ў двух выданнях XVI ст., з адпаведным месцам у “Фрынасе”, намі было высветлена: цытата ў палемічным творы ўсходнеславянскага пісьменніка скампанавана з асобных сказаў і іх урыўкаў, пры гэтым у арыгінале ліста Ф. Петраркі слова *Pater* там, дзе яно стаіць у кнізе М. Смятрыцкага, адсутнічае, а фразы *ne illuc eas* наогул няма. Вось як павінна выглядаць гэтая цытата, калі яе аформіць у адпаведнасці з сучаснымі правіламі і замест прапушчаных словазлучэнняў, сказаў, даволі вялікіх урыўкаў тэксту паставіць шматкроп’е: *...libet ex te quaerere, quid viro optimo, cum pessimis locis, quid tibi cum Babylone? ... quis oro, non fugiat Babylonem, & vitiorum simul omnium, & laboris ac totius miseriae moestam domum? ... Visa loquor non audita... nulla ibi pietas... nulla Dei* [слова *Dei* у “Фрынасе” адсутнічае. – У. Ч.] *reverentia... ...de veritate quidem sileo, nam quis usquam vero locus, ubi omnia mendacis plena sunt... ...adiuro te* [*Pater* – гэтае слова ў арыгінале адсутнічае, але ёсць у “Фрынасе”. – У. Ч.] *per temet ipsum* [*ne illuc eas* – гэтая фраза ў арыгінале адсутнічае, але ёсць у “Фрынасе”. – У. Ч.]... *unde nemo unquam exemplo melior factus, pessimi autem innumerabiles rediere* [16, f. 10v, 11v; гл. мал. 2].

І тут Ф. Петрарка рэзка выказваецца пра папскі двор – што няма там ніякай набожнасці, ніякага шанавання імені Божлага, а таму ці ж месца праўдзе там, дзе *сквапнасць усё запаўняе*.

Улічваючы тэму твораў італьянскага пісьменніка, да якіх звярнуўся М. Смятрыцкі, у цэлым можна пагадзіцца з меркаваннем У. Г. Кароткага наконт таго, што для аўтара “Фрынаса” “...Мантуан Баптыста, Іяан Мніх, Міхаіл Гей, Франчэска Пятрарка цікавыя толькі таму, што ў іх творчасці знайшло адлюстраванне выкрыццё папства, і не болей. Палеміста цікавіць тое, “што іх аблудныя вусны выказалі праўду” (Θρῆνος, 1610, арк. 69 нен.). Прапаганда ідэй гуманізму, такім чынам, насіла тут даволі ўмоўны характар” [11, с. 62].

Але вернемся яшчэ да 138-га санета Ф. Петраркі, урывак з якога ў лацінскім перакладзе працытаваны ў “Фрынасе”. Некаторыя даследчыкі творчасці М. Смятрыцкага задаваліся пытаннем, чаму ён падаў толькі дзесяць радкоў, а не цалкам верш? Агучваліся самыя розныя версіі, некаторыя з якіх, на наш погляд, малаабгрунтаваныя: “Чым мы можам растлумачыць пропуск менавіта гэтых радкоў у творах пратэстанцкіх пісьменнікаў, а затым у «Фрынасе»? Хутчэй за ўсё, пратэстанты памяталі пра вядомую Сялянскую вайну ў Германіі (1524–1526) і яе трагічныя вынікі. Нагадаем, што ў памяці беларусаў засталася і нядаўняе паўстанне Севярына Налівайкі 1596 г., адзначанае крывавамі падзеямі і на Беларусі. Таму апеляцыя да народавыратавальніка (беднякоў), актуальная ў творы італьянскага гуманіста XIV ст., была сацыяльна небяспечнай з пункту гледжання пісьменнікаў эпохі Рэфармацыі і Контррэфармацыі” [11, с. 64]; “Заканчэнне санета, дзе Рым параўноўваецца з распуснай дзеўкай, магчыма, з-за свайго манапашкага сану

Мялеціі Сматырцікі апусціў – на перыяд выдання «Трэнаса» ён значыўся ў Віленскім брацтве. Пісьменнік-палеміст не стаў перакладаць і апошнія два радкі, дзе падаюцца разважанні лірычнага героя – у чым заключаецца выратаванне Рыму... .. І хоць у тэрцэтах гучаць песімістычныя ноты і, фактычна, адсутнічае ўсялякая надзея на змены, але ж – калі разглядаць гэтыя развагі ад супрацьлежнага, то намёк на магчымае рэфармаванне каталіцкага касцёла ў лепшы бок, усё ж такі, «між радкоў» прачытваецца. Магчыма гэтага і хацеў пазбегнуць Мялеціі Сматырцікі» [6, с. 196–197] і г. д. Мы ж прапануем сваю версію і паспрабуем даказаць, што яна мае права на існаванне.

На нашу думку, апошнія чатыры радкі перакладу на лацінскую мову 138-га санета з “Канцаньерэ” італьянскага паэта не былі надрукаваны ў “Фрынасе” па даволі банальнай прычыне: М. Сматырцікі цытаваў лацінскі пераклад верша Ф. Петраркі не па адным з выданняў кнігі “Паланёны Яўсебій...” Дж. Масары, а па іншай крыніцы, у якой падаваліся толькі першыя дзесяць радкоў. Амаль паўстагоддзя таму ўкраінскі літаратуразнавец Д. С. Налівайка выказаў падобную здагадку: 138-ы санет у “вольных перакладах на лаціну ... быў пашыраны ў заходняй і польскай літаратурах Рэфармацыі, адкуль ён, відавочна, і перайшоў на старонкі «Трэнаса»” [15, с. 54]. Аднак “крыніцу-пасрэдніцу” ўкраінскі даследчык не выявіў. Мы лічым, што ёю мог быць зборнік “De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu...” (“Пра рэлігію, ахвярапрынашэнні, вясельныя, пахавальныя абрады русінаў, маскавітаў і татараў...”), які ў 1582 г. выдаў у Шпаеры (Германія) польскі гісторык і пратэстанцкі рэлігійны дзеяч Ян Ласіцкі (Łasicki Jan; каля 1534 – пасля 1599). Ён вучыўся за мяжой, у тым ліку і ў Падуі. Пасля вяртання ў Рэч Паспалітую Ян Ласіцкі быў на службе ў кашталяна мінскага Я. Я. Глябовіча, жыву ў Вільні, Заслаўі. На 83-й старонцы названага выдання ён піша, што тое ж самае пра Рымскую царкву *спяваў яе падданы Францыск Петрарка*, памерлы ў 1375 г., і пацвярджае свае словы першымі дзесяцю радкамі 138-га санета з “Канцаньерэ” ў тым самым перакладзе на лацінскую мову, які быў надрукаваны ў кнігах Дж. Масары і П. П. Верджэрыя [17, р. 83]. Пры гэтым Ян Ласіцкі ўдакладняе, што ёсць працяг у трэцяй эпіграмы, якая завецца санетам (*Et alia epigrammate tertio. Sonettos ipse vocat...*), і дае спасылку на крыніцу: *in libro Marij, cuius est titulus, Eusebius captivus* [Там жа]. Калі памяняць месцамі два словы ў апошняй фразе на латыні, то яна супадзе з часткай надпісу на палях “Фрынаса”, зробленага побач з лацінскамоўным урыўкам верша Ф. Петраркі. Бясспрэчна, толькі гэтых двух супадзенняў недастаткова, каб сцвярджаць, што зборнік Я. Ласіцкага з’яўляўся “крыніцай-пасрэдніцай” для М. Сматырціка ў выпадку яго знаёмства са спадчынай італьянскага паэта. У тэксе, які ідзе непасрэдна пасля спасылкі на кнігу Дж. Масары, маюцца больш важкія, на наш погляд, аргументы на карысць прапанаванай намі версіі. А іменная: *Idem Petrarcha epistola ad amicum, qua tale habet iniciium Diu distuli* (“Той жа Петрарка ліст да сябра, які такі мае пачатак “Diu distulisti...””) і падаецца той жа самы ўрывац з “*Fran. Petrarcha amico, S. Quod in Gallijs habitare disideret, dissuadet*” [17, р. 83–84], які адрозніваецца ад змешчанага ў “Фрынасе”

толькі, як заўсёды, знакамі прыпынку і тым, што замест *nulla reverentia* (гл. мал. 2) тут, як і ў арыгінале, *nulla Dei reverentia* (Падкрэслена намі. – У. Ч.) [17, р. 83]. Пры гэтым слова *Pater* (у адпаведным месцы арыгінала ліста Ф. Петраркі адсутнічае) і фраза *ne illuc eas* (у арыгінале наогул няма) у зборніку “*De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu...*” прысутнічаюць і размяшчаюцца у тых жа месцах, дзе і ў творы М. Смятрыцкага [параўн.: 17, р. 84; мал. 2]. Прымаючы пад увагу ўсё сказанае, на наш погляд, верагоднасць таго, што гэта простыя супадзенні, вельмі малая. Тым больш немагчыма ўявіць, каб дзве асобы з рознымі поглядамі, адукацыяй і г. д., чытаючы адзін твор (каля 1000 слоў), выбралі з тэкста аднолькавыя словазлучэнні, урыўкі сказаў і, дадаўшы ад сябе адны і тыя ж слова і фразу, скампанавалі амаль ідэнтычныя тэксты (каля 70 слоў у М. Смятрыцкага, на адно слова (*Dei*) больш у Я. Ласіцкага). Спадаемся, што нашы довады на карысць таго, што цытаты з двух твораў Ф. Петраркі маглі “перайсці” на старонкі “Фрынаса” (1610) М. Смятрыцкага з выдадзенага ў 1582 г. Я. Ласіцкім зборніка, былі дастаткова пераканаўчымі. Разам з тым мы не выключаем, што абодва згаданыя пісьменнікі ў сваіх творах маглі цытаваць фрагменты санета і ліста Ф. Петраркі па адной і той жа невядомай нам “крыніцы-пасрэдніцы”, якая была надрукавана да 1582 года.

ЛІТАРАТУРА

1. ΘΡΗΝΟΣ, to iest Lament iedyney ś. Powszechny Apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z objaśnieniem Dogmat Wiary. Pierwej z Greckiego na Słowienski, a teraz z Słowienskiego na Polski przelożony / Przez Theophila Orthologa, Teyże świętey Wschodniey Cerkwie Syna. – W Wilnie, 1610. – [16], 218 k.
2. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах : дапаможнік для студэнтаў філал. спецыяльнасцей ВНУ / В. Рагойша. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2001. – 383 с.
3. Рагойша, В. П. Літаратуразнаўчы слоўнік: тэрміны і паняцці : для школьнікаў і абітурыентаў / В. П. Рагойша. – Мінск : Нар. асвета, 2009. – 303 с.
4. Гоўзіч, І. М. Паэзія / І. М. Гоўзіч // Беларуская літаратура ў 11 класе : вучэб.-метад. дапам. для настаўнікаў устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання / З. П. Мельнікава [і інш.] ; пад рэд. З. П. Мельнікавай, Г. М. Ішчанкі. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі, 2011. – С. 125–155.
5. Базар, Н. М. Паэтыка санета ў творчасці Галіны Бабарыкі / Н. М. Базар // Беларусь на скрыжаванні стагоддзяў: ад класікі да сучаснасці : матэрыялы Міжнар. навук. канф., г. Мінск, 1–2 лістап. 2012 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал. В. Д. Старычонок [і інш.] ; адк. рэд. В. Д. Старычонок. – Мінск : БДПУ, 2012. – С. 21–23.
6. Мінскевіч, С. Заўвагі да перакладаў у Беларусі СХХХVIII санета Франчэска Петраркі / С. Мінскевіч // *Białorutenistyka Białostocka*. – 2015. – Т. 7. – S. 189–202.
7. Хорсун, І. А. Шэкспіраўскія традыцыі і беларускі санет / І. А. Хорсун // Актуальныя праблемы романо-германскай філалогіі і методікі преподавання іностранных языков : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф.

Гомель, 25 окт. 2019 г. / редкол.: Е. В. Сажина (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 194–198.

8. *Marius, H.* Eusebius captivus, sive Modus procedendi in Curia Romana contra Luteranos, in quo praecipua Christianae religionis capita examinantur: trium dierum actis absolutus / per Hieronymum Marium. – Basileae, [1553?]. – [20], 397 p.

9. *Петрарка, Ф.* Сонеты; Канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза / Ф. Петрарка ; предисл. и прим. Н. Томашевского. – М. : Правда, 1984. – 592 с.

10. *La Monica, A.* Indici e controindici: la polemica di Pier Paolo Vergerio contro la censura ecclesiastica / A. La Monica // Quaderni d'italianistica. – 2008. – Vol. XXIX, № 2. – P. 17–28.

11. *Кароткі, У.* Антапалогія праваслаўя і каталіцызму ў творчасці П. Скаргі і М. Смятрыцкага / У. Кароткі // Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры Белдзяржуніверсітэта : навук. зб. / пад агульн. рэд. М. Хаўстовіча. – Мінск, 2008. – Вып. 9. – С. 50–65.

12. Dizionario Biografico degli Italiani [Risorsa elettronica]. – Modo di accesso: https://www.treccani.it/enciclopedia/girolamo-massari_%28Dizionario-Biografico%29/. – Data di accesso: 21.08.2023.

13. *Marius, H.* Eusebius captivus: Sive, Modus procedendi in Curia Rom. contra Evangelicos: in quo est Epitome praecipuorum capitum doctrinae Christianae, & Refutatio pontificiae Synagogae: una cum historijs de Vitis aliquot Pontificum, quae ad negotium Religionis scitu utiles sunt ac necessariae / Annos ante XL. Per Hiero. Marium Vincentinum editus. – Tiguri : Apud Iohannem Wolphium, 1597. – [16], 160 p.

14. *Vergerius, P. P.* De idolo lauretano, quod Julium III. Roma. Episcopum non puduit in tanta luce Evangelij undique erumpente, veluti in contemptum Dei atque hominum, approbare / Vergerius italice scripsit, Ludovicus eius Nepos vertit. – [Tübingen?], 1554. – 75, [10] p.

15. *Наливайко, Д. С.* Петрарка й Боккаччо в давній українській літературі / Д. С. Наливайко // Радянське літературознавство. – 1976. – № 12. – С. 46–57.

16. *Francisci Petrarchae* Florentini Canonici Patavini, et Archidiaconi Parmensis, viri omnium sui temporis doctissimi EPISTOLAE XVI. Quibus planè testatum reliquit, quid de Pontificatu, & de Rom. Curia senserit. Excerptae ex eius libris, qui in manibus hominum verfantur / F. Petrarca. – Argentorati : Apud Christianum Mylium, 1555. – [28] f.

17. *Lasicius, J.* De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu e diversis scriptoribus, quorum nomina versa pagina indicat. His in fine quaedam sunt adiecta, de Livonia pacisque conditionibus, & pace confecta hoc anno, inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moscoviae Nunc primum in lucem edita, cum indice copiosissimo / [Johannes Lasicius (Lasitzki)]. – Spira libera Civitate Veterum Nemetum : excudebat Barnardus D'albinus, 1582. – [8], 295 p.

Поступила в редакцію 24.08.2023

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 5 (126), 2023

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 30.10.2023. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 8,60. Уч.-изд. л. 9,39. Тираж 100 экз. Заказ 48.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172